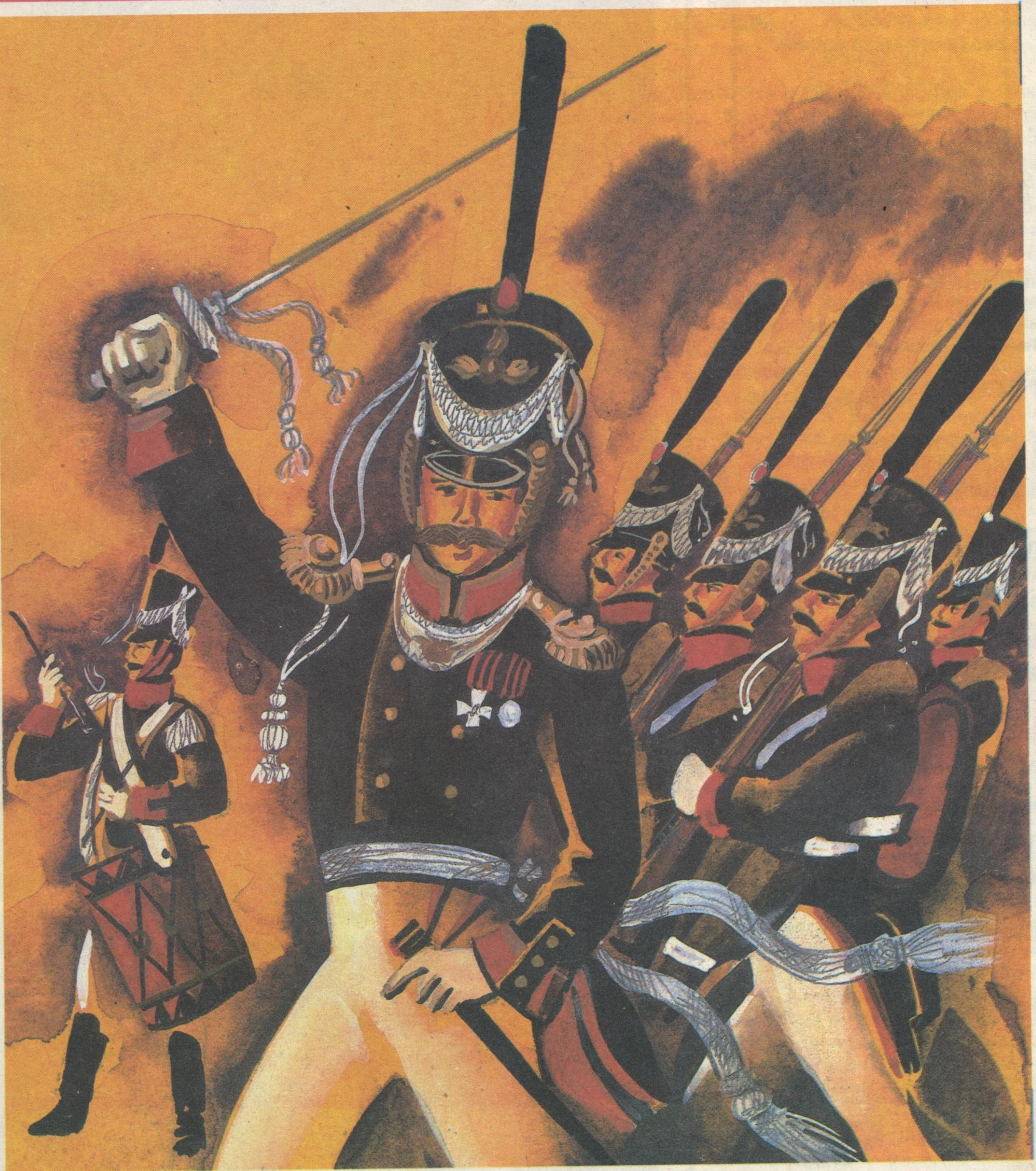

КОСТЁР

2

ФЕВРАЛЬ

1989

КОСТЁР

2

ФЕВРАЛЬ

1989

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

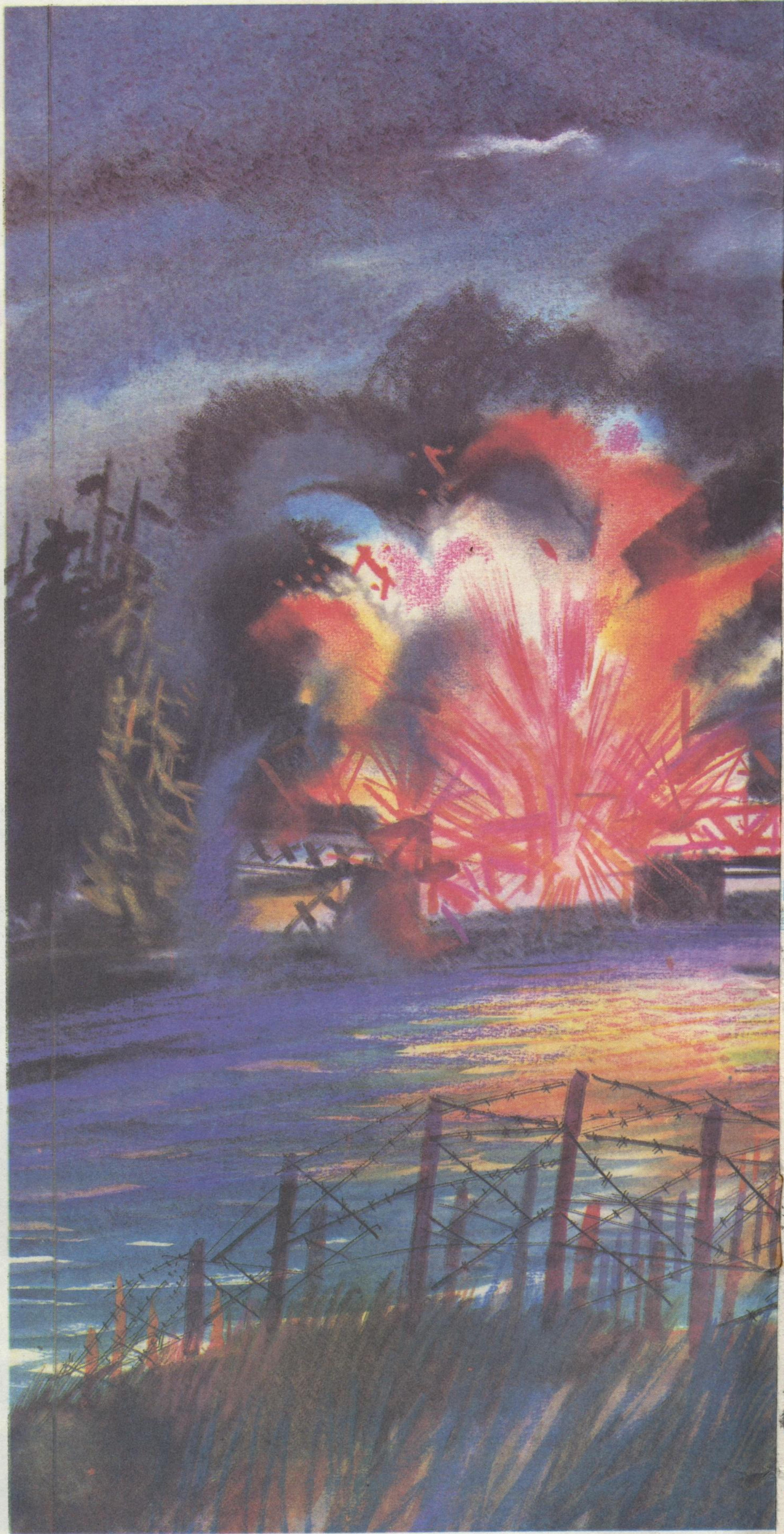
Издается с 1936 года

© «Костер», 1989.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Таким был Леня	1
Абориген повесть Ю. Короткова	4
Лужский лейб-гренадерский репортаж Г. Беззубова	14
Барaban сообщения юнкоров	15
Поздние яблоки очерк С. Шахмурадяна	18
В редакцию пришло письмо	20
Творчество твоих ровесников	21
Любимец города — Вински повесть Аапели	22
Твой зарубежный ровесник	30
Зеленые страницы	32
Морская газета	34
Путешествие по Роботландии	36
Книги и люди очерк В. Парфенова	38
Леопард в скворечнике повесть в сказках С. Сахарнова	40
Веселый звонок	44
Страна поэзия	46
Арчебек шахматы и шашки	47

На обложке
рисунок А. Ивашенцовой
«Лужские гренaдеры»

ТАКИМ БЫЛ ЛЕНЯ

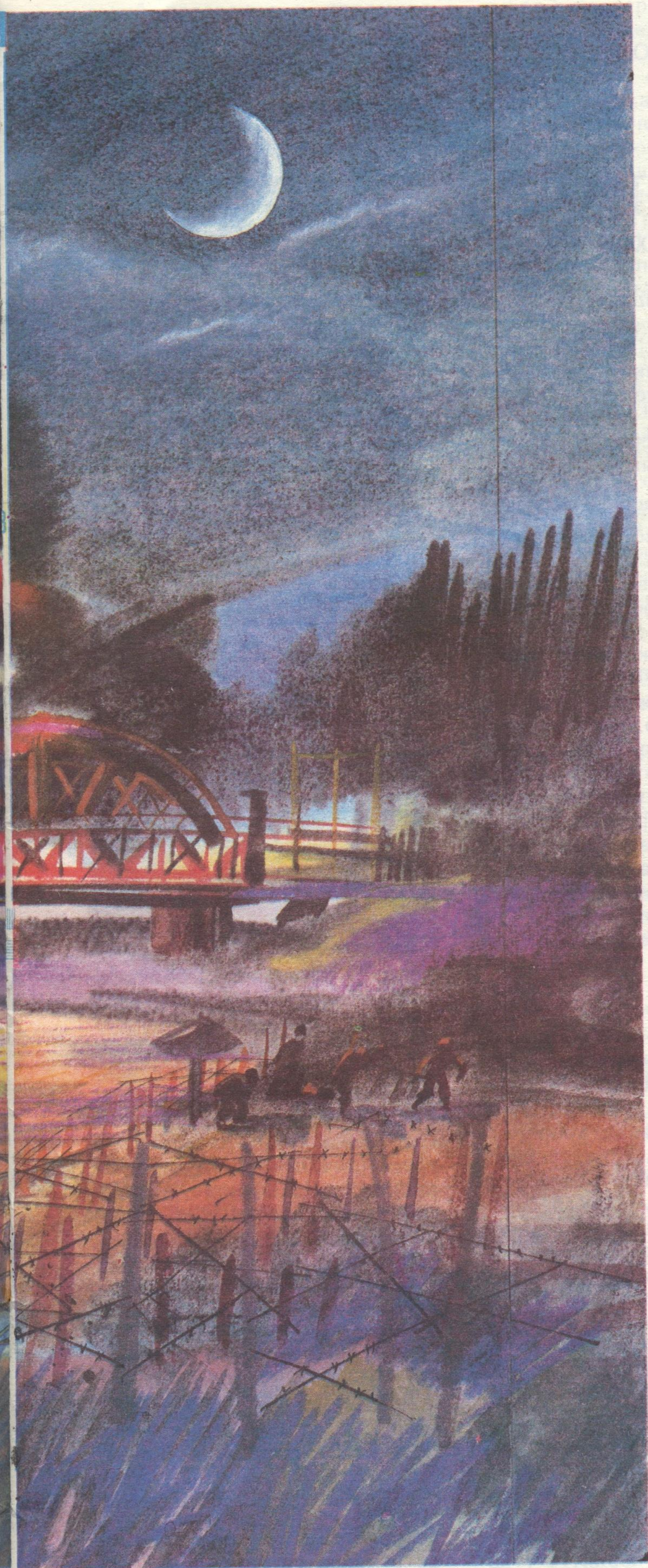
Недавно смотрел документальный фильм «На войне маленьких не бывает». Шли кадры о юных защитниках Родины, в частности, о ленинградском партизане Герое Советского Союза Лене Голикове. И вдруг слышу, что подлинного фото героя не сохранилось, и что его портрет сделан с младшей сестры Лиды. Думаю, как же так не сохранилось? Ведь я же знаю, фотоснимок Голикова был. Только вот где?

В годы Великой Отечественной войны я, как и Леня Голиков, был партизаном-разведчиком. Правда, с ним никогда не встречался, я был в 3-й партизанской бригаде у Германа, а он — в 4-й, у Семена Михайловича Глебова. Но я хорошо помню день 2 апреля 1944 года, когда в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении наиболее отличившимся ленинградским партизанам звания Героя Советского Союза. С того дня и начал я собирать газетные и журнальные вырезки, брошюры и книги о боевых делах народных мстителей.

Короче, после просмотра фильма стал внимательно просматривать свой архив. И наконец нашел то, что искал, — книгу А. Вахова «Девять бесстрашных», изданную в Ленинграде, в том же 1944 году. Скажу прямо, и беглого взгляда достаточно, чтобы понять: известный портрет юного героя, созданный художниками Петровыми, и его настоящая фотография не имеют ничего общего. К тому же художники нарисовали партизана мальчиком лет двенадцати-тринадцати, а Леня в отряд пришел, когда ему было шестнадцать лет.

Почему же произошла такая ошибка? И почему писатель Юрий Корольков — автор повести «Леня Голиков» — не видел настоящей фотографии своего героя? Казалось бы, все просто, найди документальную книгу Вахова и все станет ясно. Но дело в том, что, когда Корольков стал собирать материалы о Голикове, книги Вахова не было ни в книжных магазинах, ни в библиотеках. А читатели, которые ее купили, постарались ее уничтожить, чтобы не иметь неприятностей.

Почему? В своей книге о партизанах Вахов упоминал многих руководителей Ленинградской партийной организации и организаторов партизанского движения в Ленинградской области, которые вскоре после войны были объявлены «врагами народа». И хранить такую литературу во времена культа личности Сталина было опасно. Я, например, хранил свой архив по всем правилам конспирации — пригодился опыт военного разведчика. И если до сегодняшнего дня ученые-историки и красные следопыты не знали, каким был Голиков, значит, мой экземпляр книги «Девять бесстрашных» — единственный, сохранившийся из всего десятитысячного тиража.

А теперь о другом. Хочется спросить пионеров Ленинграда: «Почему в городе нет пионерской дружины имени Лени Голикова?» — хотя раньше

такая дружина была. И почему даже живущие на улице Лени Голикова многие мальчишки и девчонки считают его героем гражданской войны?

Г. СВЕТЛОВ,
бывший политрук разведроты
3-й партизанской бригады
имени Героя Советского Союза А. В. Германа

ЛЕОНИД ГОЛИКОВ

А. ВАХОВ

До моста оставалось всего десятков метров, когда луна, как нарочно, выплыла из-за туч. Несколько часов он полз к мосту. Спину давил груз тола. Дышалось с трудом. Во рту пере-

сохло, и резало гортань. Рукава намокли от крови, сочившейся из разбитых локтей. Леонид проводил глазами часового, ушедшего на другой конец моста, снова уперся локтями в гальку. Он давно потерял чувство времени, охваченный профессиональным азартом разведчика и подрывника. В голове одна мысль: добраться незамеченным до моста.

Не сводя глаз с ровно шагающего часового, вспомнил слова командира:

— Взорвать мост очень важно, но после этого вернуться назад будет очень трудно, почти невозможно.

Мост усиленно охранялся. Вокруг были проволочные заграждения и дзоты. Взрослому здесь пробраться невозможно. Леонид тоже не перелезал через проволоку. Это было бы бессмысленно. Он пробрался

сюда по реке вплавь, а затем выбрался на берег и вот полз...

Рука дотронулась до шершавого бетона быка. Теперь его трудно было заметить часовому. Леонид нашел скобы и стал подниматься вверх. На двенадцатой скобе бык кончался, и тут уже шли металлические конструкции. Сверху пятнами падал лунный свет. Быстро уложил тол и запал. Когда спускался, на мгновение замер — над головой прошел часовой.

Спустившись, чуть не опалив себе глаза, поджег шнур и кинулся в воду. Держа гранату и пистолет в одной руке, он отдался течению. Вода подхватила и увлекла его вниз. В тот миг, когда он опять миновал заграждения и уже готовился выбраться на берег, его накрыла огромная волна. Он не слышал взрыва. Пришел в себя на рассвете в прибрежном камыше. Сквозь обломанные стебли было видно изуродованное тело моста.

В полдень Леонид выбрался из леса на шоссе, оставив в дупле старого дуба автомат. Он шел, помахивая хворостинкой. Был он бос, в поношенных штанах и черной рубашке. На вид это был глуповатый деревенский парнишка, которому нет никакого дела до того, что вокруг происходит. У самой деревни присоединился к группе крестьян, стариков и старух. На него не обратили внимание. Из разговоров разведчик понял, что сегодня какой-то церковный праздник, и крестьяне возвращались в деревню с кладбища.

У околицы их остановил немецкий часовой. Все вытащили из карманов пропуски комендатуры. Леонид уже поглядывал на кусты, чтобы юркнуть туда

и тайком пробраться в деревню, но ему помог часовой. Проверив у первого старика пропуск, он остальных пропустил так.

Крестьяне скоро разошлись. Лишь глубокий старик, опи-

раясь на посох, с трудом передвигал ноги. Леонид подставил ему свое плечо.

— Давай, дедушка, я тебе помогу. — Так они вдвоем медленно шли через деревню. Леонид внимательно осматривался, стараясь запомнить все. Вот во дворе стоят пушка и зарядные ящики, здесь в сарае — склад снарядов. В открытые двери видны ящики с красными наклейками.

Леонид дошел до центра деревни. У двухэтажного здания школы стояло несколько легковых машин, оглушительно трещали мотоциклеты. Из дверей то и дело выходили офицеры.

Не задерживаясь, Леонид со стариком прошли дальше. Скоро они добрались до его избы. Паренек повернул назад. Через полчаса он уже знал все. Еще до сумерек он забрался в вы-

сокий подсолнух и пролежал там до вечера. А когда стало темно, без особых трудностей переполз в лес.

Сведения, собранные Леонидом, были настолько важны, что командир решил сделать немедленно налет на деревню. Сборы были недолгие. Леонид повел семьдесят партизан по короткому пути, которым возвращался.

Час до рассвета — самое удобное время для нападения. Через огороды партизаны забрались в деревню. Две небольшие группы подобралась к выходу из деревни, где стояли фашистские пулеметы. Сам он с десятком товарищей взял на себя школу.

Было тихо. Слышались лишь шаги часовых. Как гром раздался взрыв гранаты на одном конце деревни и, точно эхо, послышался на другом. С криком и свистом партизаны бросились к избам.

Леонид бросился к школе. Перепрыгнув через убитого часового, прижался к стене. Из окна стреляли. Партизаны, чуть отставшие от Леонида, бросились на землю. Он встряхнул гранату, бросив ее в ближайшее окно. Раздался гулкий взрыв. Посыпались стекла. Из раскрытой двери выбежало четверо гитлеровцев. Леонид ждал этого. Длинная очередь сбросила их с крыльца.

Бросив новую гранату, Леонид вбежал в школу. Со второго этажа по лестнице скатывался низенький толстый офицер. Увидев Леонида, он выхватил пистолет, но партизан предупредил его, и фашист повис на перилах мешком. Леонид взбежал вверх. Из окон по улице били из автоматов трое. Они не обернулись. Двоих Леонид застрелил тут же, но третий, бросившись на пол, выстрелил в Леонида. Он успел спрятаться за печку. Пули взвизгнули у самой головы. Леонид лежал не двигаясь.

Решив, что партизан убит, фашист побежал к лестнице. В него Леонид выпустил последние патроны. На улице шла перестрелка. Леонид метался по комнате, собирая бумаги со столов и ящиков. Все это он скла-

дывал в подвернувшийся чехол из-под пишущей машинки.

— Скорее! Отходим! — крикнул кто-то из партизан.

Когда покидали деревню, все несли захваченное оружие, ящики с патронами, с консервами. Один лишь Леонид нес бумаги. Товарищи подшучивали над его трофеями. Он отмалчивался. В отряде бумаги аккуратно были связаны и отправлены в штаб партизанской бригады.

Через несколько дней командир выстроил отряд. Он зачитал сообщение о награждении отличившихся партизан. Среди них был Леонид Голиков, ранее награжденный медалью «За отвагу», теперь он награждался орденом Красного Знамени.

Шли месяцы. Однажды Леониду поручили добраться до шоссе, ведущего из Пскова в Лугу, и проследить, большое ли тут движение и что фашисты перевозят.

Ночью, отдохнув у лесного ключа и подкрепившись лепешками, которые пекли сами партизаны, он с рассветом был у дороги. День занимался жаркий. Пристроившись в густом кустарнике, Леонид лежал, покусывая сорванную травинку.

Вскоре послышалось гудение мотора. Леонид по звуку определил, что идет пустой грузовой автомобиль. Поднимая клубы пыли и грохоча железной бочкой в кузове, автомобиль быстро пронесся мимо. Потом прошел небольшой отряд пехоты, проехал обоз с какими-то ящиками. Шоссе снова опустело.

Леонид терпеливо лежал. Хотелось пить, но вода была далеко, а упускать дорогу хоть на минуту он не смел. Рядом на траве лежали граната и автомат. Когда солнце было над головой, снова прошел небольшой отряд фашистов. Леонид хорошо видел лица солдат. Они шли в расстегнутых мундирах, давно не бритые. Сапоги покрыты пылью. Лица ничего не выражали. «Все равно, как мертвые», — подумал Леонид. Его охватило жгучее желание бросить гранату и затем застрочить из автомата. Но он сдержал себя, до скрипа сжав зубы.

Прошел час. Послышался

негромкий рокот мотора и шуршащий шелест шин. По дороге быстро приближалась, поблескивая лакировкой и ветровым стеклом, открытая машина. На заднем сиденье развалился генерал. Леонид отчетливо видел генеральскую форму. Вот машина сейчас поравняется с Леонидом. Он вскочил, точно подброшенный пружиной, и метнул гранату. Она упала у передних колес и взорвалась под мотором. Машина, уткнувшись радиатором в землю, стала поперек дороги. А Леонид уже строчил из автомата. Шофер и сидящий с ним офицер были убиты. Генерал пытался открыть дверцу, которую заклинило после взрыва гранаты, и тоже свалился, настигнутый пулей.

Леонид подбежал к машине. Было тихо. На сиденье автомобиля лежал желтой кожи портфель. Леонид стащил с генерала мундир. Он так торопился, что даже не успел рассмотреть его лица. Обыскал шофера и адъютанта, забрал у них документы. Из разбитого бака на дорогу натекла огромная лужа бензина. Бросив в нее спичку, Леонид сбежал с дороги в лес.

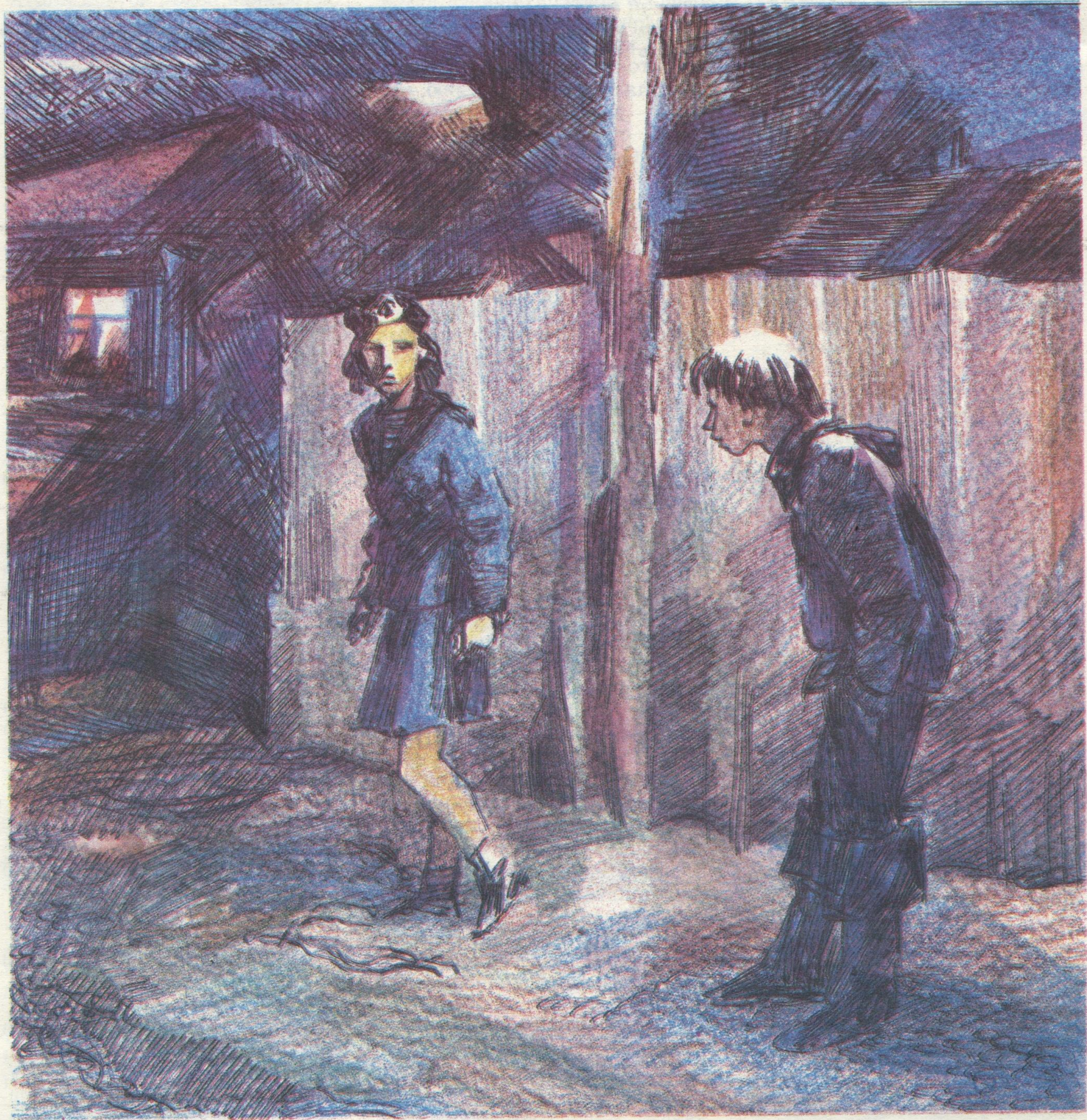
Добравшись в лагерь, доложил командиру:

— Наблюдение за дорогой прервал, убил генерала, офицера и шофера. Вот его барахло.

Леонид бросил перед собой мундир, фуражку и портфель. Командир молча раскрыл портфель. В нем лежали донесения высшему командованию, описание новых образцов мин и другие документы. Они принадлежали генерал-майору инженерных войск Ричарду Виртцу.

Утром захваченные Голиковым документы были отправлены в штаб. Вместе с ними командир направил ходатайство о присвоении комсомольцу-разведчику Леониду Голикову звания Героя Советского Союза.

В январе 1943 года в бою у деревни Станки Дедовичского района Леонид Голиков пал смертью героя.

АБОРИГЕН

Ю. КОРОТКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. Шабанова

В темноте моросил нудный, осенний уже дождь. Мелкая морось висела в воздухе, колышима ветром, липла к лицу, как паутина. Редкие прохожие спешили к вечернему фильму.

Продолжение. Начало см. «Костер» № 1.

Борька неприкаянно бродил по улице, зябко пряча руки в карманах, заглядывал на ходу в освещенные окна домов. Семья собралась за столом: отец загородился газетой, мать отвернулась к плите, двое мальчишек, пользуясь минуткой, самозабвенно, молчком дерут друг друга за уши,

давятся от смеха... Высокая старуха с орлиным носом, в шали с кистями, опершись одной рукой на подоконник, вполборота горделиво смотрит то ли на улицу, то ли на свое отражение в окне... Молодая мамаша разговаривает по телефону, смеется-закатывается, держа малыша под мышкой, как зонтик... Тепло было там, за окнами.

От клуба разносилась на весь район дерганая, трескучая музыка. Из дверей выскакивали на улицу распаренные, с прилипшими ко лбу волосами парни и девчонки чуть старше Борьки, торопливо курили и ныряли обратно, как в парную.

Борька глянул в окно дискотеки — и застыл, разинув рот. Внутри, в густом мареве пестрых мигалок, чудные парни с крашенными в два цвета волосьями, в разных ботинках и клоунских штанах прыгали, ломаясь во всех суставах разом, падали на пол, катались и дрыгали ногами, как припадочные.

Кто-то сильно хлопнул Борьку по плечу. Он обернулся — рядом стояли пятеро коротко стриженных ребят в глухих кожаных куртках с цепочками, в собачьих ошейниках с металлическими бляхами.

— Закурить есть? — утвердительно сказал один.

Борька автоматически сунул руку в карман.

— Кончились.

— Вот прямо сейчас и кончились?

— Не отвлекайся, Джон, — сказал другой. Он улыбнулся и потрепал Борьку по шее. — Его любить надо. Это ж рабочая лошадка. Он тебя всю жизнь кормить будет...

Мрачные кожаные парни скрылись в дверях дискотеки.

Борька направился дальше, размышляя, почему это он должен всю жизнь кормить стриженного парня. Ближе к реке пошли частные дома, огороженные высоким штакетником. Одинокий фонарь тускло светил над перекрестком. Борька повернул за угол — и нос к носу столкнулся с белобрысой «капитаншей». Девчонка была в форменке, в берете с «крабом». Она вздохнула, быстро оглянулась — обе улицы были безнадежно пусты, — отступила к забору и замерла, сжав у бедер маленькие кулачки, с отчаянной решимостью вскинув острый подбородок.

Борька стоял перед ней, сунув руки в карманы, молчал и улыбался.

— Ну, чего? — воинственно спросила «капитанша».

— Ничо...

Девчонка постояла еще, потом осторожно, не спуская с Борьки глаз, повернулась и пошла в свою сторону. Борька двинулся следом.

Белобрысая медленно шагала вдоль забора, задевая плечом штакетины, напряженно выпрямившись, краем глаза, всем телом сторожа каждое Борькино движение. Борька вынул руку стереть с лица противную морось — девчонка тотчас прижалась спиной к забору, настороженно глядя на него.

— Чего надо?

Борька пожал плечами.

Они дошли до конца улицы. Здесь девчонка внезапно метнулась в калитку, задвинула щеколду.

— Ну и дурак! — крикнула она, показала Борьке язык и вприпрыжку побежала к дому. В далеком окне видно было, как она размахивает руками, рассказывая о приключении.

Борька поднял острый камешек, нацарапал на почтовом ящике: «САМА ДУРА!» и побрел к затону.

Юра колдовал над столом в кубрике, паял что-то, разгоняя вкусный канифольный дымок. Светились рубиновым цветом лампы приемника.

— Быстро обернулся... Чо, опять про лодку?

Борька кивнул.

— Ну, осень еще на реке прокантуешься. А зимой-то? — Юра беспомощно развел руками. — Все равно с ними жить... Загрызут они тебя.

— Ладно... Чего загодя-то...

Юра снова взялся за паяльник.

— А лодку жаль, ага. Счастливая лодка... Помню, в позатом году с отцом твоим... — он подцепил пинцетом проводок. — На Тромъегане... от четырех колчаков ушли... Да! — поднял он голову. — За тобой прямо Демидов был, из Аганска, говорит — отряд на Тромъегане. Москвичи. Может, твои?

— На Тромъегане? — подскочил Борька. — За второй протокой?

— Но. Опоры ставят.

— Так что ж ты молчишь? Они! В том году просеку рубили, теперь опоры. Неужели ж не они? — Борька засуетился, кинулся собираться.

— Пойдешь?

— А то нет! Они ж там небось стонут без меня, — Борька счастливо засмеялся. — Привыкли к рыбке-то!.. Ах ты, бак сухой, — вспомнил он. — Подвел меня землячок... Ладно, попозже займу горючки, и сразу туда. От человек, сидит-молчит. А они уж там... — все не мог успокоиться Борька.

Он вытащил лодку на заплесок под нефтебазой, взял канистры, пошел, пригибаясь под высоким берегом. Выглянул наверх, прислушался, пролез под решеткой. Подкрался к балку, приложил ухо к стене, потом заглянул в грязное оконце: сторож лежал ничком на кровати, у окна на столе стояла початая бутылка.

Борька двинулся дальше. Насколько хватало глаз, уходили к горизонту ровные ряды резервуаров на безжизненной, отливающей маслянистым блеском земле. Раскорячившись, застыл над ними кран. В сером предутреннем свете безмолвный этот пейзаж казался космическим.

Борька мазнул пальцем по свежему подтеку, понюхал — солярка или бензин? — постучал в стальной бок резервуара, определяя, докуда полон, вскарабкался наверх, опустил в горловину трубку и направил струйку бензина в канистру. Почудилось что-то — пережал шланг и замер, чутко слушая тишину...

Сгибаясь под тяжестью, отнес канистры в лодку. Вернулся, подпер дверь балка поленом. Показалось мало. Упираясь плечом, передвинул под окно глубокое корыто с мутной закисшей водой. Помолчал, перебарывая смех, вдохнул побольше и заорал не своим голосом:

— Пожар! Пожар! Гори-и-им!!! — и дунул к изгороди.

Сзади слышались глухие удары в дверь — сторож спросонья ломился наружу, потом раздался треск высаженной рамы, звон стекла и следом — смачный плеск.

Борька с разбегу толкнул лодку от берега, перевалился через борт. Мгновенье спустя на берегу возник сторож, босой, мокрый по грудь — он грозил кулаком и кричал что-то, не слышимое уже за треском мотора.

Борька приветливо помахал ему рукой.

Там, где неширокая тихая протока круто изгибалась, к самому берегу из тайги выходила просека. На просеке лежали конструкции опор ЛЭП, штабеля досок, укрытые толем, мешки с цементом под полиэтиленовой пленкой. Земля вокруг была изжевана гусеницами.

На берегу стояли три большие палатки, дощатый стол, скамья, печь, сваренная из железных бочек. Над лагерем на длинном шесте развевался флаг.

Кончилось время завтрака, стройотрядовцы в пестро разрисованных штормовках допивали чай, вытаскивали из-за голенища рабочие рукавицы, окружали высокого парня, раскинувшего на столе, как полководец, какие-то планы. Две девочки убирали кружки-ложки, складывали в котел. Никто не обратил внимания на Борькину моторку.

— Значит, Смирнов и... Красносельцев перейдут во вторую, — распоряжался высокий. — А там посмотрим, может быть, кого-то дадим взамен.

— А как же соревнование?

— Соревнование соревнованием. Надо было равные по силам бригады составлять. Это вы меня с толку сбили: «Ваня-Федя-Петя друг, хочу с ним работать»...

— Смотри, гости к нам.

Все обернулись к Борьке.

— Трудовой привет! — еще издали радостно крикнул Борька.

— Здравствуй, — сдержанно ответил за всех высокий.

Борька торопливо оглядывал ребят.

— Ищешь кого, друг? — добродушно спросил широкоплечий стройотрядовец в солдатской выгоревшей панаме.

— Это вы из Москвы?

— Да. А в чем дело? — строго спросил высокий.

— А командиром кто?

— Я командир, — у командира было узкое надменное лицо, и говорил он резко, отрывисто, будто злился на Борьку.

— А Сережа не поехал в этом году?

— Какой Сережа?

— Круглов. Он же командиром в том году. А Гена Беликов? Саша-большой? Ксения-повариха? — удивленно оглядывался Борька. — Чо, никого из того годних?

— Ты о чем говоришь?

— Ваши ж приезжали в том году, — стал сердиться на непонятливого командира Борька. — Просеку рубили.

— С нашего факультета?

— Из Москвы.

— Так, может, они вообще не из университета? — спросил парень в усах и бороде сердечком. — Ну, какие у них буквы на штормовках были?

— Мне же говорили в штабе, кто просеку рубил, — вспомнил командир. — То ли МИСИ, то ли МИСиС. Как отряд назывался?

— «Интеграл».

— Ну точно, технари, — сказал бородатый.

— Так вы их не знаете? — поразился Борька. — Они ж тоже из Москвы... Ни Сережу, ни Сашу?

— В Москве семьдесят пять институтов, — теряя терпение, сказал командир. — И в каждом стройотряды. Мы из университета, с журфака. К нам какие-нибудь вопросы есть?

— А говорили — жди, Борька, в том году... — потерянно сказал Борька. — Я все лето ждал, ждал...

Вокруг собрался уже весь стройотряд, смотрели с улыбкой, не понимая Борькиного горя.

— Они что, задолжали тебе, что ли? — подошел ближе парень в тельнике под распахнутой штормовкой.

— Да нет... Я рыбу им ловил...

— Зачем?

— О, чудной! Зачем рыбу ловят? На уху, и для жарехи, и печь, и с собой... Так давайте я вам, что ли, ловить буду? — с надеждой спросил Борька. — Не приедут они уже. У меня и сеть, и все. Здесь места-то рыбные!

— Давай сначала познакомимся, — сказал командир. — Ты кто такой?

— Борька я. Хромов. Из Сургута.

— А как они тебе платили?

— Никак, — обиделся Борька. — Со своих денег не берут.

— А жил где?

— В лодке. Где ж еще?

— А что? — сказал вдруг тот, что в панаме. — Здравая мысль. Живем у реки, а едим кашу. Крупа скоро из ушей ползет.

— И лодка будет, — поддержал бородатый. — За сигаретами сходить, да мало ли что...

— Не знаю, — пожал плечами командир. — Ну, давайте попробуем. Если получится — скинемся, когда расчет будет. Свои — не свои — дело не в этом... Значит, обедаем как обычно, а ужин у нас в двадцать один. Успеешь?

— А то! — обрадовался Борька.

— А тройную уху можешь? — спросил бородатый.

— А то! Так я пошел сеть ставить?

Когда Борька вернулся, солнце уже скрылось за соснами, плотно обступившими протоку. Здесь, над водой, уже сгущались сумерки, а небо еще было светлое, глубокое.

На Борьку, видно, особо не надеялись: в котле на печке закипала вода, рядом лежали пакеты с концентратами. Борька высыпал рыбу на заплесок. Обе поварихи тотчас побросали свои кухонные дела, подошли с просеки стройотрядовцы, обступили Борьку, гордо стоящего над своим уловом.

— Да вы чо, рыбы не видели? — по-доброму усмехнулся Борька.

— Мы все больше такую... Ну, круглую,— парень в панаме показал пальцами.

— Это какая же?— озадаченно спросил Борька.

— Ну, такая, круглая, маленькая. Железная... Консервы называется,— засмеялся тот.

— Стоп,— сказал вдруг командир.— Сразу даже не сообразил. Это же браконьерство! Ловля сетью запрещена.

— Здесь нефтью — тоннами травят,— сказал парень в тельняшке.— А одной сетью — браконьерство?

— Дело не в этом...

— Дело в том, что «за все отвечает командир»,— отмахнулся раздраженно тот.— Слышали уже!

— Да нет,— перекричал их Борька.— Ставной можно. Это плавной нельзя.

— Какой?

— Ну, плавной: когда тройная мережа с балберами — на муксуна, на сырка. Чо я, враг себе — колчак кругом шаманит.

— Кто?— растерялся командир.

— Рыбнадзор. Лодки проверяет. А тут плавная все одно без пользы — карчи да соры.

— Погоди, не спеши,— засмеялся бородатый.— Что тут?

— Да чо ж вы русских слов не понимаете? Карчи, говорю,— коряги на дне. Дно не чистое, сорное.

— Ну, Борька, тебя без толмача не понять!— сказал бородатый.

— Одно слово — абориген!— парень в тельнике хлопнул Борьку по плечу.

Тот отступил, настороженно оглядывая смеющихся ребят.

— Ты чо?— спросил он.— Думаешь, здоровый, так... Я тоже матом запушу — не обрадуешься.

— Абориген — значит местный житель,— пояснил бородатый.— Коренной обитатель.

— Ладно, посмеялись — хватит,— сказал командир.— По местам! А ты, Борис, помоги поварам. Покажи, в какую сторону рыбу чистят. Знакомься — Ирина, Алена...

Стройотрядовцы, посмеиваясь, переговариваясь, направились к просеке. Парень в тельняшке обнял Борьку за плечи, отвел в сторону.

— Обиделся?

— Не. Думал — ругаешься.

— Не обижайся. Я человек незатейливый, если что не так, то не со зла. Ну, будем знакомы — Степан Смирнов,— парень протянул руку.

Борька крепко сдавил его жесткую пятерню. Парень ответил. С минуту они стояли напротив, молча меряясь силами. Борька даже губу прикусил, чтоб не присесть, наконец выдернул руку, потряс, разлепляя пальцы, с уважением глянул на Степана.

— Старшина второй статьи,— сказал тот, будто не заметив Борькиного позора.— На Тихом служил. Так что мы с тобой, вроде, сродни — полосатые души.

— Строгий у вас старшой,— кивнул вслед командиру Борька.

— Не обращай внимания. Только воздух сотрясает... Ну, действуй,— Степан размахисто зашагал к просеке.

Девчонки сидели на корточках над уснувшей рыбой, рассматривали, осторожно переворачивая.

— Это что?— спросила Ирина.

— Чебак.

— Это местное название? А по-настоящему как?

— Не знаю. Чебак и есть чебак.

— А это щука.

— Ага. Из озера зашла.

— Ты что, спросил?— засмеялась Ирина.

— Видишь, пятнистая. Значит, озерная. Речная она полосатая. Вот она, тигра.

— А вот красивая какая,— указала Алена.

— Налим. Дрянная рыба.

— Почему?

— Глупая, ленивая. В иле копается, дрянь всякую жрет. В том году видел — топляка достали...

— Утопленника?

— Но. Стали подымать, а у него из рукава — налим. Здоровый! Мясо сосал.

Девчонки переглянулись, наморщив нос.

— А хорошая рыба — какая?— спросила Ирина.

— Стерлядь люблю. Быстрая она, злая. Сиг тоже. Хитрый, собака... Ерш пацан что надо, хоть маленький. Щуки его боятся.

— Да у тебя они все с характером,— удивилась Алена.

— А чо ж они — не люди?— удивился и Борька, с треском вспарывая рыбе брюхо.— Чо живое — у всего свой характер. У рыбы, у птицы, у реки вон...

Девчонки неумело, следя за Борькой и друг за другом, работали ножами. Борька ловко потрошил рыбу, редко, исподлобья взглядывая на них. Красивые... Особенно Алена. Ирина тоже — темненькая, с челкой до бровей и высоким веселым хвостом на макушке, быстрыми глазами, верткая — на белку-огневку похожа. Но таких Борька и в Сургуте видел. А Алена... Такие, должно, только в Москве живут. И еще в учебнике истории есть — в кружевных платьях.

Борька еще раз глянул осторожно... Волосы белые, тяжелые, а лицо нежное-нежное, тонкое. Вон жилки на виске светятся. А на щеке уже пунцовые пятна,— как же ей в комарином углу жить... Перед тем, как заговорить, поднимает вверх голову, прикрывает глаза, будто запеть хочет. А говорит так, будто только тебе это сказать можно. Кухарит с утра до ночи, а под штормовкой белая кофточка, и цепочка с камушком, и лак на ногтях. И движется мягко, не дергается, как Ирина: та с размаху бьет комаров на лбу, а Алена только отводит голову — и волосы взлетают на лицо.

— Чо, кусают комарики?— посочувствовал Борька.— Без комаров и Сибирь не мила.

— Тебя дома не хватятся?— спросила Алена.

— Хвататься некому. Матери — ей все одно, лучше даже, чтоб глаза Феликсу не мозолил...

— Феликс — это кто?

— Отчим.

— А отец где? — спросила Ирина. — Ушел?

— Утонул тем летом.

— Извини, — Алена выразительно глянула на подругу: думать надо!

— Пить он стал, — заторопился объяснить Борька, не понимая, почему замолчали девчонки. — Тогда уж Феликс был. Все знали, и отец узнал. А потом Ирка родилась — от Феликса, это ж слепому видно. Он тогда надолго уходить стал, отец-то — в Тобольск, в Салехард, к самому морю. И пить стал... Река, она пьяных не любит... Заснул на моторке, ну, волна под скулу ударила, выбила из лодки. Мотор набок завалился, лодка по кругу пошла. Очнуться не успел, днищем голову пробило... Осенью уже — река стала — прозвонили: он в старице ниже Сургута в лед вмерз. Со льдом и вырубили... Народу собралось! Про него ж по всей реке — кто не видал, тот слышал... Мать на него упала, заголосила: зачем, мол, покинул. А все стоят, смотрят. Все ж знают, что Феликс к ней со всеми манатками переехал...

Некоторое время работали молча. Вдруг Ирина взвизгнула.

— Она... она жабрами шевелит, — в ужасе указала она на щуку, которой Борька деловито отрезал голову.

— Ну и чо? — удивился Борька.

— Она ведь живая!

— А это чо, мертвая? — засмеялся Борька, кивнув на обсохшую, в песке, щуку у нее в руках. — У ней сердце еще час биться будет... А вот гляди, я его отрежу, — он распотрошил рыбе брюхо и протянул девчонкам подрагивающую сизо-красную трубку. Щучье сердце продолжало сокращаться в его грязной ладони.

Девчонки одновременно зажали рот рукой, вскочили и пошли прочь по берегу.

— Эй, вы чего? — Борька озадаченно смотрел им вслед. Пожал плечами, бросил щучье сердце на песок и снова взялся за нож.

Вскоре он стоял над костром, в дыму и пару, орудовал в бурлящем вареве поварешкой. Он творил тройную уху.

Стемнело, за широким кругом зыбкого багрового света чутко молчала ночная тайга. Стройотрядовцы сидели за столом, как зрители в кино. На подхвате у Борьки были девчонки.

— Не томи, Абориген, — простонал Витя. Панама у него была на все случаи жизни — теперь он загнул поля вниз, под воротник, спасаясь от комаров. — Запах ведь, запах... — он потянул носом. — С ума сойти можно.

— Лягу сейчас и умру, — сказал бородатый Сан Саныч. — Истеку желудочным соком.

— Хотели тройную — так терпите, — сурово оборвал Борька. Он был в центре внимания, двигался торжественно, колдовал в бликах костра, будто исполнял шаманский танец. Еще раз пошуровал поварешкой в котле, велел:

— Марлю!

Алена протянула отрез марли. Борька распялил ее над большой кастрюлей, показал, как дер-

жать, ухватил ветошкой котел и стал процеживать уху, отводя голову от горячего пара. Чистый бульон слил обратно в котел, а марлю с разваренной мелочью бросил у костра.

— Все? — спросил кто-то, приподнимаясь с миской.

— Куда! На середине только, — Борька принялся загружать в бульон крупные куски рыбы. — Вот теперь можно и щуку, и нельму. И картошечки сюда же...

Витя подобрался к костру, взял разваренного чебака, но Борька выхватил рыбу и бросил в костер.

— Аппетит перебивать!

— Изверг, — грустно сказал Сан Саныч.

Борька зачерпнул уху, подул, попробовал.

— Соли еще! А лаврушка-то — как украли!

Алена протянула соль и лавровый лист в двух руках. Ирина тем временем надорвала пакет с концентратом, стала сыпать в котел.

— Куда?! — завопил Борька. — Ты чо ж делаешь?

— Мы всегда кладем, — испуганно сказала Ирина. — Чтобы гуще было.

— Дома порошка наешься. А пока забудь!..

Через час в тишине раздавался только частый стук ложек по дну.

— А ну, кому еще — налетай! — Борька зазывно вращал поварешкой в ополовиненном котле.

— Некта-ар... — протянул Сан Саныч, поводя осоловелыми глазами.

Витя отдувался, опустив ложку.

Они переглянулись.

— Слабо по третьей?

— Однова живем. Наливай!

Степан бросил миску у костра:

— У нас бы на катере сказали: можешь!

— Молодец, — командир развел руками. — Я думаю, вопрос решен единогласно?

Ребята подхватили один за другим:

— Спасибо, Абориген. Удивил!

Борька горделиво кивал. Вдруг обратил внимание на девчонок — они сидели рядышком, глядя в огонь.

— А вы чего? Не попробовали даже?

— Нет. Спасибо, — они одновременно покачали головами. — Не хочется что-то...

Степан первый зачерпнул чаю из другого котла, глотнул — и замер.

— А это что?

— Чай, — пояснил Борька.

— Ясно — чай, заварка плавает. А еще что?

— Так это... с маслом... По-нашему.

Командир попробовал и тоже поставил полную кружку.

— Это с непривычки противно! Привыкните — другого не захотите!

— Нет, — сказал командир. — По части ухи ты, конечно, мастер, а чай давай лучше по-нашему будем заваривать...

После ужина Алена мыла посуду. Борька присел рядом.

— Помочь? — он зачерпнул горсть песка, стал скрести миску.

Алена посмотрела на свои тонкие длинные пальцы.

— Совсем стерла...

— Залубеют. У меня во — ножом не прорежешь.

— Залубеют, — усмехнулась Алена. — Буду по клавишам мозолями стучать... Я сегодня первый

раз в жизни чистила рыбу. Думала, не смогу. Я ее боюсь. Первый раз на костре готовила... Смешно, да?

— Да нет... Чего смешного, — неуверенно сказал Борька.

— Первый раз одна из дома уехала... Мне справку достали. Освобождение. А я все равно

поехала — выдержи или нет? Я ведь московский абориген. К асфальту привыкла, к метро. Горячую воду на день отключат — катастрофа! Я без театра не могу. Ты любишь театр?

— Не знаю...

— Ты что, не был? Ни разу не был в театре?!

Борька виновато помотал головой.

— Мы с тобой будто на разных планетах живем, — удивленно сказала Алена. — Вот прилетела я на твою планету — все незнакомо, все в первый раз.

— А какая она, Москва? — спросил Борька.

— Разная... Как большая река, — улыбнулась Алена. — Протоки, притоки, старицы. И эти... соры...

Стройотрядовцы собрались в кружок у догорающего костра, Витя играл на гитаре. Борька не стал лезть в круг, расстелил спальник в лодке, присел на борт покурить. Ему было хорошо.

Подошел Степан, сел рядом. Они курили, глядя издали на костер, на один общий, многоголовый, многорукий силуэт поющих ребят.

— А ты чего же? — спросил Борька.

— Пускай резвятся, — сказал Степан. — Вырвались из гнездышка... Здесь все москвичи. Я-то

сам из-под Калуги, из деревни. Насмотришься в универе на этих, сытых, розовых... У нас там Ломоносова памятник — слышал про такого?

— Но.

— Подойду, бывало, хлопну его по плечу: «Что, Михайло, двое нас здесь, крестьян, одни сынки кругом...» Вот любого из них брось в тайге, без еды, без огня — выживет?

— А чего? Иди по берегу, к людям выйдешь. Не дадут пропасть...

— Вот и я в Москве так же, — не дослушав, сказал Степан. — Только я-то выживу! У нас в деревне мужики крепкие. Я в жизни никому не кланялся. Все сам, вот этими руками — и навоз кидал, и в районку заметки писал.

Стройотрядовцы разбрелись по палаткам, Алена одна осталась сидеть у костра, обняв руками колени.

— Расскажи про море, — попросил Борька.

— А что море? — Степан затянулся последний раз, глядя на Алену, бросил бычок. — Много воды... Ну ладно, бывай.

Он вразвалочку направился к костру, будто мимоходом задержался около Алены.

— О чем мечтаем?

— Так. Думаю... Тихо как... В Москве ведь такой тишины не бывает... Сто лет назад так же тихо было...

— И еще через сто будет. Может, погуляем?

— Нет, спасибо. Извини...

— Как хочешь,— Степан ушел.

Борька лежал в спальнике, через борт тайком смотрел на Алену. Здорово, наверное, жить ей на своей планете, среди таких же красивых людей, где нет гадов вроде Феликса...

В узкий круг мерцающего света шагнул из темноты командир.

— Ты почему не спишь?

— Тебя ищу,— просто сказала Алена.— Посидим?

Борька отвернулся, чтобы не подглядывать, но все равно слышал тихий разговор.

— Не надо, Лен,— попросил командир.

— Увидят?— усмехнулась она.

— Ты же все понимаешь...

— Понимаю.

— Тебе завтра раньше всех вставать. Иди в палатку.

— Опять приказываешь?

— Прошу...

С утра до подъема Борька ушел выбирать сеть, но провозился, латая рваную ячею, и когда вернулся, на просеке уже вовсю кипела работа: собирались конструкции опор, гремела бетономешалка, ревел бульдозер, за рычагами которого сидел Степан, тянулась очередь с носилками — бетон заливали в опалубку.

— Трудовой привет!— крикнул Борька, подходя.

— О-о, Абориген!

— Здорово, рыбак!

— Как улов?

— У нас говорят — как поймалось?— поправил Борька.

— И как поймалось?

— Ничо. Ерш, чебак и дырявый башмак,— отрапортовал Борька.— Ну, куда встать, чего копать?

— Вот это дело! Второй бригаде скорая помощь прибыла,— крикнул Сан Саныч.

— Куда пристроим, командир?— спросил Витя.

— Пусть бетон грузит, если хочет. Каску только дайте ему.

— Дело привычное: бери больше, кидай дальше, пока летит — отдыхай!— Борька разделся по пояс, взял лопату и встал у мешалки — в броднях и оранжевой каске. В паре с молчаливым медлительным стройотрядовцем он нагрузил первые носилки и, пока их поднимали, бросил еще пару лопат.

— Эй, эй, куда через край! Хватит!

— А? Как ухи — так с добавкой, как бетону — так хватит? А ну, налетай, подшевели!— заорал Борька, помешивая лопатой в жидком бетоне.— Кому наваристого, густого, с пенкой — ложка торчком! Подходи со своей посудой!— орал Борька, работая лопатой.— А ну, кому еще? Торпись, пока повар добрый!

— Не части, Абориген, загоняешь!

— Вот кого не хватало!

— Кури, ребята! Он один опалубку зальет и опоры поставит!

Стройотрядовцы оживились, работа пошла веселее.

— Следующий!— заливался счастливый Борька.— Отскочи — не задерживай!..

Обед девчонки готовили без него, опоздали, намучились и разварили уху в кашу. За ужин Борька взялся сам. Пока ребята умывались в реке, он разгробал лопатой угли костра.

— Опять колдуешь, Абориген? Чем сегодня удивишь?— спросил Витя, который всегда был в первых рядах.

— Печенка сегодня.

— Печенка? Где ж ты здесь печенку достал?

— Печенка, говорю. Рыба печеная,— Борька выковыривал из земли спекшиеся куски глины, отбрасывал в сторону.— Это по-нашему, по-рыбацки. Глиной ее обмажешь, картошку туда же. Сверху костерок. Пока чай закипит — и печенка готова. И посуду не мыть,— он подмигнул Ирине.

Стройотрядовцы брали куски глины, обжигались, катали по траве.

— Как ее есть, печенку твою?

— Смотри сюда! Отколупываешь, где треснуло,— глина-то вместе с кожурой отходит, ага. Да гляди, чтоб сок не тек, самое вкусное...

Ребята очищали рыбу, дули на дымящееся рыбье мясо.

— Избалуеть ты нас, Абориген,— сказал Сан Саныч.

— Все, мужики,— сказал Витя.— Ну ее, Москву! Переселяюсь сюда. Каждый день буду печенку есть.

— Нет, лучше ты к нам, Абориген,— предложил кто-то.

— Точно! У тебя каникулы ведь будут?

— Москву покажем!

— В метро прокатишься.

— Не морочьте ему голову,— сказал командир.— А жить он где будет?

— Нас двадцать человек! Не найдем, где устроить?

— Будешь сын полка.

— Сын отряда! Ребята, такого еще не было — сын отряда! Командир, что там в уставе про это сказано? Положено, нет?

— Адреса оставим.

— И телефоны. Позвонит — встретим, заблудится ведь.

— А чо. Приеду,— сказал Борька.— Если не шутите.

На всех напало вдруг веселье. После ужина вынесли магнитофон — Борька такого никогда не видел: в метр длиной и с двумя кассетами сразу,— врубили на полную гарь, Витя объявил людоедский танец и пошла пляска вокруг костра. Девчонки танцевали в центре, вывернув колени в стороны и растопырив руки, ребята прыгали перед ними и поклонялись им — Богиням Огня, Хранительницам Рода.

Борька стоял столбом, в восторге вытаращив

глаза. За мельканием спин и рук казалось, что Алена танцует прямо в огне. Она резко поворачивалась — и багровые волосы взлетали над головой...

Ирина засмеялась и крикнула ей что-то, указывая на Борьку. Алена тоже улыбнулась, но укоризненно кивнула подруге: зачем, не надо.

Борька сконфузился и ушел на берег. Степан подсел к нему, как вчера.

— Что, понравилась?

Борька пожал плечами и независимо отвернулся, посвистывая.

— Такую голыми руками не возьмешь, — усмехнулся Степан. — Москвичка... Слушай, позовика ее на лодке прокатиться.

— Чо вдруг? — испугался Борька.

— Давай-давай. Не бойся, я ж поеду.

— Не пойдет она.

— Пойдет! Я-то их знаю: ночь, звезды. Романтика! Вон, расходятся уже. Давай, пока командира нет!

Борька неуклюже, сунув руки в карманы, подошел к Алене. Она смеялась, часто дыша после танца, заправляя выбившуюся из волос заколку.

— Это... хочешь, пойдём сеть выбирать, — грубовато сказал Борька.

— Ты меня приглашаешь? — она вскинула брови. — Спасибо... Иду выбирать сеть! — объявила она.

Вокруг засмеялись:

— Сама не попадись...

Борька правил посреди протоки. Уреза¹ в темноте не было видно, вода, без морщинки, без складочки, стояла в берегах, как черное зеркало, береговые сосны незаметно переходили в свое отражение, тянулись к отраженным звездам, а временами казалось вдруг, что воды и вовсе нет, бездонный провал, и лодка плывет, невесомо покачиваясь, в межзвездном пространстве.

— Как здорово...— сказала Алена. Она опустила пальцы в воду.— Сверху звезды, снизу звезды... И этой красоты я тоже могла никогда в жизни не увидеть?..

— В Москве такого нет?— сказал Степан, подмигивая Борьке.

— Ой, звезда падает, смотрите!— крикнула Алена, указывая вниз, в воду.— Загадывайте желание, скорее!

— А может, это НЛО на посадку пошел?— сказал Степан.

— Чего?— не понял Борька.

— НЛО. Не слышал, что ли?

— Не. АНЫ у нас летают. ИЛы. ТУ садятся. Степан захохотал.

— Ну ты даешь, Абориген! АНЫ, ТУ!.. НЛО — неопознанный летающий объект.

— А чо это?— виновато спросил Борька.

— Космические корабли другой цивилизации. Ну, как бы тебе попроще... Марсиане! Мичман один говорил — он на камчатском рейсе из отпуска возвращался,— так за ними через всю Сибирь летающая тарелка шла... А может, сейчас какие-нибудь трехглазые, с антенной во лбу, кружат вон там и за нами следят. На Алену вот любуются.

— Ты чо!— Борька задрал голову и стал оглядывать ночное небо.

— Очень может быть. Теория есть на Западе: почему мы до сих пор разум во Вселенной не обнаружили — потому что мы у них вроде заповедника, цивилизация в чистом виде. Наблюдают за нами, как мы развиваемся. Диссертацию про нас пишут... А иногда людей крадут для контакта. Вот пойдешь однажды в лес, а там на поляне — тарелка. Тут трехглазые тебя за руки, за ноги — и на Марс. Как представителя земной цивилизации. Будешь на Марсе лекции про нас читать...

— Ты можешь хоть немного помолчать?— досадливо спросила Алена.— Просто молчать и смотреть!

— Вот невидаль,— буркнул Степан.

Впереди перечеркнула небо тетива с берестяными поплавками. Борька заглушил движок, протянул Степану весло.

— Ты табань помаленьку, чтоб бортом не развернуло,— он перелез через ветровой щиток на бак и стал выбирать сеть.

Лодку медленно сносило течением. Борька хотел уже крикнуть Степану, чтоб не спал, но лодка вдруг резко качнулась.

— Руки убери,— тихо, зло сказала Алена.

— Ну, чего ты...— забормотал Степан.

— Знала бы, что ты будешь,— ни за что не поплыла бы.

Борька боялся обернуться, стоял на коленях на баке, чувствуя, как жар заливает лицо...

Обратно шли молча. Степан угрюмо курил. Алена зябко куталась в штормовку. Борька беспомощно переводил глаза с одного на другую.

— Можно, я поведу немножко?— спросила Алена.

— Ага, садись,— Борька уступил ей сиденье и руль.— Левее чуть возьми, там прижимник сильный.

— Что?

— Течение к берегу жмет. Чуешь, сносит... А здесь вправо. Видишь, вода играет, значит, дно близко, а там чилим² — он на глубине растет...

Перед самым носом лодки возник из воды черный сук карчи. Борька автоматически схватил румпель поверх Алениной ладони, выправил. И тут же отдернул руку, будто обжегся. Алена улыбнулась в темноте.

Степан увидел приклад бельгийки под брезентом, вытащил, переломил стволы.

— А патроны есть? Или так, для красоты?

Борька вытащил из кармана патрон. Степан зарядил, встал в лодке, огляделся. Над черной стеной тайги медленно поднялась птица. Он вскинул ружье, прицелился и выстрелил. Подранок громко, почти по-человечьи вскрикнул, заплескал по воде где-то у берега.

— Зачем?— крикнула Алена.

— Что, жалко? Птичку жалко?

— Живая же,— сказал Борька.

— Сам не стрелял, что ли?

— Так я чтоб съесть. Чо зря бить-то?

На берегу около спящего лагеря стоял командир. Он внимательно посмотрел на Борьку и на Степана, подождал, пока Алена подойдет к нему.

— Думать надо,— резко сказал он.— Хотя бы иногда!

Алена сразу погасла и, опустив голову, побрела к себе.

Степан посидел еще, покурив, играя желваками.

— Ломается, как...— зло сказал он.— Ты извини, я человек простой, грубый. Я с седьмого класса на тракторе, три года на флоте — негде было манерам учиться. Я этих выдрыгиваний не понимаю...— он отшвырнул папиросу и ушел в палатку.

¹ Линия соприкосновения поверхности воды с берегом.

² Водяной орех.

Кто из вас, ребята, не играл в солдатики? Скрещивая на задворках деревянные мечи, отражая удары щитами, изготовленными из крышек для мусорных баков, не сожалел о том, что нельзя нарядиться в разноцветный мундир, как вон на том, оловянном?.. Что нельзя взмахнуть настоящей шпагой. Что невозможно соединить в одно целое две таких любимых игры...

Но не будем спешить.

Все у этих оживших солдат было по форме. На киверах красовались плетеные этишкеты. Черные галстуки выступали из-под шитых красных мундирных воротников, подпиравших подбородок, — каждый гренадер глядел соколом. Взятые на плечо длинные ружья в такт колыхались в воздухе. А впереди батальона шагал обер-офицер, будто сошедший только что с гравюры начала минувшего века. Медная бляха на его груди, высокий султан на кивере, обнаженная шпага с вьющимся по ветру темляком, щегольски закрученные светлые усы. На груди офицера красовались солдатский «георгий» и медаль 1812 года с надписью: «Не нам, не нам, но твоему»...

Это был капитан Новиков. Капитан лейб-гвардии гренадерского полка. Капитан Советской Армии. Основатель и организатор военно-исторического клуба «За честь Отчизны».

— Все началось в ГДР, — рассказывает Анатолий Новиков, — в Группе Советских войск в Германии, где мне выпало служить. И участвовать в традиционном военном празднике-зрелище, воспроизводящем знаменитую «битву народов» под Лейпцигом 1813 года.

ЗА ЧЕСТЬ ОТЧИЗНЫ

Конечно, были среди тысяч ряженых, вышедших в этот день на поле брани, и русские войска — ведь они сыграли в «битве народов» решающую роль. Вернее, конечно, это были немецкие солдаты, но одетые в русскую форму. И нам тогда стало очень обидно. В Германии, выходит, помнят о чести русского мундира, о наших ратных подвигах, а мы-то что же?! Мы — военные!..

И тогда возник клуб. Офицеры и рядовые шили мундиры Черниговского полка. Лейб-гренадеры известны активным участием в восстании 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. А гвардейским полк стал за храбрость и мужество, показанные в Отечественной войне 1812 года...

Бессонные ночи (ведь от службы солдат никто не освобождает), исколотые иглами пальцы, самыми невероятными способами добываемые металл, шитье, множество перелистанных книг и альбомов — вот что стоит за первым парадным маршем сводного батальона лейб-гренадер на празднике присяги в гвардейском учебном мотострелковом Ленинградском Краснознаменном ордена Кутузова полку имени Ленинского комсомола. Собственными руками сплетены этишкеты, изготовлены кивера — чуть полегче, правда, чем настоящие, весившие по четыре килограмма. (В кивере, между прочим, солдат носил не только иголку с ниткой, но и щетку, табак, еще всякую всячину.) Сделаны барабан и знамя, ружья, патронташи, ранцы, шпага. Вот и восстали на наших глазах из небытия славные лейб-гренадеры, творцы побед русского оружия. Первое боевое крещение, можно сказать, прошло успешно.

Вслед за ним их ждал поход по местам, связанным с Бородинским сражением. Тогда, у деревни Утица лейб-гренадеры отразили все атаки корпуса Понятовского, не отошли

без приказа ни на шаг, защитили левый фланг русских позиций. Потом полку пришлось участвовать в сражениях при Тарутине, под Малоарославцем и Красным, при Якубове, Клястицах, у Полоцка, при Чашниках, на Березине. По этим местам и пролег маршрут похода. В лейб-гренадерских мундирах с полной амуницией 16 членов клуба, во главе с капитаном Новиковым, проследовали по маршруту Москва — Бородино — Тарутино — Вязьма — Смоленск, побывали в военных частях и пионерских лагерях, стараясь «заразить» своей страстью как можно больше людей. Ведь возрождение славных боевых традиций русской армии они считают делом благородным. И в полном смысле слова патриотическим.

Клуб «За честь Отчизны» — не только бессонная работа ради общего приростания. Это еще и редкая для армии форма демократического общения. Ведь в обычном военном быту не увидишь, как солдат командует офицером. А здесь — можно. Помощник начальника политотдела по комсомолу старший лейтенант Александр Скридневский здесь — рядовой. А рядовой «в миру» Николай Гурьянов — унтер-офицер. Вот и командует он «нижним чином» Скридневским. Кстати сказать, за работу среди солдат член комитета комсомола роты Николай Гурьянов недавно награжден — символически и тем более почетно — медалью 1812 года. А комитет комсомола превратился в настоящий штаб полка. Лейб-гренадерского, конечно. Многие из них отслужат, уйдут в запас, а на их место в клуб придут другие, сегодня еще не знающие о лейб-гренадерах ровным счетом ничего. А там, где осядут после службы их товарищи, может быть, возникнут новые военно-исторические клубы? Готовые к тому, чтобы защитить воинскую честь Отчизны от забвения.

Г. БЕЗЗУБОВ

БАРАБАН 2

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Щытыщццо

Сегодняшний «Барабан» подготовлен ереванскими пионерами, юнкорами республиканской армянской газеты «Пионер канч».

Лара

— Мне кажется,—
Сказала Лара,
Бабушка для того,
Чтобы угощать
Сладостями и изюмом.
Мне кажется,
Дедушка для того,
Чтобы брать меня
На плечи и катать.
И еще мне кажется,
Что внук для того,
Чтобы, научившись ходить,
Он пошел к роднику
И наполнил кувшин,
И принес воду
Дедушке
И бабушке.

Рацян Манугарян,
НК 10

* * *
У нас часто бывают митинги и демонстрации. Но мы, школьники, не знаем, имеем ли право участвовать в них и нести лозунги, которые нам кажутся правильными?

Армина Товмасян,
школа № 2,
Варденис

* * *
Обычное дело. Когда пытаешься написать что-нибудь на доске, меляешь каждый раз несколько мелков. А он скользит, не оставляя никакого следа. Из какого же это материала делают доски! Или, может быть, это виноват мел?

Асмик Оганесян,
школа № 39

* * *
Совет дружины наградил путевокми в Артек многих пионеров. Но в сентябре мы узнали, что в Артеке отдыхали пионеры, которых мы не рекомендовали. Почему же такие вопросы решаются сверху?

Армен Саркисян,
председатель Совета дружины

Спор не по существу

Вчера мы поспорили во дворе с друзьями, в какой школе уроки выше: в русской или армянской? Спор начали ученицы русской школы. А я вообще против такой постановки вопроса. Уроки школы не имеют отношения к изучению родного языка. Каждый человек должен получать образование на родном языке.

Рузанна Казарян,
школа № 21

В первый раз

В этом году я в первый раз в жизни пойду в армянскую школу. Я так волнуюсь. Не знаю, смогу ли я хорошо научиться писать и читать на родном языке. Ведь до сих пор я говорил только на карабахском диалекте.

Юра Петросян,
6 класс,
поселок Баграмян

Кто ответит на наши вопросы?

Почему в продовольственных магазинах, возвращая сдачу, нас всегда обсчитывают? Почему продавцам всегда кажется, что мы не знаем арифметики?

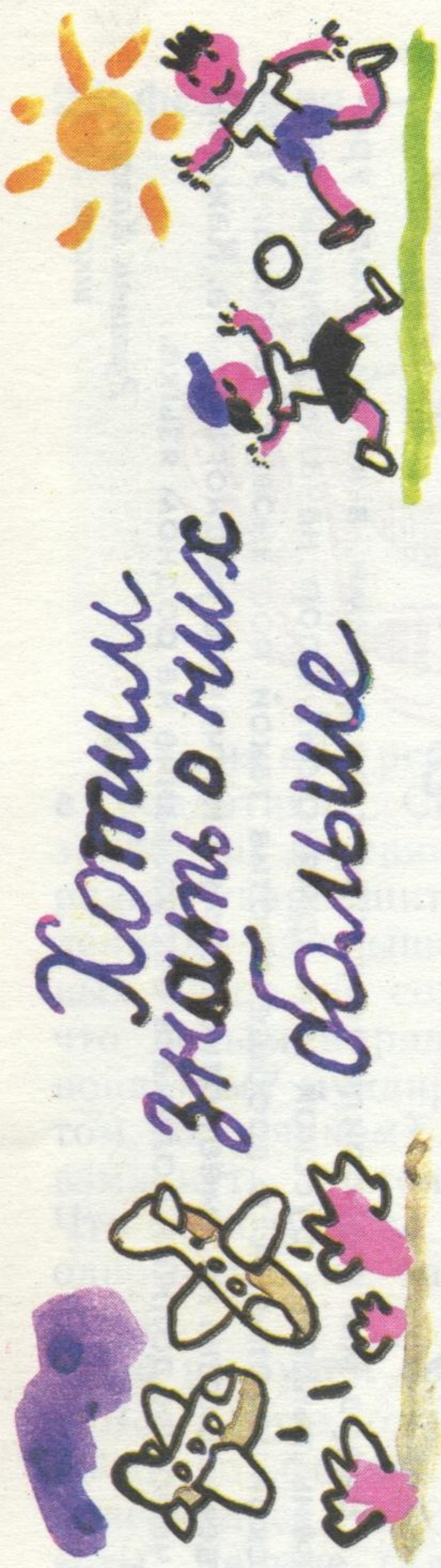
Алвард Ованесян,
школа № 55

Во Дворце пионеров Шаумянского района принимают в секцию плавания только до 12 лет. А что, кому исполнилось 12 лет, не имеет права учиться плавать?..

Арам Карапетян,
школа № 112

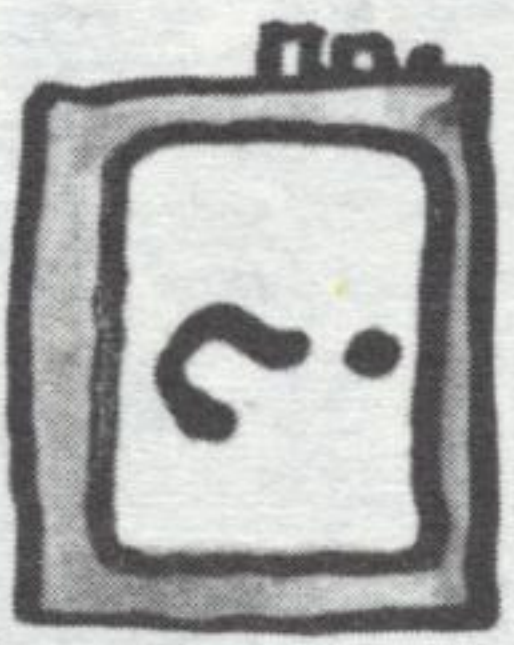
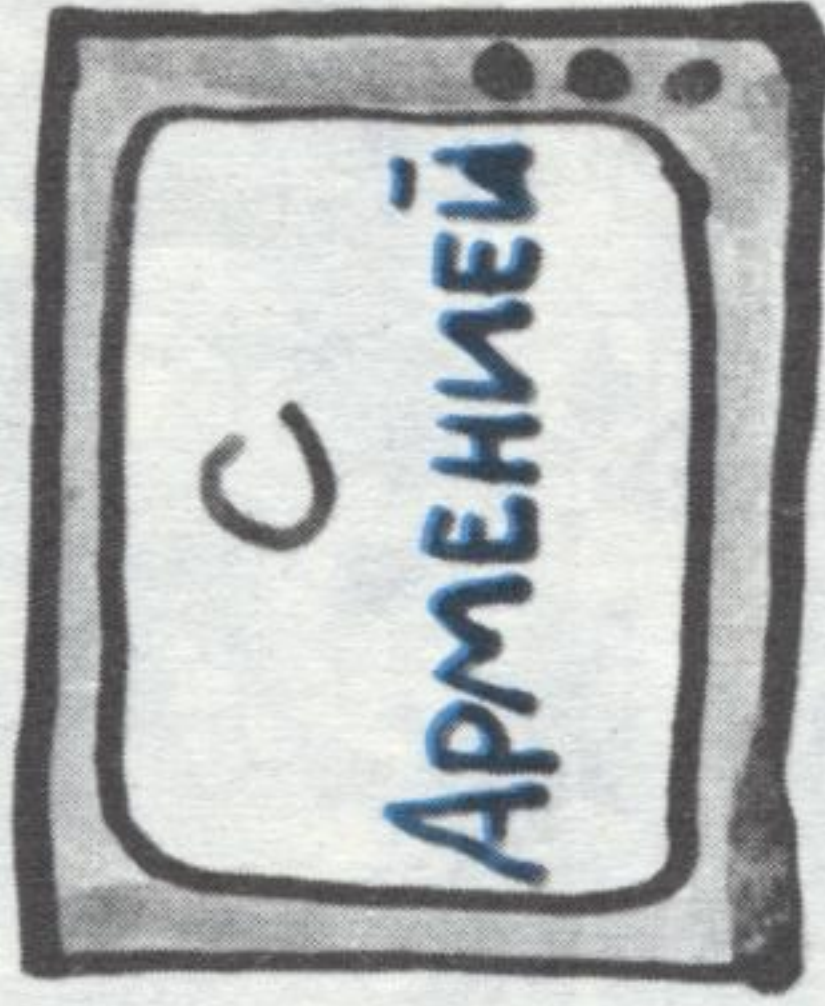
В наших школах в конце года у первоклашек почему-то отбирают все азбуки. А ведь азбука — это первая книга в их жизни. Как же можно лишать человека такой памяти!

Мариам Асратян,
школа № 57

Хотим, чтобы в детских журналах и газетах больше рассказывалось о наших зарубежных сверстниках. Вы можете возразить, что об этом говорится много. Но что именно говорится? Что во многих странах дети живут в условиях голода и войны. Неужели в их жизни нет ничего светлого? Не верим.

Искуи Члдрян,
школа № 2,
Александр Саркисян, школа № 5,
Анаит Акоюн, школа № 116

По Центральному телевидению организуются всяческие телемосты, в которых почему-то участвуют только московские и ленинградские дети. Можно подумать, что в Советском Союзе нет других городов. Почему бы, например, не устроить телемост с Арменией?

Арменуи Ареян,
школа № 10

Необходим новый учебник

Читаешь школьный учебник истории и удивляешься. Ведь, кроме истории русского народа, в этом учебнике почти нет места для истории других народов нашей страны. Думаю, пора пересмотреть этот учебник.

Наира Халатян,
школа № 94

От Туманяна к Пушкину

Как-то в кукольном театре им. Туманяна я спрашивала малышей, кому что понравилось и почему. Один из малышей устался на меня непонимающими глазенками.

— Он плохо знает по-армянски, — ответила его мать. А когда я его спросила, какие сказки Туманяна он знает, вместо него опять поспешила ответить мать:

— Туманяна не читает, но зато знает все сказки Пушкина.

Я тоже много читала Пушкина. Поэмы, стихи, сказки. Но Пушкина я нашла после Туманяна, а также через Туманяна. Так же, наверно, как русский школьник узнает всех иноязычных писателей и поэтов после Пушкина. Каждый человек должен познать мир прежде всего словами родного языка. Должен говорить и думать на родном языке. Иначе почему мы называем его родным?

Алиса Алавердян,
школа № 116

Сядь в автобусе

В переполненном автобусе я случайно задела пожилую женщину.

— Ты что, слепая? — набросилась она на меня.

— Простите, — пробормотала я, скрывая обиду, а сама подумала: «Интересно, почему взрослые такие грубые?»

— Доченька, пробей, пожалуйста, талон, — вдруг услышала я ласковый голос. Это была седая старенькая женщина. С усталым лицом, но с добрыми улыбочивыми глазами. Я тоже улыбнулась. И вся горечь и холодок во мне сразу растаяли и исчезли.

Лилит Егиазарян,
школа № 139

Авторы фотографии — юнкоры газеты «Пионер канч»

Не на месте этот плакат

Недавно Сильва Капутикян сказала: «Безнравственно на дороге к Памятнику жертвам геноцида ставить рекламный плакат "Экономьте электроэнергию!" Разве позволили бы белорусы поставить что-нибудь подобное у входа в Хатынь?» Я полностью согласен с нашей знаменитой поэтессой. Этот плакат надо немедленно убрать!

Гарик Мелконян,
школа № 40

«Барабан» считает: каждый юнкор имеет право высказывать свою точку зрения, даже если многие с его мнением не согласны. Чем открывенней ребята разных национальностей будут говорить о своих проблемах, тем скорей мы поймем друг друга. Тем дружнее и сплоченнее станет наша Всесоюзная пионерская организация.

Сегодня, когда все народы нашей страны пришли на помощь Армянской ССР, оказавшейся в центре небывалого по силе землетрясения, «Барабан» получает много писем, рассказывающих об этой помощи. О помощи дружин и отрядов своим армянским ровесникам — наша новая рубрика «Кто в дружбу верит горячо».

ПОЗДНИЕ ЯБЛОКИ

Самвел ШАХМУРАДЯН

На серо-голубом, наполовину вросшем в землю камне застыла маленькая ящерица. Растопырила лапки с острыми коготками, прикинула желтоватым брюшком к теплой глыбе и греется. Мы подошли, чтобы лучше рассмотреть знаки, выбитые на камне, и ящерица быстро скользнула в трещину.

— Вот на этом месте были главные крепостные ворота, — сказал я и провел ладонью по камню. — По мощеной дороге днем здесь проходили странники, шли караваны купцов, проносились всадники в шлемах и плащах. А ночью ворота запирались на медный засов, и на крепостной стене маячили стражники с копьями и факелами.

— А теперь тут одни развалины, — вздохнул Саша. — Ни караванов тебе, ни всадников.

— Но горы остались прежними, — сказал я, показывая вокруг рукой.

Был октябрь, под очень близ-

ким синим небом ярко и спокойно горела осень. Горы, обступившие крепость, вспыхивали алыми кострами перезрелого шиповника.

Мы находились на высоте трех тысяч двухсот метров над уровнем моря. На такой высоте воздухом не дышат, его пьют — большими и студеными глотками.

Я задрал голову, заслонился от солнца ладонью и закричал:

— Эгей, стража, отворите ворота!

«Ота-а-а, ота-а», — позвало нас эхо, и мы с Сашей вошли в крепость.

Шестиклассник Саша был моим ленинградским гостем. Я показывал ему Армению, и в то воскресное утро мы поднялись с ним в крепость Алаванберд. Саша никак не мог правильно выговорить это название, и я все время повторял ему:

— А-лав-на-берд.

Древняя крепость за надежными плечами Варденисского хребта. Она не значится ни на одной туристской карте. Треугольный скалистый остров, отрезанный от гор ущельями. Черные стены, пепельный сухой мох, башни, бойницы, ветер. Маленькая полуразрушенная церквушка. На ее купол ветер когда-то забросил косточку красной алычи, а теперь цепкое деревце раздвигает корнями тщательно отесанные каменные плиты. Вдруг ветки алычи качнулись, и с купола испуганно взлетел дикий голубь. От неожиданности мы даже вздрогнули.

— Когда-то этот голубь был воином, книжником или гончаром, — сказал я. — А может, он был таким, как ты, парнишкой, только не светлым, а черноволосым и смуглым.

— Как это? — Саша пожал плечами и с любопытством посмотрел на меня.

— Это давняя история...

Однажды тысячи врагов осадили крепость Алазнаберд. Ну вот представь себе: кругом крики, дым, гремят стенобитные машины, ржут лошади, со стен сыплются стрелы, льется кипящая смола... Одни хотят жить, другие хотят убивать... Представил?

— Я все представил... А дальше, дальше что?

— А то, что во время одной из атак главные крепостные ворота не выдержали и рухнули. Враги, разъяренные храбростью защитников крепости, хотели перебить всех до одного. И тогда к врагам вышел седой монах и взмолился оставить в живых столько людей, сколько вместит церковь. Враги покосились на маленькую узкую церквушку и захохотали: «Пусть так и будет!» И вот вереница за вереницей в церквушку входят все новые и новые цепочки пленников, а она не заполняется. Старец превращал их в голубей, и они улетали в свои родные свободные горы. Старый монах спас почти всех, и тут только враги очнулись и растерзали его... С тех пор и обитают в здешних местах голуби, а крепость стала пустынной...

Мы замолчали и стали искать в небе взлетевшего с церквушки голубя.

— Грустная легенда,— сказал Саша.

— Впрочем,— оговорился я,— похожую легенду могут рассказать тебе и в других крепостях Армении... Ты еще не знаешь, какая страшная и красивая история у этой земли.

Разговаривая, мы незаметно подошли к самому краю ущелья. Под нашими ногами была пропасть с отвесными серо-голубыми стенами. Если набраться храбрости, сделать еще один отчаянный и осторожный шаг, убедиться, что земля не рассыпается под ногами, и вытянуть шею, то в глубине покажется горбатая спина каменного моста. Жутко немного, от волнения потеют ладони, но хочется потянуться вперед еще, ну еще чуть-чуть и увидеть самое дно ущелья с речкой.

Когда стоишь над ущельем,

как-то особенно жалеешь, что у людей крылья бывают только в легендах и мечтах.

— И правда, тут очень красиво,— отступив на шаг, тихо, почти шепотом сказал Саша.— Такого я никогда не видел.

— Это — моя земля,— сказал я.— Эти горы, небо, крепость, легенда, речка и мост, вон то дальнее дерево — тут все мое.

— Ваше, дядя Самвел?— удивился Саша.

— Ну, конечно,— сказал я.— Скажем, речка. Она моя: захочу — сяду у берега и буду думать, захочу — не сяду и пройду себе мимо, а захочу — нагнусь и попью воды из горсти. В моей речке самая чистая и холодная вода...

— Ага, теперь я, кажется, понял,— неуверенно улыбнулся Саша.— Вы — царь, владелец этой крепости.

— Да нет, Саша,— махнул я рукой,— я просто хозяин земли, а цари... Ну как тебе сказать? Цари, они никогда не бывают хорошими хозяевами.

— А что такое хозяин земли?— спросил Саша.

— Хозяин земли — это ее слуга.

— Непонятно,— сказал Саша,— то хозяин, то слуга!..

— Не удивляйся,— объяснил я,— слуга земли и есть ее хозяин. Смотри: вон то дерево мое, и я должен служить ему, не ломать ветки, не рубить его и не давать вырубить другим, чтобы дерево было всегда. Но это не все: я посадил десять деревьев и посажу еще двадцать. Я обязан служить реке, не отравлять, не губить ее и другим не позволять этого. Я должен починить старинный мост и не позволять, чтобы здесь стреляли голубей, крали из крепости камни с орнаментами и надписями. Я — хозяин этой земли, Саша, и поэтому должен заботиться о ней, как слуга... Понимаешь?

— Кажется, да.

— Раньше я думал, что мое — только мой дом, мои книги и одежда, а теперь я наверняка знаю, что я самый

сильный и счастливый человек на свете. Знаешь, какая это силища — стоять на своей земле? Когда рядом с человеком его горы, друзья и деревья, ему ничего, ничего не страшно. И не только эти горы и крепость — мне принадлежит вся моя земля, от края и до края. Все, что происходит на ней, это — мое личное дело. Кому-то далеко-далеко отсюда грустно и обидно, это и моя грусть и обида. Кто-то совершил большое открытие, написал хорошую книгу, это — и мое открытие, моя книга. Я радуюсь каждому новому дому и ребенку, каждому доброму делу на этой земле и страдаю за каждую глупость и каждое без толку вырубленное дерево. Я люблю эту землю.

— Значит,— как бы сам себе сказал Саша,— каждый может стать хозяином своей земли... Но, наверное, это очень-очень трудно...

Пора было возвращаться. На потрескавшемся камне у главных крепостных ворот по-прежнему грелась маленькая ящерица с серыми глазами-бусинками. На этот раз она не испугалась нас.

Через полтора часа спуска по крутым, иногда просто срывающимся вниз тропам мы вышли на плато. От быстрой ходьбы (спускаясь с гор, невозможно идти медленно) нам стало жарко. Мы устали, проголодались.

И тут из-за поворота перед нами вырос небольшой яблоневый сад. Аккуратные, невысокие такие деревья, но зато яблоки на них во-от такой вот величины, огромные яблоки. Один бок золотой, другой красный.

— Вот это да!— только и сказал Саша и сглотнул слюну.

Мне тоже захотелось такого яблока. Должно быть, они очень сладкие и пахучие, эти чудесные поздние яблоки. Хоть бы сторожа не было там, подумал я и заметил над деревьями старика с мрачноватым, как и полагается сторожу, лицом.

— Дядя Самвел! — Саша вдруг остановился и посмотрел

мне в глаза.— А этот яблоневый сад, он что, тоже ваш?

— Вот этот сад, да?— медленно переспросил я, украдкой посмотрев на сторожа.

— Ну да!— сказал Саша. «Вот вы и попались, дядя Самвел!»— говорил его взгляд.

— Саша, — обиженно ответил я, — раз я хозяин этой земли, значит — тут все мое, и этот сад тоже... Подожди меня, ладно?

Я перемахнул через невысокую металлическую сетку и оказался в саду. Густые брови сторожа недоуменно приподнялись. Старик громко покашлял в кулак и выжидательно уставился на меня. Я поправил съехавшую за спину фляжку и подошел к нему.

— Здравствуй, дед!

— Доброго тебе здоровья, — строго заговорил старик. — Вон там калитка есть, зачем через забор прыгаешь?

— Хорошие у тебя яблоки, дед, — сказал я, — замечательные яблоки. Но вот ведь какое дело... не знаю, как и быть...

— Что такое? — по-прежнему строго спросил дед.

— Да вот, понимаешь, не знаю, кого слушать: дерево говорит — рви сколько хочешь, а сторож говорит — нельзя. Если не нарву яблок — дерево обидится. А нарву — обидится сторож...

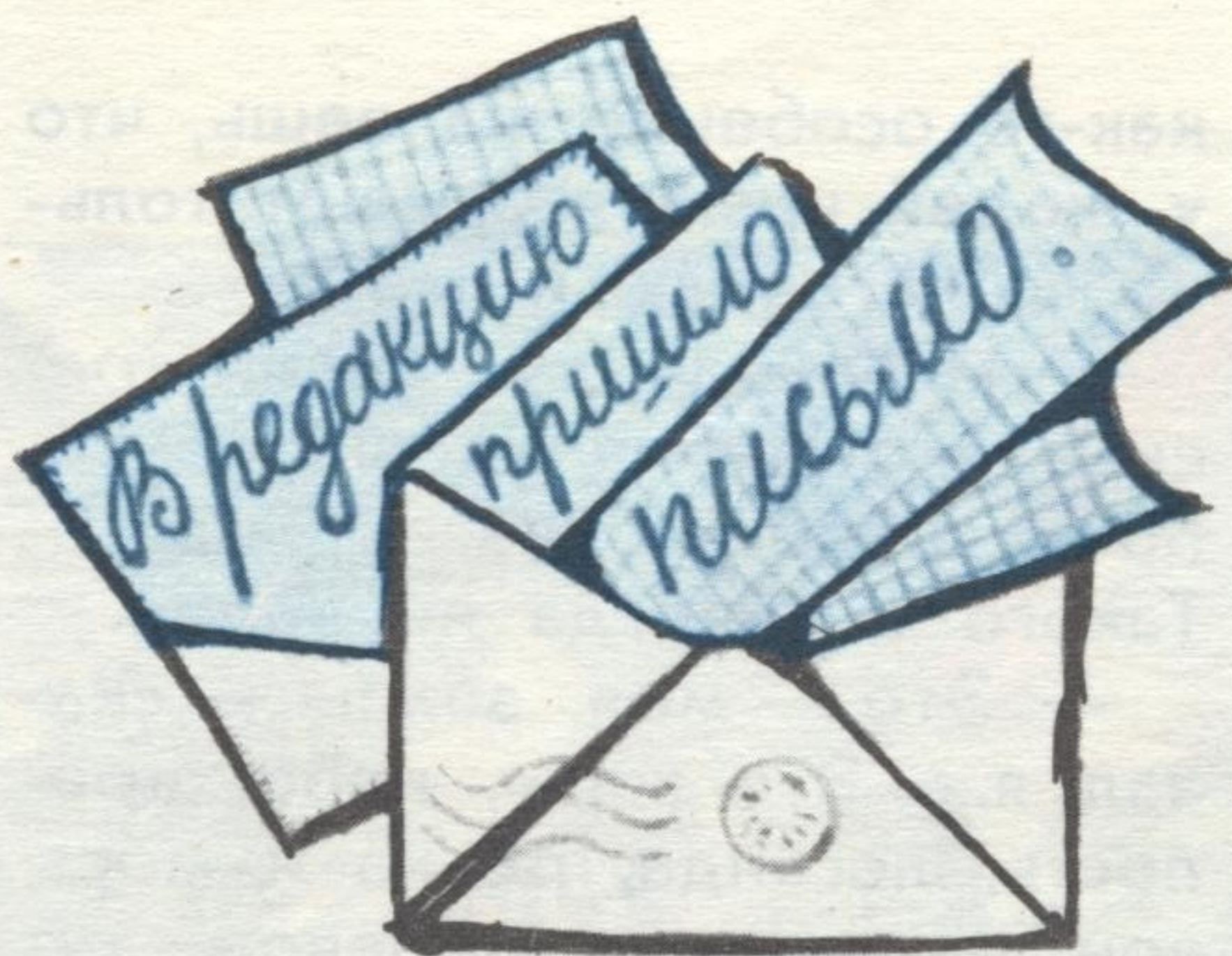
Старик посмотрел на меня, потом на Сашу, который ждал меня на дороге, и вдруг улыбнулся. Может быть, и не улыбнулся вовсе, просто морщинки на его сухом, как здешняя земля, коричневом от солнца и ветра лице на секунду стали тоньше, глубже и добрее.

— Сынок, — сказал старик, — а ты послушай, что дерево говорит!..

Я сорвал три больших яблока, поблагодарил старика-сторожа и вернулся к Саше.

— Вот, — сказал, — одно тебе, другое мне, а третье, самое большое яблоко, возьмишь с собой в Ленинград... Там теперь зима, а такое яблоко — кусочек настоящего солнца.

Перевел с армянского автор
Рисунок О. Филипенко

Дорогие друзья!

Уже много лет я работаю в школьной комиссии Ленинградской секции Советского комитета ветеранов войны. И хорошо знаком со всеми музеями Боевой славы, которые открыты в школах города и области. Должен сказать прямо — среди них есть отличные музеи. Например, «Непобежденный Гангут» в школе № 224 или «Бригады торпедных катеров» в школе № 15.

Как вы знаете, в таких случаях принято хвалить пионеров. Но при чем здесь пионеры, если музеи создавали ветераны войны, собирая экспонаты, документы, ордена, оружие.

А теперь давайте задумаемся вот о чем: какое отношение имеет школа — с ее историей, традициями, учениками и учителями к истории и традициям воинской части, которой посвящен школьный музей. Я лично убежден — никакого.

Знаю, не все со мной согласятся. Некоторые считают: «Если эта воинская часть защищала Ленинград во время Великой Отечественной войны, значит, она имеет к нам отношение». Но никто не может объяснить, почему в школе № 482 появился музей «Азовско-Дунайской флотилии», а в школе № 166 — «Музей 18-й армии».

Чувствуете, какая неразбериха и полное отсутствие логики в вопросе организации школьных музеев? И самое печальное — мальчишкам и девочкам такие музеи не нужны. Это — мое глубокое убеждение.

Ни сами юные экскурсоводы, бойко повествующие о боях и походах полков и дивизий, ни их юные слушатели не понимают, да и не могут понять смысл происходивших событий. Надо ли говорить, что пользы подобные мероприятия им не приносят. А существующая в школах форма отчетности по военно-патриотическому воспитанию! Когда требуется точно указать «количество посетивших музей одиночек и групп со стороны». Это же откровенная показуха!

Что я предлагаю?

Музеи, созданные ветеранами, считать не школьными, а народными музеями. И отвечать за них должен Советский комитет ветеранов войны. Только так мы сможем сохранить уникальные документы, оценить имеющееся у нас богатство.

Что же касается школы, то она должна иметь музей, рассказывающий о ее истории, о судьбах учеников и учителей. Конечно, в ней могут быть и разделы на военную тему: о выпускниках — участниках войны. Но тут, как говорится, все ясно и понятно.

И, конечно, под каждым музейным экспонатом должна быть подпись — фамилия следопыта, который его разыскал или изготовил. А то ведь музеи-то у нас безымянные. И это их явно не украшает.

Г. И. ПАВЛОВ,
ветеран
Великой Отечественной войны

УВАЖАЕМЫЕ ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, СЛЕДОПЫТЫ И ЧЛЕНЫ СОВЕТОВ ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЕВ, УЧИТЕЛЯ И ВОЖАТЫЕ!

Приглашаем Вас принять участие в разговоре, который начал Георгий Иванович Павлов: «Каким должен быть школьный музей?»

Нас интересуют ваше мнение, ваши советы и предложения.

Всесоюзный штаб красных следопытов

ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Анаит Татевосян 9 лет. Она четвероклассница, живет в Ереване и учится в средней школе им. А. П. Чехова. Анаит очень рано начала писать стихи, и они сразу были замечены. В прошлом году в журнале «Литературная Армения» была опубликована целая подборка ее стихотворений.

ПОЭТЫ

Мама, мама, мама, не гони в кровать,
Лучше мне Цветаеву почитай опять.

Расскажи о Пушкине, о его жене,
Пусть сегодня ночью он придет ко мне.

Пусть Есенин, Тютчев, Фет, Терьян, Светлов
Вновь меня окутают музыкой стихов.

Ведь от этой музыки ты не спишь всю ночь,
Как же не понять тебе собственную дочь!

Знаю, знаю, мама, будешь ты опять
Туманяна, Блока, Чаренца мне читать.

И еще я знаю — истинный поэт
Людам в мир приносит самый добрый свет.

Ира Драч живет в Херсоне. К сожалению, Ира о себе больше ничего не написала. Но ее стихи нам понравились своей взволнованностью и равнодушием к попавшим в беду.

МАЛЬЧИШКА ИЗ ДЕТСКОГО ДОМА

Заводной мальчишка
разрыдался вдруг.
Новенькую книжку
выпустил из рук.
На странице мама сына обняла
и читает сказки, сидя у стола.
Закричал мальчишка, прежде заводной:
«Я хочу прижаться к маме дорогой!
Где ты, моя мама?
Здесь твой сын родной!»

Рисунок И. Тарасюка

Нина Еремеева из Челябинска сочиняет стихи и сказки. Сказки ей пока лучше удаются. Сегодня мы печатаем одну из них.

РОЗА И РОМАШКА

Сколько цветов росло в саду: тюльпаны и гладиолусы, нарциссы и пионы. Но красивее всех была роза.

— Ах, как она прекрасна! — говорили пионы.

— Она великолепна! — шептали гладиолусы.

А завистливые тюльпаны то и дело краснели от злости.

Росла в саду совсем-совсем незаметная ромашка. Она молча любовалась красотой розы.

Всему свой черед: прошло время, все привыкли к красоте розы и перестали ее хвалить. А розе было обидно, поэтому она стала ругать другие цветы:

— Вы только посмотрите, как нелепы и долговязы гладиолусы! Как безвкусно расфуфырены пионы!

Однажды садовник полил цветы холодной водой, и роза-неженка простудилась. Она чихала и чихала. Ромашке было ее очень жаль. Она согрела воду в своих ладошках, оборвала со своего платица лепестки и настояла на воде.

— Выпейте это, пожалуйста, вам станет лучше, — сказала она розе.

— Что тебе нужно, замарашка! Не дотрагивайся до моего бархатного платья!

Ромашка все-таки уговорила розу выпить лечебный чай, и роза поправилась. Она снова купалась под душем из-под лейки и больше не болела.

Так бывает и у людей: хорошие люди не всегда заметны, а плохие видны всегда, и слова их колются, как колючки у роз.

ЛЮБИМЕЦ ГОРОДА - Вински

ААПЕЛИ

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Лебедева

ГЛАВА 6

Вински — любимец города

Все началось с того, что в дверь колокольни врезали американский замок.

Церковный колокол висел не в башенке над церковной крышей, а рядом, в высоком узком доме, и туда был один-единственный вход. От него вверх вели ступеньки, где и находилась, собственно, дверь колокольни, в комнате за дверью висел колокол. Церковный колокол должен висеть по возможности выше, чтобы сквозь людской шум богу был слышен его звон.

Входить в колокольню было запрещено всем, кроме звонаря. Пробст, разумеется, мог туда входить, потому что пробстам разрешается ходить всюду, куда они захотят. Ну и жена звонаря тоже могла заходить в колокольню, но остальные не могли.

Раньше на двери колокольни был обыкновенный замок, такой, где в большую скважину вставляется большой ключ. Ключ звонарь держал у себя дома в шкафу. А однажды утром нашли Бродягу Роопе, у которого не было дома и вообще ничего не было, спящим под большим колоколом.

— Почему ты здесь спишь? — спросили у Роопе.

— Потому что не нашлось другого места, — ответил Роопе.

— Мог бы переночевать у нас, — сказал кто-то.

— Сам недавно прогнал меня, — ответил Роопе.

— Но спать в колокольне запрещено! — сказали.

— Это что, бог запретил? — спросил Роопе.

— Не умничай. Может, ты колокол украсть хочешь.

— Спасибо, не хочу. Он мне пока не нужен.

— Дверь в колокольню была заперта, а ты все-таки попал внутрь.

— Попал.

— Каким образом?

— Сунул палец в скважину и повернул. Дверь открылась.

— Прекрасно! Так больше не может продолжаться!

Так больше не может продолжаться, мнение было единодушным, и церковного сторожа отправили в Большой город, куда был день ходьбы, купить американский замок для двери колокольни.

И в большую дверь колокольни врезали американский замок, это был необыкновенно хороший замок, первый настоящий замок во всем городе. Закроешь дверь — и замок защелкнется. А чтобы отомкнуть дверь, был ключ, маленький, со сложной

резьбой. Этот ключ дали звонарю, он повесил его на кожаный шнурок и носил на шее между рубашкой и жилетом. Все горожане приходили смотреть на новый замок и, рассмотрев его, удовлетворенно говорили: «Бродяга Роопе больше не сможет ночевать в колокольне».

Было воскресенье, лето, примерно с полчаса прошло, как позавтракали. Вински лежал на спине на таком месте, которое словно для этого и было создано, то есть на крыше погреба. Солнце светило прямо на его веснушки, а черный толь, которым была покрыта крыша, грел пятки. Если бы вдобавок из окна пекарни доносился запах свежеспеченного хлеба, самый чудесный запах на свете, то было бы просто прекрасно. Но так как сегодня воскресенье, выходной день, то запаху хлеба взяться было неоткуда.

Вински уже почти задремал, как вдруг услышал крики на улице и увидел жену шорника Юстиину, добрую и бестолковую женщину, бегущую к рыночной площади в развевающемся переднике и кричащую:

— Ах, горе, горе! Ах, горе, горе! Звонарева Лиза, звонарева Лиза! Ах, ох... Что мне делать, что мне делать!

Вински проворно спрыгнул с крыши и побежал за Юстииной. Он знал, что все узнает на рыночной площади. Там он узнает все, что произошло. Все можно узнать только на рыночной площади. Вински прекрасно знал, что у Юстиины не было причин для горя, хотя она и кричала «что мне делать, что мне делать». Просто-напросто эта Юстиина была такая добрая женщина, что сразу начинала волноваться, если у кого-нибудь что-нибудь случалось, и бегать по городу ахая и охая. С одной стороны, это было очень удобно, потому что становилось сразу же известно все, что случилось. И теперь, по всей видимости, что-то стряслось с Лизой звонаря, с крохотной девчушкой, у которой на затылке был розовый бант и которая совсем недавно научилась говорить.

На рыночной площади собралось уже человек десять, и люди бежали со всех сторон. Вински шмыгал от одной кучки людей к другой, пытаясь выяснить, что же случилось с Лизой звонаря.

Лиза упала в илистый пруд вниз головой и утонула, говорили одни. Другие рассказывали, что звонареву Лизу украли и увели с собой цыгане. Третьи утверждали, что собака Аптекаря откусила у Лизы средний палец. Но это уже было явным преувеличением, потому что собака Аптекаря издохла примерно год назад от чумки.

И только тогда, когда на рыночной площади появились звонарь и его жена, все узнали, что произошло на самом деле. Подавленный звонарь сидел на прилавке рядом с подавленной женой и рассказывал о своем несчастье.

Окончание. Начало см. «Костер» № 12, 1988 г. и № 1, 1989 г.

Произошло следующее.

Утром до начала службы звонарь направился в церковь звонить в колокол. Он взял с собой маленькую Лизу, потому что очень любил свою Лизу, а Лиза очень любила колокольный звон. Они вместе вскарабкались на колокольню, и звонарь, как положено, прозвонил хвалу Господу,

— Где там?

— Там, в колокольне, внутри! На подоконнике его, кажется, оставил!

— Но почему же он у тебя не на шее, как всегда?

— Утром поменял рубашку, ну и сунул в карман.

засылая прихожан в церковь. Лиза послушно сидела на скамейке в углу. Кончив звонить, звонарь захлопнул за собой дверь, спустился с колокольни и направился домой. Возвращаясь домой, он вдруг вспомнил, ах, где же Лиза? Совершенно верно, он вспомнил, что Лиза осталась там, в колокольне. Звонарь вернулся, поднялся вверх по лестнице и хотел открыть дверь, но не смог.

— Почему не смог? — прокричали в ухо звонарю, потому что он был почти совсем глухой.

— Да потому что не было ключа! — прокричал в ответ звонарь.

— У тебя не было ключа?

— Не было! А замок пальцем не откроешь, потому что он американский!

— Но где же твой ключ?

— Там!

— Забыл ключ в колокольне?

— Да.

— Забыл ключ и Лизу в колокольне?

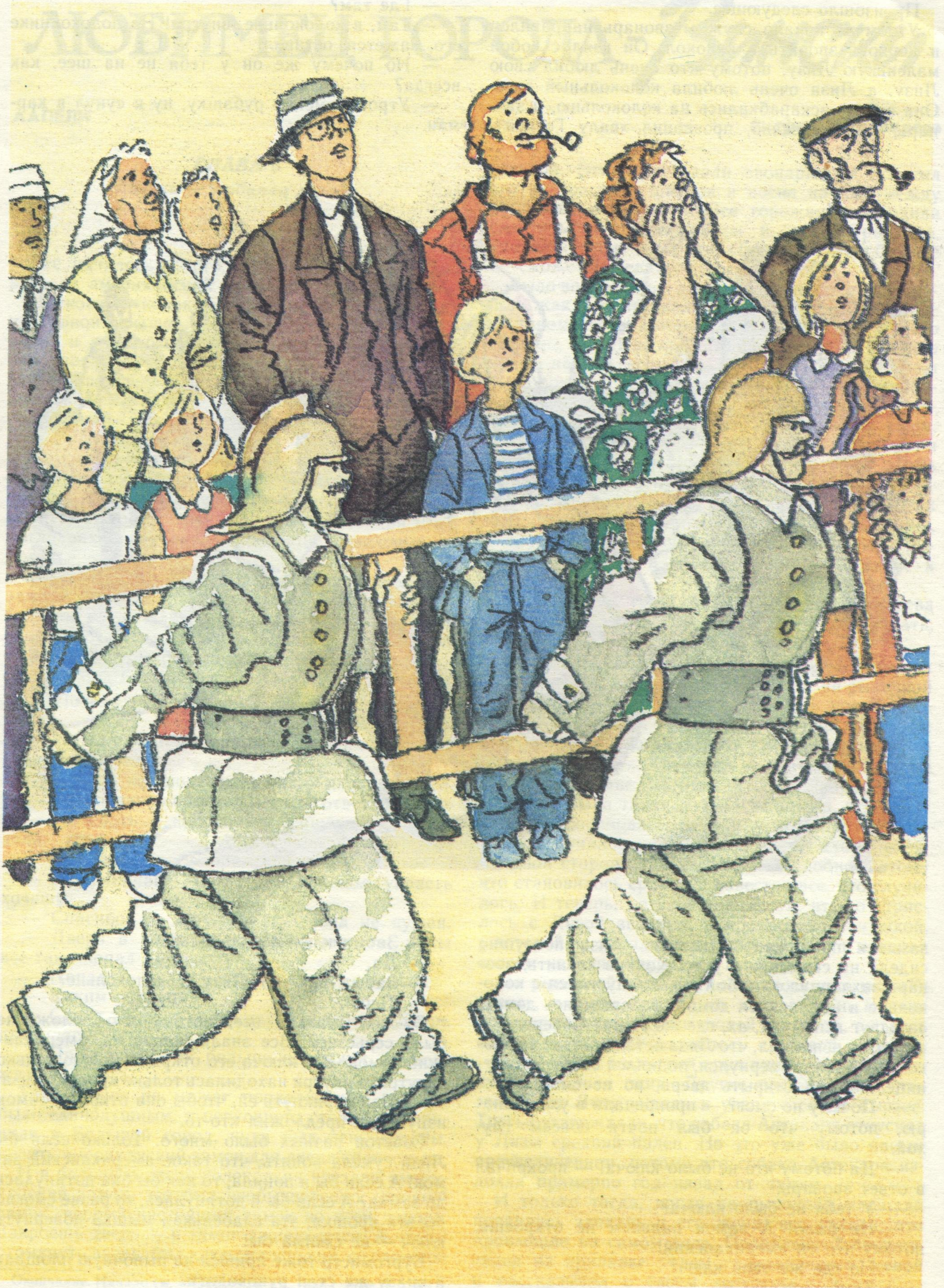
— Точно.

Ох-хох, сказали все, потому что положение было серьезное. Все знали, каков он, американский замок. Без ключа его открыть можно только изнутри, а внутри находилась только крошка Лиза.

— Надо крикнуть ей, чтобы она открыла замок изнутри, — предложил кто-то.

Советов разных было много. Только если бы Лиза сумела понять, что такое американский замок! А если бы и поняла, то как бы она дотянулась до замка? А если бы и дотянулась, то разве смогла бы эта крошка, эта слабенькая мышка повернуть ключ — не смогла бы!

Бургомистр тоже пришел на рыночную площадь и сразу же стал руководить.

— Ваша дочь, значит, находится в колокольне под замком? — спросил бургомистр у звонаря.

— Да, господин бургомистр.

— Примите мои соболезнования, звонарь, — сказал бургомистр. — Есть ли от двери еще ключи, кроме того, что остался там внутри?

— Нет.

— Может ли кто-нибудь сделать такой же ключ?

— Никто не может, кроме кузнеца в Большом городе, но это займет почти неделю.

— Аха-а. И за это время ваша дочь может умереть там с голоду или, может быть, от жажды. Так-так. Дело нешуточное, насколько я понимаю, — сказал бургомистр.

— Лизу надо спасти, и немедленно! — кричали люди, а женщины постарше уже приготовились заплакать.

— Народ прав, — сказал бургомистр. — Лизу надо спасти, таково и мое мнение. Или есть другие предложения?

И так как других предложений не было, то бургомистр опять повернулся к звонарю.

— Можно ли попасть в колокольню другим путем? Кроме двери?

— Можно через окно, оно открыто, как видите, господин бургомистр.

Все посмотрели наверх и увидели, вот здорово, окно-то наверху открыто! Люди внизу на мгновение притихли, и с колокольни донесся далекий плач. Сердце разрывалось от этого плача.

— Позвать сюда начальника пожарной команды! — приказал бургомистр, и за начальником пожарной команды побежали. Начальник пожарной команды явился не только в выстиранной форме, но и привел с собой всю команду. Команда ехала на сером мерине Конопена, и один из пожарников трубил в трубу. Начальник пожарной команды сам правил лошадью, которая остановилась на площади посередине толпы.

— Господин бургомистр! Пожарная команда готова к выполнению задания! — доложил начальник пожарной команды, стукнув каблуками сапог и отдавая честь.

— Великолепно, начальник пожарной команды, — сказал бургомистр. — Вам ясна обстановка?

— Да, господин бургомистр. Насколько я понял, положение прямо-таки угрожающее. Человек женского пола заперт в колокольне и его надо выволить оттуда.

— Вы совершенно правильно поняли задание, начальник пожарной команды. Задачу можно выполнить, по-видимому, забравшись внутрь колокольни через окно. Оно довольно высоко.

— Наша команда специализируется на высотных работах, — сказал начальник пожарной команды, напоминая окружающим, что недели две тому назад пожарная команда сняла с дерева котенка портнихи.

— Начинайте, — сказал бургомистр.

Начальник пожарной команды влез на телегу и рывкнул:

— Вперед, марш!

И пожарная команда подъехала прямо к колокольне. Толпа последовала за ней. Путь был недлинный, потому что церковь и колокольня находились как раз на другом краю рыночной площади, напротив ратуши.

Начальник пожарной команды сошел с телеги, поправил каску и скомандовал:

— Лестницу — ПОДНЯТЬ!

Пожарная команда резво схватила лестницу и бегом понесла ее к стене колокольни. Один из пожарников нес лестницу за один конец, второй нес за другой конец. Теперь плач Лизы слышался яснее.

Начальник пожарной команды скомандовал:

— Пожарник Рёмпётти — СМИРНО!

Пожарник Рёмпётти встал по стойке «смирно».

— Задание: спасти находящегося на колокольне человека женского пола! Вверх — МАРШ-МАРШ!

И на радость всему народу пожарник Рёмпётти со страшной скоростью стал взбираться по лестнице. Но до окна он не добрался. Лестница кончилась, она едва достигала середины колокольни.

— Лестница слишком коротка, — сказал бургомистр.

— Как специалист я того же мнения. Лестница слишком коротка, — подтвердил начальник пожарной команды.

— У вас нет лестницы подлиннее?

— Нет. Когда десять лет тому назад сделали эту лестницу, плотник предложил за эту же плату сделать ее подлиннее, но я отказался, потому что бюджетом предусмотрена именно семиметровая лестница.

— Но в данном случае она могла бы быть и подлиннее.

— Это исключительный случай, подобных случаев раньше не было. Все предусмотреть невозможно.

Люди стали отходить обратно на середину площади.

— Можно мне спуститься? — прокричал пожарник Рёмпётти с верхней перекладки лестницы.

— Пожарник Рёмпётти — вниз МАРШ-МАРШ! — скомандовал начальник пожарной команды и стал поворачивать лошадь к пожарке.

И после того, как пожарная команда не смогла спасти Лизу, люди заволновались еще больше. Подавленный звонарь сидел на прилавке и болтал правой ногой, а от вздохов его жены становилось тоскливо. Такого печального случая не смогла бы припомнить и знахарка Сохви, которая много повидала на своем веку.

И тогда на балкон ратуши поднялся бургомистр и с ним еще один человек. Бургомистр заговорил. Голосом, как из громкоговорителя в парке с аттракционами, слышным по всей площади, он сказал:

— Граждане! Нашему городу грозит большое несчастье! Лиза нашего звонаря страдает в полном одиночестве, запертая в колокольне. Мы знаем, что она даже не завтракала. И как мы ни старались, но не смогли помочь ей. Но...

Бургомистр выдержал нужную паузу.

— Но вы видите рядом со мной человека, молодого человека по имени Вински. Он сказал, что сможет справиться с американским замком и вызволить Лизу. Разрешим ли ему попробовать? Верите ли вы его словам?

— Конечно, верим! — слышался из толпы голос господина Хайтулитти, прежнего Хальюлиини, но, кроме него, никто больше не верил, но все-таки все сказали, пусть парень попробует, от таких пострелов никогда не знаешь, чего ждать.

— Но, — продолжал бургомистр, — молодой человек Вински выдвигает условие, что, когда он войдет в колокольню, к ней нельзя подходить ближе, чем на сорок шагов. Согласны ли вы с его условием?

— В чем он нас подозревает? В любопытстве? Можем и совсем отвернуться, если он так хочет! — закричали слегка обиженные граждане, но многие, крича еще, решили: еще чего, будут они отворачиваться.

Вински зашагал к колокольне. Толпа последовала за ним, не доходя до колокольни ровно сорока шагов, остановилась и стала смотреть вверх, задрав головы.

Вински был наверху перед дверью. Порошка у него осталось с щепотку, но на этот раз ему еще должно хватить. Вински спокойно достал из кармана пакетик, высыпал его содержимое в рот и сглотнул. Потом он наступил правой ногой на большой палец левой ноги и сказал вполголоса: «В стену!»

Прекрасно! Порошок не подвел и на этот раз. Хотя дверь колокольни была необыкновенно толста и вся обита железом, Вински легко прошел сквозь нее и ничего не почувствовал.

В углу комнаты на скамейке сидела маленькая девочка. Она так плакала, что розовый бант дрожал на макушке. Целую лужу успела наплакать эта няня.

На подоконнике лежал ключ на кожаном шнурке.

Вински применил известный уже способ и стал видим.

— Привет, Лиза, ты чего хнычешь?

Лиза отняла ручонки от лица и удивленно посмотрела.

— Ты Винтки?

— Я Вински.

— Натояттй Витки?

— Настоящий.

Глаза Лизы блестели, как две мокрые оловянные пуговицы.

— Откуда ты плитол?

— Через дверь.

— Ах, челет дверь! Но ит нее не попать, она таклыта.

— Я прошел сквозь дверь.

— А-а.

А-а, сказала Лиза и больше ничего не спросила, потому что маленькие дети, в основном, очень понятливы и не задают лишних вопросов о само собой разумеющемся.

Замок легко повернулся в крепких пальцах Вински, ключ Вински сунул в карман.

Он вытер ладонью слезы со щек Лизы. Лиза поправила свой бант, и они, взявшись за руки, спустились с колокольни.

Люди ждали, затаив дыхание. И когда появились Вински и мило топающая рядом Лиза, толпа взорвалась криками. Одни кричали «Да здравствует», другие кричали «ура», третьи кричали просто «о-о-о», потому что не могли решить, на каком языке приличнее было бы кричать, и по коридору почета, образованному ликующими людьми, Вински и Лиза прошли на середину площади. Лизина мать была бесконечно счастлива, получив свою маленькую дочь, и Лизин отец был счастлив, получив назад злополучный ключ. Все смеялись, плакали и говорили одновременно, и знакомые обнимали незнакомых, и незнакомые обнимали знакомых, и все как никогда радовались спасению Лизы. И всем женщинам хотелось чмокнуть и потискать Лизу, а те, которые стеснялись и не решались чмокнуть и потискать, попытались хотя бы ущипнуть ее за ногу или за руку, так счастливы они были.

И тут опять слышался голос бургомистра с балкона ратуши.

— Граждане!

Толпа повернулась к ратуше.

— Прошу тишины! Госпожа Мякинен, прошу и вас быть гражданином и замолчать! Мне оказана честь представить вам героя дня молодого человека Вински, благодаря своей находчивости он спас Лизу звонаря!

Люди бешено захлопали.

— Наш город никогда не оставлял без награды подобные героические поступки, — продолжал бургомистр, — хотя их не так уж много и было. Я расспросил молодого человека Вински, что он желает получить в награду. Угадайте-ка, что он хочет?

Бургомистр опять сделал паузу, он был знаменит своими паузами.

Люди притихли, никто не пытался угадать.

— Он хочет, чтобы для Бродяги Роопе нашли постоянное жилье, потому что Роопе не может теперь ночевать на колокольне. Я считаю это предложение Вински вполне приемлемым и хочу сделать такое же благородное дело, как и наш герой Вински. Таким образом, официально заявляю, что с этого дня Бродяга Роопе может ночевать у меня на кухне на топчане, а квартплату будем взимать из фонда мэрии.

— Прекрасно, прекрасно! Да здравствует благородный бургомистр! Да здравствует благородный Вински! — кричали растроганные горожане и махали носовыми платочками и шляпками.

Но бургомистр продолжал:

— Так как сегодня написана новая страница в истории нашего города, страница, посвященная победе над колокольней, и так как автором этой страницы является всеми нами обожаемый Вински, то я, как представитель власти, решил в увековечение этого события присвоить Вински Почетное звание. Уважаемым налогоплательщикам хочу заметить, что это очень выгодная награда, она не будет ничего стоить ни награждаемому, ни награждающему. И вот, граждане, сегодня

я присваиваю этому отважному молодому человеку, стоящему сейчас возле меня, звание «любимец города»!

Люди не знали, как выразить свой восторг. Они кричали, хлопали в ладоши, бросали на балкон тут же из-под ног сорванные одуванчики и скандировали:

— Да здравствует любимец города Вински! Ура!

— О-о-о!

И когда люди накричались до хрипоты и напрыгались до боли, довольные, они разошлись по домам, потому что как раз подошло время послеобеденного отдыха.

Но мать и отец Вински были так горды своим сыном, что никак не хотели идти отдохнуть, а позвали в гости семью пекаря поболтать о колокольнях, о маленьких девочках и бездомных бродягах вообще.

Сам же Вински, избавившись от многочисленных поздравителей, улизнул за кузью жестянщика Фалка накопать червей для рыбалки, потому что среди всей этой кутерьмы он не забывал, что договорился с Лассе и Ханске пойти вечером ловить плотву на Горшечный залив. Он знал наверняка, что какое бы Почетное звание не имел, а для ловли плотвы у каждого должны быть свои черви.

Вот так-то.

ГЛАВА 7

До свидания, Вински!

Вински временно оказался без денег. Насколько он помнил, он довольно часто страдал безденежьем. Сама судьба устроила так, что напротив его дома находилась лавка пекаря, которая в какой-то мере и была причиной безденежья. Дело в том, что в этой лавке можно было купить хлебных крошек. Всего-то хлебных крошек! — посмеетесь вы, но смех прекратится, когда узнаете, что это за крошки. Это вовсе не обычные хлебные крошки, а целые засохшие ромовые бабы, кексы, горбушки, половинки сахарных сухарей и — поверите ли — в придачу давали и пирожное, чуть обломившееся с боку или подтаявшее на витрине. Таких хлебных крошек можно было купить целую коробку всего на одну марку. И как же вкусны были эти крошки, особенно часа в два или три дня, и особенно, если была возможность спрятаться на чердаке дровяного сарая и съесть их в одиночку. А хлебными крошками их называли для того, чтобы пекарь не стеснялся продавать их так много на одну марку. Одним словом, хлебные крошки и были причиной тому, что Вински часто оказывался без денег. А теперь как раз у него совсем не было денег, ни монетки, как говорит Бродяга Роопе. Правда, в последнее время Вински хорошо зарабатывал. Вечером он продал весь свой клад, то есть шесть крысиных хвостов, парню, который помогает лекарю смотреть за больными, тот заплатил по пятьдесят пенни за штуку, что составило три марки. И в этот же вечер Вински перестоял

ученика пекаря на одной ноге, за что прибавилась еще одна марка. Но и расходов было достаточно. Надо было купить двадцать сантиметров резиновой трубки для крысоловки, две марки ушло на удочки — то есть деньги куда-то уплыли, во всяком случае, карманы были пусты. И раз расходы таковы, что их трудно избежать, а доходы нерегулярны, то и умному тут есть над чем поломать голову.

Вински пошел к маме, она жарила в кухне пирожки. Он почувствовал, что настроение у нее лучше обычного.

— Послушай, мама!

— Что?

— Мне кажется, что грядка с редиской опять заросла сорняком.

— Да ты что! Я же только вчера ее прополола! Ты, наверное, плохо смотрел.

— А ты не будешь против, если я ее прополою потом, когда она опять зарастет сорняком?

— Конечно, не буду против, можешь прополоть.

— Ах, и ящик для дров совсем полон. Я подумал как раз, что тебе дрова нужны, ты же пирожки жарить.

— Нет, сейчас мне дров не нужно. Папа только что принес. В следующий раз.

— Тогда завтра принесу или послезавтра. Полный ящик принесу, если хочешь.

— Спасибо, спасибо. Ты хороший мальчик, Вински.

— Да. А денег совсем нет, — вздохнул Вински.

— Тебе нужны деньги? — спросила мама.

— Нужны. Мало, не много. Десять марок. Примерно десять марок. Марку туда, марку сюда — ничего не значит.

— Для чего тебе нужно десять марок?

— Да есть тут небольшие расходы.

— Что у тебя за расходы?

— Заразные расходы.

— Что? Заразные расходы?

— Да. И папа всегда так говорит.

— Папа говорит — разные.

— Ну конечно, они совсем разные.

— Принеси мне мою сумочку, она в комнате на комодке, — сказала мама просто.

Вински бежал вниз по улице с блестящей монетой в руке. Он и посвистел бы немножко, но не мог, губы у него были обветрены и потрескались. Тем не менее он был в превосходном настроении.

Но тут — елки-палки — черная кошка Юстиины перебежала улицу прямо перед носом Вински. Он сплюнул три раза, но уже не был уверен, что сегодня ничего дурного не случится. Или молотком ударю по коленке, или рыба кость застрянет в горле, сокрушался Вински.

Вот она, аптека. Вински подумал было, не написать ли свое имя на окне, но тут заметил, что окно вымыто и блестит, и на нем ничего нельзя написать.

Пусть, подумал Вински и вошел в аптеку.

Колокольчик не звякнул над дверью.

В аптеке было пусто и удивительно тихо. Наконец из задней комнаты выкатился маленький

круглый человек в белом халате и с дурацкими очками на лбу.

— Аха-а! Что мальчик желает? — спросил он.

Мысли лихорадочно вертелись в голове Вински. Смыслит ли этот тип в чем-нибудь? Ведь он не худой и не грустный. Вински спросил все-таки:

— У вас есть еще тот, французский?

— Что французский?

— Ну тот, французский, новейший! — шепнул Вински и подмигнул аптекарю.

— Французские духи?

— Нет! Порошок, конечно же, который превращает человека в невидимку!

Человек в белом халате долго и подозрительно смотрел на Вински и сказал наконец, кривя рот:

— Нет! У нас нет французских порошков!

— Ах, он кончился?

— Боюсь, да...

— Но... но он же был! Он был в такой большой банке на верхней полке, вон там!

Вински показал на верхнюю полку. Маленький в белом халате и Вински вместе взглянули наверх. Нет, не было там большой банки, вся полка была совершенно пуста.

Вински сморщил лоб.

— А можно мне поговорить с аптекарем?

— Ах, с аптекарем? — повторил в белом халате. — Конечно можно, я аптекарь.

— Вы аптекарь?

— Да.

— Но... тогда здесь был другой аптекарь!

— Когда?

— Когда я был здесь последний раз.

— Послушай, мальчик, я пришел в эту аптеку тогда, когда тебя еще и на свете-то не было. С тех пор я здесь и работаю.

— Но тут был другой аптекарь, такой высокий и грустный...

— Ты, наверное, был в другой аптеке.

— Да, может быть, может быть... наверное,

в другой аптеке, — в замешательстве пробормотал Вински и выскочил на улицу.

Вински бежал и бежал вверх по улице, пока не остановился у ворот своего дома. На заборе пекаря сидела кошка Юстиины и смеялась, топорща усы. Вински даже не взглянул на нее, так ему было плохо. Он скользнул за погреб, где у него имелся укромный уголок. Там в зарослях крапивы он наступил пяткой правой ноги на большой палец левой ноги и прошептал: «В стену!»

Но ничего не получилось, порошка-то не было.

Вински отнес десять марок маме и попросил приберечь монетку до следующего раза, когда у него опять появятся разные расходы. Сегодня их у него нет.

Мама посмотрела на Вински слегка удивленно, но ничего не сказала, лишь положила ему на тарелку на один пирожок больше, чем себе и папе, и обильно полила вареньем.

Вински лег спать рано. Лежа в кровати, он вдыхал аромат берез, доносившийся из раскрытого окна, и, засыпая, услышал вдруг:

— Вински!

Сердце Вински стукнуло.

— Что? — прошептал он.

— Вам грустно?

— Грустно.

— Это я, Аптекарь. Я сижу на подоконнике. Не беспокойтесь, я немного подумаю.

— О чем вы думаете?

— О том, где бы раздобыть порошок, превращающий человека в невидимку. И у меня он кончился.

— Вы уверены, что придумаете что-нибудь?

— Совершенно уверен! А вы пока поспите, до встречи!

— Правда, встретимся?

— Правда!

— Ну, тогда до свидания, Аптекарь!

— До свидания, Вински!

Перевод с финского
Аллы КОРХОНЕН

ТВОЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ РОВЕСНИК

В лагере Элфорд Лейк

Мы прилетели в Вашингтон около 14 часов по местному времени, когда в Москве было уже 10 часов вечера. Мы — это двенадцать советских пионеров из Москвы, Ульяновска и Литовской ССР — активисты клубов интернациональной дружбы.

Первое впечатление от Вашингтона — нечем дышать. Когда мы вышли из самолета, то чуть не задохнулись, воздух был какой-то едкий, ядовитый. Наверное, это от автомобилей.

Приехали в гостиницу — общежитие какого-то колледжа. Комнаты высокие, просторные, на одного, на двоих и на троих. В каждой — кондиционеры, и поэтому воздух прохладный и свежий.

Вечером состоялась автобусная экскурсия по Вашингтону. Первая остановка — Белый дом. Обошли мы его со всех сторон. Здание окружают деревья и фонтаны.

Затем мы поехали в Капитолий, где заседает конгресс США. Через боковой вход нас провели на специальную галерею для посетителей.

А памятник Вашингтону мы видели из автобуса. Это огромный обелиск коричневого цвета. Наш экскурсовод объяснила, что выше этого памятника нельзя строить в Вашингтоне здания.

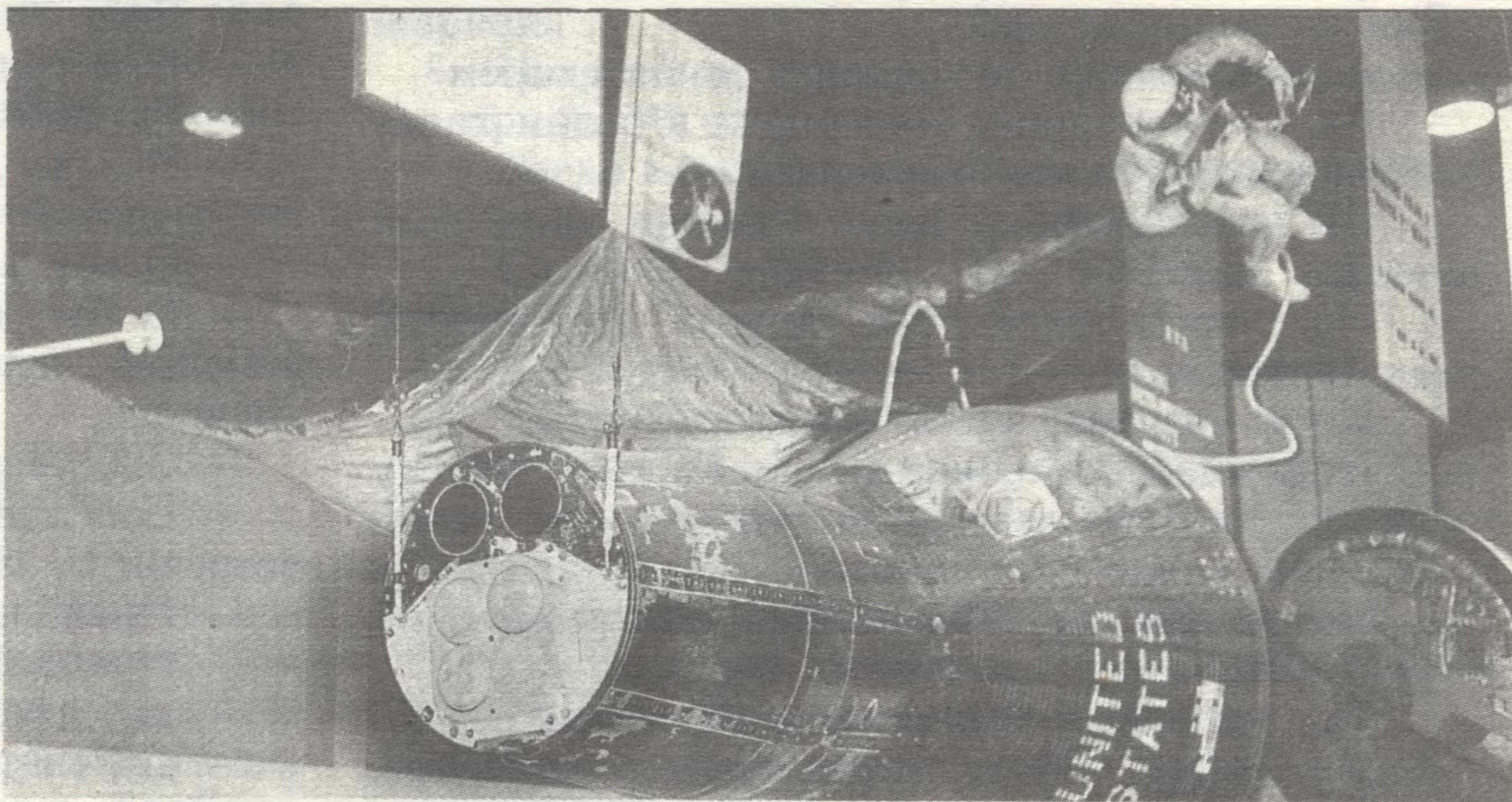
После этого поехали по музеям. В музее космоса видели большие ракеты и портреты американских астронавтов. Нас пригласили войти в одну из ракет, которая лежала на боку. Там было несколько кают, даже была ванная. Я совсем не разбираюсь в космонавтике, но, по-моему, это была ракета будущего, не настоящая. Экскурсия нам очень понравилась. И хотя мы были на ногах уже 32 часа, спать совсем не хотелось.

На следующее утро снова сели в самолет и через два часа оказались в штате Мэн. В аэропорту города Портленд

нас встречала мисс Джейн Смит. Потом она еще придет к нам в лагерь, а в последний день будет провожать. Через час все ребята разъехались по лагерям, которые расположены на берегах озер, довольно далеко друг от друга. Еще дома мы узнали, что в США будут три разных лагеря: только для девочек, только для мальчиков и смешанный. Конечно, всем девочкам хотелось попасть в смешанный лагерь. Но по жребию Маше Гаценко из Ульяновска, всем москвичкам — Миле Кожевниковой, Лизе Гудинович и мне — достал-

разговаривать после отбоя. Меня удивило, что после подъема не было никакой зарядки, все сразу шли в столовую завтракать. Умывались и чистили зубы после завтрака, тогда же окончательно просыпались.

Короче, мы жили по правилам, принятым в лагере Элфорд Лейк. Нам выдали форму — синие футболки и шорты на будние дни и белые — на воскресенья. Свою одежду носить не разрешалось, хотя в других лагерях такого правила не было. Мы могли переодеваться только по вече-

В музее космоса

Фото Б. Гесселя

ся лагерь для девочек — Элфорд Лейк. И мы не пожалели, нам кажется, это был лучший из всех лагерей.

Лагерь Элфорд Лейк стоит на берегу озера среди берез, сосен и елей. В нем жили более 350 человек, в основном американки. Иностранок было всего 10—15: девочки из Испании, Франции, Венесуэлы, Колумбии. Я несколько раз бывала в пионерских лагерях под Москвой, и невольно сравнивала их лагерь с нашими.

Оказывается, жить в палатках несколько не хуже, чем в деревянных или кирпичных корпусах. Правда, в палатках не было электричества, зато у каждой из нас был фонарик, а при его свете так интересно

рам, когда устраивались всевозможные представления и праздники. В общем, носить такую форму было удобно, потому что было много спортивных секций.

Каждый день был заполнен занятиями. Три часа до обеда, четыре — между обедом и ужином. Понравилась организация занятий: в каждой палатке висело расписание, куда можно пойти сегодня. На каждый час было записано по несколько разных кружков и спортивных секций, и каждый мог выбрать себе занятие по вкусу. Можно было заниматься плаванием, теннисом, парусным спортом, стрельбой из лука, рисованием, музыкой — всего было около тридцати

кружков и секций. До обеда в них нужно было выполнять задания руководителя, а после обеда ты мог заниматься по своему усмотрению. Например, до обеда нас учили плавать по-американски, а после обеда в том же бассейне можно было просто играть и плавать, как тебе нравится. Или в художественном кружке — до обеда нужно было рисовать по заданию какой-нибудь плакат, а после обеда рисуй что хочешь. Мне особенно нравилось ездить верхом. До этого я никогда близко не подходила к лошадям, а тут подружилась со своим конем Али-Бабой. Мы даже немного скакали, и он меня не сбросил.

Однажды на рыбачьих лодках мы отправились в поход на остров, который принадлежит богатому бизнесмену. Невольно обратила внимание: директор нашего лагеря специально с ним об этом договаривалась. Когда мы вышли из прибрежных скал на опушку леса, то увидели столько грибов, что негде было ступить ногой. Мы, конечно, бросились собирать белые, подберезовики, лисички. Но наши американские спутницы очень этому удивились: «Неужели вы будете это есть? Грибы могут быть ядовитыми!» Но мы все-таки попросили нашу переводчицу Шерил поджарить грибы на костре и съели их.

Может быть, нам захотелось грибов потому, что пища в лагере была очень непривычной, особенно обед, который состоял из салата и фруктов. Салаты можно было выбирать, но это было не совсем то, к чему мы привыкли. Например, был салат из риса с кусочками соленого огурца и изюмом. Очень хотелось черного хлеба, но хлеб был только серый, да и тот американки почти не ели. А фруктов было много и очень вкусных. Пили в лагере только родниковую воду или соки.

Завтракали и ужинали мы в столовой, а обедали всегда на свежем воздухе, сидя на траве с бумажными тарелками на коленях. Говорят, так полезнее для здоровья.

Девочка в шлеме — Катя Громова в секции верховой езды

Кроме столовой, в лагере было еще несколько зданий, и среди них довольно большой зал, где каждый вечер после ужина проходили «сборы лунатиков». Собирался весь лагерь, пели песни, танцевали, драмкружок разыгрывал разные сценки. А иногда просто бегали и играли.

Один из дней назывался «День Советского Союза». Был «русский обед» — борщ и котлеты, правда, не очень похожие на наши. А вечером на очередном «сборе лунатиков» мы выступали с маленьким концертом. Показали пантомиму, танцевали, играли на пианино, пели русские песни. Аплодисменты не замолкали весь вечер. В тот день в лагере были корреспонденты американских газет, но поначалу они даже не смогли отличить нас от американцев. Говорят, нас выдали только наши пионерские галстуки.

В Элфорд Лейк мы подружались со многими американскими школьницами. В первую очередь, с девочками, с которыми жили в одной палатке, — Кеди, Марго, Эли и Изабель. Целые дни ходили с ними рука об руку, вместе ели, купались, загорали. И поэтому неплохо изучили их характеры.

Кеди очень подвижная девочка. Бывало, придешь в палатку, а она висит вверх ногами на двухэтажной кровати и бор-

мочет что-то непонятное. Потом прыгнет на тебя, как пантера, и засмеется. Веселая девчонка.

Марго — наоборот — всегда спокойная и добрая. С нами ходила редко, у нее была своя компания, которая обожала медленную музыку и верховую езду. Кстати, Марго — прекрасная наездница.

А Эли ненавидела лошадей и при их запахе издавала странный звук, похожий на «фьюи». Живет Эли в штате Мэн, где и находился наш лагерь.

Изабель была тоже очень спокойная. Она обожает заниматься драмой, и почти на каждом «сборе лунатиков» показывала свои интересные сценки. Каждый день она нам что-нибудь дарила. В основном, открытки с видами Нью-Йорка — она из этого города.

И вот наступил день расставания. Все хором пели «Пусть всегда будет солнце» по-английски, по-русски и по-испански. Потом все подходили к нам прощаться — обнимали, дарили бумажных журавликов, повязки дружбы. Все плакали, было просто море слез. Все хотели приехать к нам в СССР и снова нас увидеть. Мне кажется, после нашей поездки в Элфорд Лейк мир на Земле немного стал прочнее.

Катя Громова,
6 класс,
школа № 1214 Москвы

ФЕВРАЛЬ

Глубокими снегами, метелями да трескучими морозами дает знать о себе февраль — последний зимний месяц. В ледяном плену застыли озера и реки. Но с каждым днем все больше света.

С утра снуют в поисках корма синички. Свиристели можжевельный куст облюбовали. А клестихе будто и мороз нипочем — она уже птенцов выводит. Подо льдом в студеной воде коротают зиму рыбы. Один налим бодр и прожорлив — к нересту готовится.

СТРАНИЦЫ КРАСНОЙ КНИГИ

Я живу в Севастополе. Как-то я увидела, что двое мальчишек что-то копали на небольшом лугу, а рядом валялись вырванные с корнями цветы дикого ириса. Их даже нельзя было назвать цветами. Раздавленные и измочаленные, они лежали на земле. Я хотела мальчишкам объяснить, что это растение — ирис низкий — занесено в Красную книгу. Но они только посмеялись: не учи нас, не твое дело. Я ничего не добилась. Уцелевшие корешки я собрала и посадила на своем огороде. Они прижились. Теперь хочу их высадить на тот луг. Но боюсь, что цветы окажутся в букетах прохожих. Жаль, что многие не знают или не думают, что так могут пропасть редкие растения.

Оксана Сидора, 6 класс,
Севастополь

МОЖЖЕВЕЛЬНИК

Можжевельный куст и зимой зелен. В северных лесах он — единственный хвойный кустарник. А родственники его — туя и кипарис. В народе можжевельник зовут вересиной, северным кипарисом, тетеревиной ягодой. Его плоды — сине-черные шишкочагоды — используют в медицине. Можжевельная хвоя выделяет фитонциды и этим очищает воздух. Живая изгородь этого кустарника вокруг сада отпугивает насекомых-вредителей. Многим замечателен можжевельник, но все меньше остается его в наших лесах. В Красную книгу СССР уже попали можжевельник высокий, Саржента, вонючий, твердый. Растет он очень медленно, плодоносит с пяти-десяти лет. Сорваны веточки с ягодами «для красоты» или хозяйственных нужд — и нарушено семейное размножение. Шишкочагоды лучше оставить птицам, а они помогут расселить этот ценный кустарник.

ВОПРОС-ОТВЕТ

В школе нам говорили, что надо охранять дикий гранат и дикий инжир, что они в Красной книге. Ведь у нас полно граната и инжира в садах и в совхозах. Это вкусные культурные сорта, а зачем беречь дикие?

Тимур Пайчадзе,
Гагра

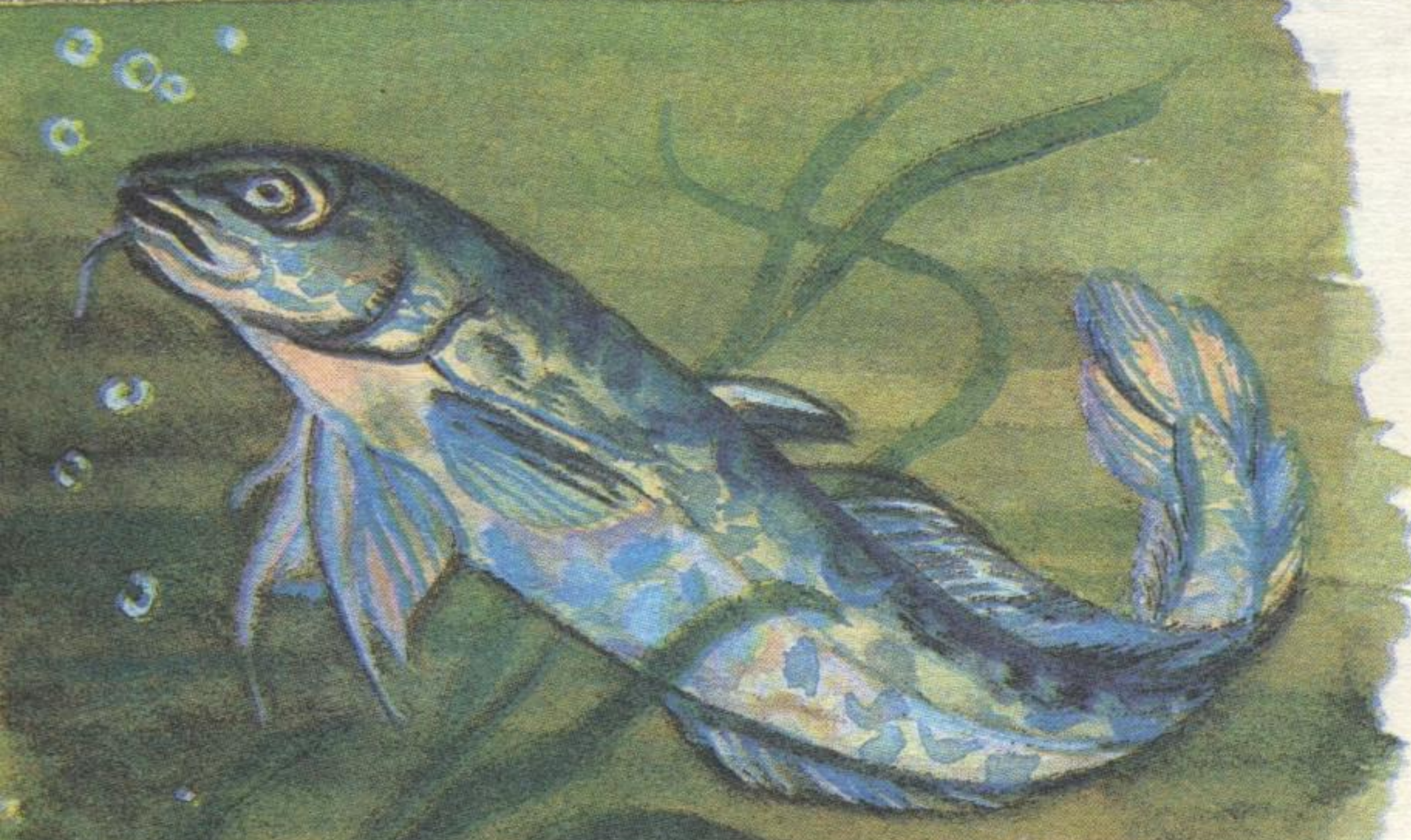
На вопрос Тимура мы попросили ответить научного сотрудника Ботанического сада Ленинградского государственного университета Валерия Ивановича СИМАЧЕВА.

«Приручать» растения люди научились еще в глубокой древности. Зерна «одомашненной»

Составила Н. ИВАНОВА

Оформление Т. Панкевич

пшеницы находили в саркофагах египетских фараонов. Сейчас различных культурных видов насчитывается около 2,5 тысяч. Некоторые растения широко распространились в культуре, а их дикие предки совсем пропали. Давайте разберемся, зачем же мы так стараемся сберечь дикорастущие растения, если их культурные потомки, можно сказать, завоевали мир.

В Англии в 1882 году ученые

провели такой эксперимент. С части пшеничного поля не стали снимать урожай, огородили его и стали наблюдать, что с ним будет. Прошло четыре года. Пшеница исчезла совсем, ее вытеснили сорняки, а через 80 лет на месте поля вырос лес из местных пород деревьев. Культурная пшеница оказалась не такой жизнестойкой, как дикие растения.

Ученые выяснили, что культурные сорта больше страдают

от морозов, засухи, чаще болеют, почти не выносят конкуренцию. Поэтому, чтобы получить новые урожайные сорта, устойчивые к болезням и изменениям климата, приходится снова обращаться в природу, к дикорастущим видам. Селекционеры, создавая новые сорта, используют полезные свойства диких видов. Вот почему так важно сохранить диких сородичей всех культурных растений.

Прочтите новую книгу

Мне очень понравилась книга Роберта Фрэнклина Лесли «Медведи и я». Книга вышла в Ленинграде в 1987 году. Это история о том, как в лесах Канадского Севера человек подобрал трех осиротевших медвежат — барибалов, которым грозила гибель. Человек вырастил их, научил добывать себе корм, находить жилище в лесу. Он учил их всему, чему научила бы их мать. Но звери потеряли природный страх перед людьми. В этом беда... И напоследок человеку пришлось дать самый горький урок — урок недоверия к людям. Конечно, дикие животные должны жить своей жизнью по своим законам. Я сам занимаюсь в зоологическом кружке зоопарка и интересуюсь контактами людей и животных. Написана книга очень интересно и с юмором. Автор книги Р. Ф. Лесли — наполовину индеец, все живое ему близко и понятно. Прочтите эту книгу.

Саша Матюхин,
юннат Лензоопарка

КОРМУШКА ДЛЯ ДЯТЛА

Под птичьи кормушки можно приспособить коробки, банки, перевернутую бутылку, сетку. Главное не забывать класть в них корм. Вот кормушка для дятла из простого полена. В обрубке бревна высверлите несколько отверстий диаметром 3—3,5 см. Ячейки неглубокие, но с небольшим наклоном внутрь. С плоской стороны полена сделайте ушки из гвоздей. Вешать кормушку надо на высоте 2—3 метра от земли. Высверленные ячейки заполняйте шариками кормовой смеси: несоленые мясные отходы с булкой или вареной картошкой, или кашей. Лучше пропустить все через мясорубку и смешать с жиром. Наделайте из этого фарша шарики размером с ячейку. Храните в холодильнике. Если дятлу понравится кормушка, он будет прилетать кормиться каждый день: утром и в обед.

А мелким птицам — синицам, поползням, пищухам тоже найдется корм возле дятловой кормушки.

Кому какой корм?

ЗАГАДКА

Назови этих птиц и скажи, какой корм они любят.

«Зеленые страницы» награждают

книгами за лучшие рассказы о природе по итогам 1988 года Римму Абдулхакимову (Нижекамск) и Колю Юнчису (Ленинград). За помощь семенному фонду «Зеленых страниц» — Сергея Шاپовалова (Гусь-Хрустальный).

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

НА СТРАЖЕ РОДИНЫ

После второй мировой войны моряки спорили. Одни говорили, что не нужны авианосные корабли. Цель большая, легко потопить ракетой... Другие считали, что небольшие катера ни к чему: как им прорваться и напасть на вооруженный электронными приборами и сверхсовременной артиллерией крейсер? А нужен ли и сам крейсер, если подводная лодка с большой глубины, не всплывая, может поразить его с большого расстояния?.. Так утверждали третьи...

Но прошли десятилетия, и во всех флотах мира остались и большие корабли и маленькие. И подводные лодки и

быстроходные катера. И авианосцы и крейсера. Да еще и добавились такие, которых раньше флот не знал, — корабли на подводных крыльях и воздушной подушке. И все эти корабли важны и нужны.

На военно-морских маневрах, которые нарисовал художник, — корабли, которыми вооружен наш военный флот...

1. В отдалении поддерживает артиллерией десант — атомный крейсер.

2. Ближе к берегу — готовый сокрушить укрепления «противника» — ракетный крейсер.

СНАРЯД И БРОНЯ

Из рассказов об адмирале Макарове

Две тысячи лет тому назад по Средиземному морю плыла римская галера. Ветер, помогая гребцам, надувал на мачте парус. Но парус был небольшой, и он слабо помогал ходу. Так что гребцам галеры, полуголым рабам, приходилось трудиться всю... Покачиваясь на лавках, они в такт ворочали тяжеленные весла. И с каждым гребком вода пенилась под окованным бронзой носом галеры.

Вдруг из-за острова показались галеры поменьше и полегче — карфагенские! Карфагеняне были врагами Рима...

— Тревога!

На римской галере воины зазвенели копьями и щитами. Столпились у борта. И хоть карфагенских галер было больше, римляне не отвернули и не отступили. Нет, римская галера храбро пошла навстречу.

На ее носовой палубе у небольшого сооружения из толстых брусьев копошилось несколько воинов. Они тянули длинные рукоятки. Рукоятки крутили бревно. На бревно наматывались ка-

наты. Канаты оттягивали от перекаладины огромную ложку, вырезанную из целого дубового ствола. И чем дальше отходила от перекаладины эта ложка, тем туже становились воловьих жилы, которые стремились притянуть ложку обратно к перекаладине. А в ложке лежал большущий камень величиной с поросенка!

Наконец все было готово. Один воин скомандовал, другой отпустил натянутый канат. Воловьих жилы сжались. Дубовая ложка описала дугу и ударилась в перекаладину. Камень с большой скоростью вылетел и трахнул в карфагенскую галеру. Прямо в борт! Он пробил борт, и галера стала тонуть.

А римляне уже готовились выстрелить другим камнем во вторую галеру.

...Сооружение это называлось катапультой. Оно могло метать не только камни, но и кувшины с горючей смесью — зажигательные снаряды.

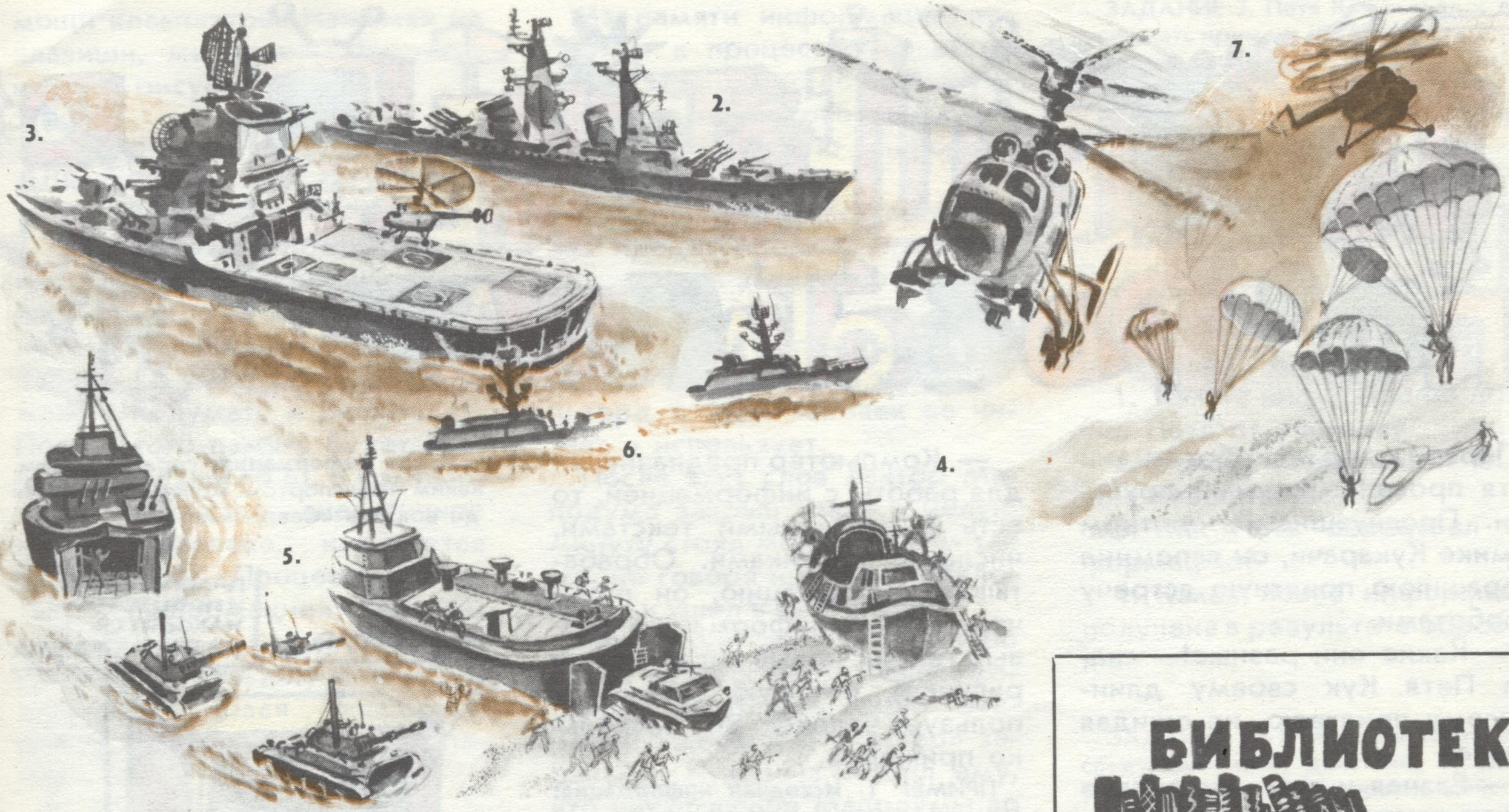
Но через некоторое время карфагеняне научились защищаться от камней. Начали делать борта толще. А потом попробовали обшивать галеры медными листами — точно одевали воина в панцирь для защиты от стрел.

Так началось долгое состязание между снарядом и броней.

Катапульту сменили корабельные пушки. Стреляли пушки порохом, и ядра летели далеко и били в борт сильнее, чем камень. Однажды ядро из турецкой пушки — дело было в шестнадцатом веке — попало в английский корабль и пробило такую дыру, что в нее смогли высунуться несколько матросов. Хорошо, что дыра была выше уровня воды...

Но против пушек и ядер на кораблях стали делать защиту из железных листов, а потом — из броневых плит. И чем сильнее делались пушки и тяжелее снаряды, тем толще и несокрушимее готовили броню!

В те годы, когда Степан Осипович Макаров служил на флоте, пушки на больших кораблях-броненосцах были такие, что дальше некуда! В ствол мог свободно залезть взрослый человек. Но и броня на кораблях стала такой толщины, что ее и самый тя-

3. Охрану от «нападения» подводных лодок несет противолодочный крейсер. С его палубы поднялись вертолеты, которые, с помощью приборов, могут обнаружить затаившуюся подводную лодку.

4. Прямо с воды на берег могут «въехать» корабли на воздушной подушке. Они и высадили первых десантников.

5. А танки и пушки выкатятся из трюмов этих больших десантных кораблей...

6. Закрепиться десанту на берегу помогут своим огнем ракетные катера.

7. Помогает делу и морская авиация — с самолетов выбросили парашютный десант...

желый снаряд не пробивал... И казалось, броня победила снаряд...

Степан Осипович задумался. Как самую толстую и крепкую корабельную броню одолеть? Чтобы корабли русского флота были сильнее других.

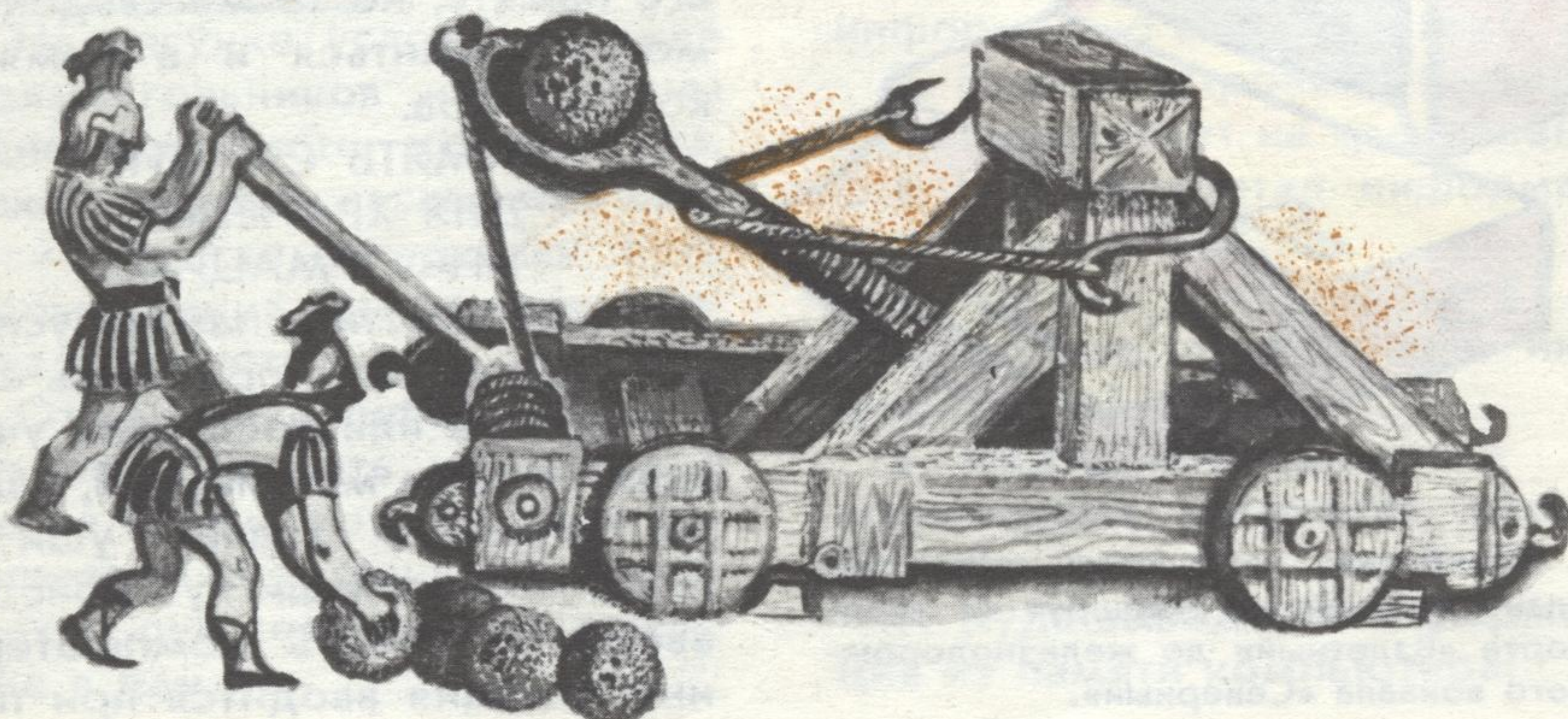
К этому времени Макаров уже был контр-адмиралом и его, как человека, отлично разбирающегося в технике, назначили главным инспектором морской артиллерии. И Макаров принялся изучать всю долгую историю — как соревновались снаряд и броня. От тех самых римских и карфагенских галер. Потому что, чтобы изобретать что-то новое, нужно узнать все, что было прежде. Это-то Макаров и делал. И в конце концов узнал о корабельной

артиллерии — все. И о корабельной броню — тоже... И тогда он начал делать опыты и конструировать новые, необычные снаряды.

Так как он был начальником над морской артиллерией, ему, конечно, кое в чем было легче. К его услугам были и пушки броненосцев, и заводы, которые делали снаряды. Да еще и артиллерийские полигоны, где можно было проводить испытания пушек, снарядов и брони. Но кроме того, конечно, надо было иметь и такую умную голову, какая была у Макарова... Тут все соединилось — талантливый и энергичный человек, и все, что нужно для дела...

Олег ОРЛОВ

Окончание следует

В марте 1915 года три английских крейсера несли дозор в проливе Ла-Манш. Вдруг сильный взрыв потряс один из крейсеров — «Абукир». Он стал тонуть... На помощь подошел крейсер «Хог». Раздались новые взрывы /англичане подумали, что это подводные мины.../, и «Хог» стал погружаться в волны... «Кресси», третий крейсер, принялся спасать тонущих. Но прогремели новые взрывы — и «Кресси» разделил участь двух первых крейсеров. Англичане тогда не знали, что крейсера стали жертвами торпед немецкой подводной лодки. А подводная лодка доказала, что она может быть грозным оружием нападения.

Этот и другие рассказы ты сможешь прочитать в книге — «Корабли и сражения». Автор — Герман Владимирович Смирнов. Книгу выпустило издательство «Детская литература» в Москве.

Ю. СТУДЕНЦОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОБОТЛАНДИИ

Первое утро в Роботландии Петя провел с новыми друзьями. Проснувшись в уютном домике Кукарачи, он вспомнил вчерашнюю приятную встречу с роботами.

— Какие они разные! — сказал Петя Кук своему длинноусому приятелю, не ожидая ответа.

— Разная у всех нас только внешность — глаза, рот, корпус. А вот самое главное у всех роботов одно и то же — компьютер, расположенный внутри.

— Ой, расскажи мне про компьютеры! Я видел, как в нашем школьном кабинете информатики старшеклассники играют на компьютерах в такие интересные игры!

— Нет, компьютер — это не игрушка. Или, точнее, не только игрушка. Все, что можно делать с информацией — хранить, передавать, обрабатывать (помнишь, как ты об этом писал сам в прошлый номер «Костра»), — умеет выполнять компьютер. Мой друг и сосед Маподума¹ сегодня читает свою знаменитую лекцию «Устройство компьютера напоминает устройство головы человека». Советую послушать.

— Опоздали, — огорчился Петя, увидев роботов, собравшихся на лужайке около домика Маподумы. Невысокий, кудрявый, с большими подвижными губами, Маподума неторопливо расхаживал взад и вперед около установленного здесь же компьютера, осторожно поглаживая его время от времени.

— Тише, тише. Только что началось...

¹ Маподума — машина, помогающая думать.

— Компьютер предназначен для работы с информацией, то есть с различными текстами, числами, рисунками. Обрабатывая информацию, он получает новую информацию (новые тексты, новые числа, новые рисунки), которую затем использует человек. Вот несколько примеров.

ПРИМЕР 1. Исходная информация: английский текст — cat and dog.

Обработка: машинный перевод на русский язык.

Новая информация: текст на русском языке — кот и пес.

ПРИМЕР 2. Исходная информация: пример $23 \times 2 = ?$

Обработка: компьютер выполняет умножение.

Новая информация: число 46.

ПРИМЕР 3. Исходная информация: план города.

Новая информация: справка о том, каким транспортом можно добраться до вокзала «Северный».

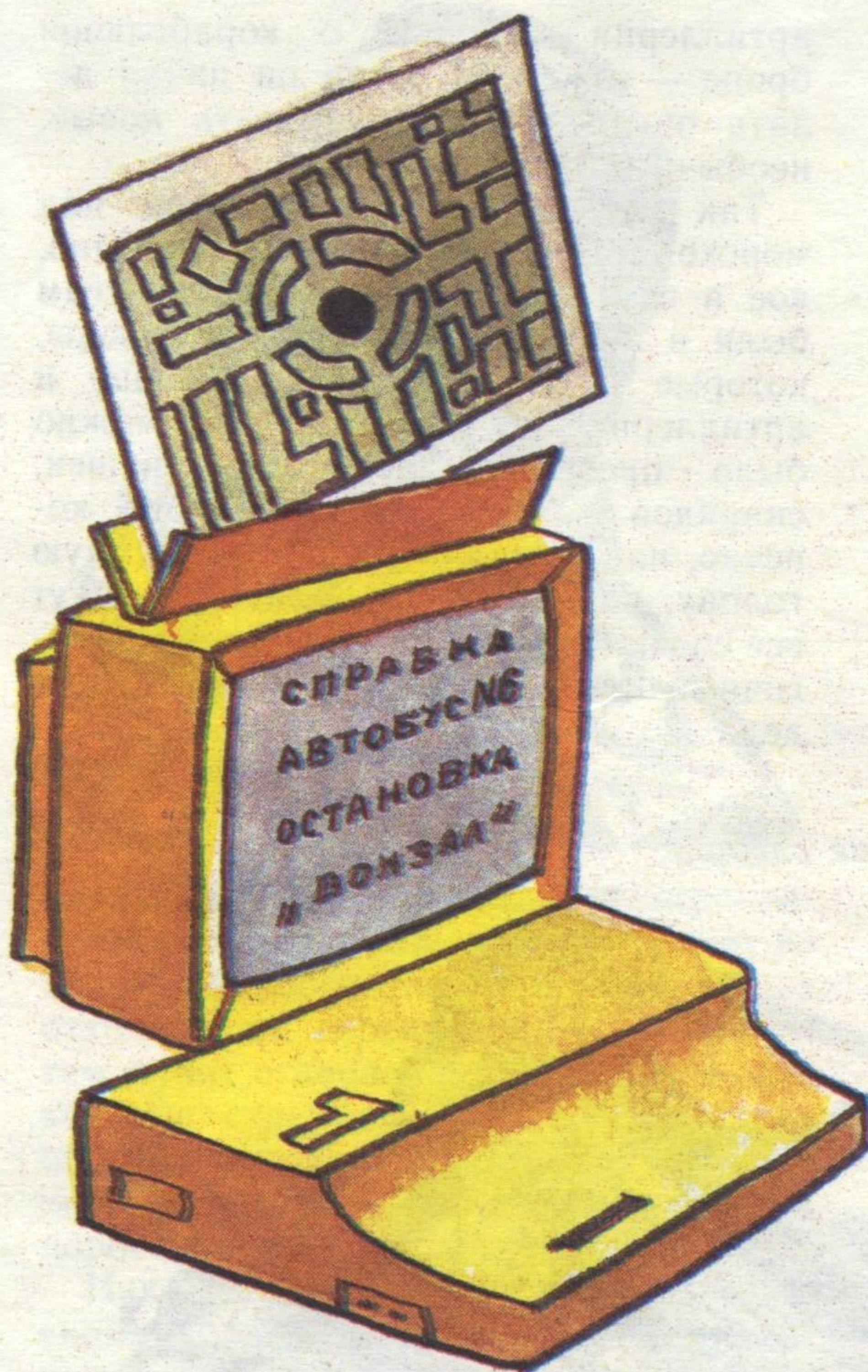

Основных частей у компьютера всего четыре: клавиатура, память, процессор, монитор.

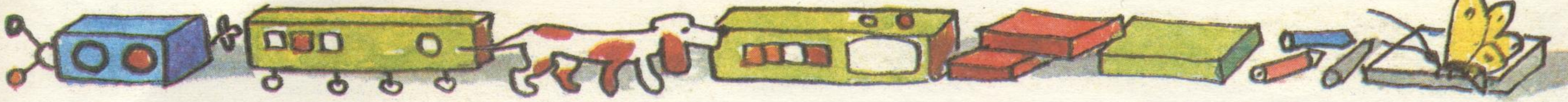
Память компьютера, так же как и память человека, предназначена для хранения информации. Человек запоминает любимые стихи, тропинку, по которой быстрее всего добраться до пионерского лагеря, правила умножения чисел столбиком, способ изготовления самолетика из листа бумаги и многое другое. Все это хранит его память, но те же сведения могут храниться и в памяти компьютера.

ПАМЯТЬ СЛУЖИТ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Чтобы ввести в память условие задачи, надо прочитать его в учебнике или послушать учителя. Читаем мы глазами, ушами слушаем. Значит, уши и глаза — это наши устройства ввода. В память компьютера информация вводится при по-

Обработка: компьютер строит на плане кратчайший маршрут от аэропорта «Взлетный» до железнодорожного вокзала «Северный».

мощи клавиатуры. Нажимая на клавиши, мы пишем буквы и цифры, рисуем картинки.

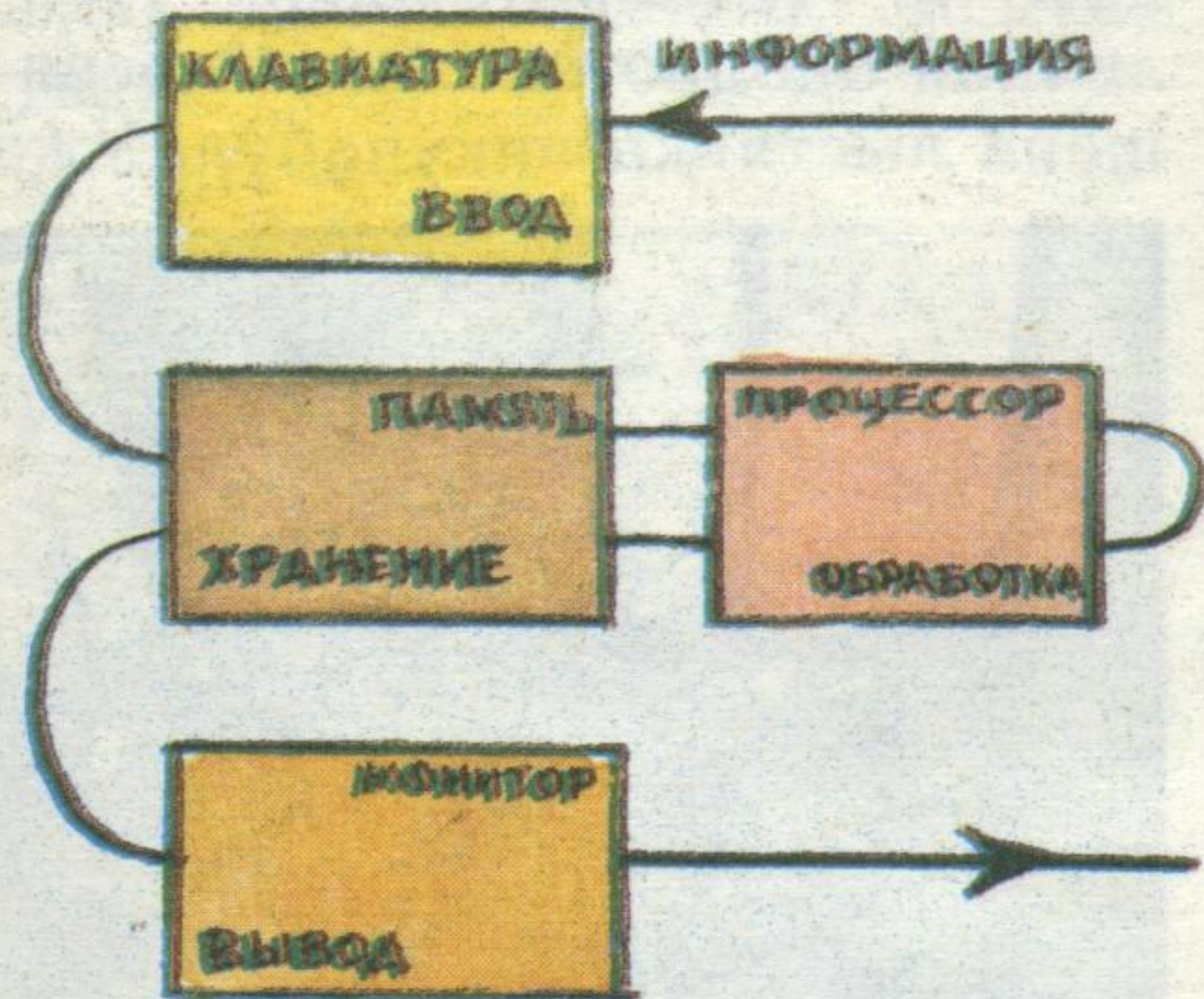
КЛАВИАТУРА СЛУЖИТ ДЛЯ ВВОДА ИНФОРМАЦИИ В КОМПЬЮТЕР

Мозг человека обрабатывает информацию, которую содержит его память. Например, если в память введено условие задачи (2 умножить на 3), то можно подумать и решить ее. После этого память будет хранить ответ (число 6). В компьютере устройство, аналогичное мозгу человека, называется процессором. Процессор работает с информацией, записанной в памяти компьютера, и обрабатывает ее. Полученный результат — новая информация — также сохраняется в памяти.

ПРОЦЕССОР СЛУЖИТ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ

Решение задачи мы сообщаем учителю при помощи языка. Язык — это наше устройство вывода. Компьютер выводит информацию из памяти на экран монитора, такой же, как экран телевизора.

МОНИТОР СЛУЖИТ ДЛЯ ВЫВОДА ИНФОРМАЦИИ ИЗ КОМПЬЮТЕРА

На рисунке условно, в виде прямоугольников изображены основные части компьютера. Такой рисунок называется схемой. На схеме показан путь прохождения информации через компьютер.

От человека информация поступает в память компьютера через клавиатуру. Человек набирает информацию на клавишах, и она поступает на хранение в память.

Из памяти информация поступает в процессор на обработку. Процессор воздействует на информацию, работает с ней и получает новую информацию.

Новая информация, полученная процессором после обработки, тоже записывается в память.

И наконец, из памяти информация передается на экран монитора, откуда человек ее читает и использует.

После этих слов лектор Маподума закрыл глаза и целую минуту стоял молча. Потом так же, не говоря ни слова, поклонился и ушел в свой домик.

Петя Кук записал лекцию слово в слово. Но ему очень хотелось дополнить свою очередную депешу в «Костер» задачами: Кукарача сказал ему, что никто лучше Маподумы во всей Роботландии не умеет придумывать задачи. Вот что Петя записал, наведя после лекции Маподуму и взяв у него интервью (чтобы задачи понравились Пете, Маподума сделал его персонажем двух своих задач). Итак, очередные задания для путешественников по Роботландии.

ЗАДАНИЕ 1. В компьютер ввели следующие сведения:

Тимофей, старый кот, плохо ловит мышей.

Васька, молодой кот, чемпион по рыбной ловле.

Базилио, старый кот, хитрый плут.

Потом в компьютер ввели вопрос: кто такой **Васька**? Компьютер обработал вопрос и написал на экране: **молодой кот, чемпион по рыбной ловле.**

Ответьте на следующие вопросы:

1. Какую информацию ввели в компьютер?
2. Какое устройство вводит информацию в компьютер?
3. В какое устройство информация поступает на хранение?
4. Как обработал информацию компьютер?
5. Какое устройство в компьютере обрабатывает информацию?
6. Куда записывается в компьютере результат обработки?
7. Куда выводится информация из памяти компьютера?

ЗАДАНИЕ 2. Петя Кук вышел к доске решать пример: $(35 + 5) : 4 - 2 \times 3$. «Хитрый пример, — думает Петя, — сейчас мы его обработаем!»

Он написал на доске такое решение:

1 действие. $35 + 5 = 40$

2 действие. $40 : 4 = 10$

3 действие. $2 \times 3 = 6$

4 действие. $10 - 6 = 4$

— Результат — число 4, — объявил Петя свой ответ.

Ответьте на следующие вопросы:

1. Какую информацию получил Петя от учителя?
2. Какая информация была уже известна Пете?
3. Как Петя обработал информацию?
4. Какая новая информация получена в результате обработки?

ЗАДАНИЕ 3. Петя ввел в компьютер следующий план действий: 1) сложи a и b , 2) результат первого действия умножь на 2, 3) напиши результат второго действия на экране.

Затем между компьютером и Петей произошел следующий «разговор». Петя ввел в компьютер: $a = 2$, $b = 3$. Компьютер написал на экране: **результат = 10.**

Ответьте на следующие вопросы:

1. Какая информация вводилась в компьютер?
2. Как компьютер обрабатывал информацию?
3. Какая новая информация получена в результате обработки?
4. Петя записал результат в тетрадь и отстучал на клавишах новый ввод: $a = 7$, $b = 4$.

Какая информация сохранилась неизменной в компьютере, а какая изменилась?

5. Какой ответ получил компьютер, обработав новую информацию?

6. Какие значения букв a и b ввел в компьютер Петя, если в результате обработки на экране получился результат 2?

7. Петя ввел в компьютер: $a = 6$, $b = \dots$ Компьютер написал на экране: **результат = 20.** Какое значение буквы b ввел Петя в компьютер?

8. Петя ввел в компьютер: $a = 8$, $b = 2$. Какую информацию вывел компьютер на экран?

А. ДУВАНОВ, Е. ПЕРВИН
Оформление В. Шаронова

КНИГИ И ЛЮДИ

В КАБИНЕТЕ ФАУСТА

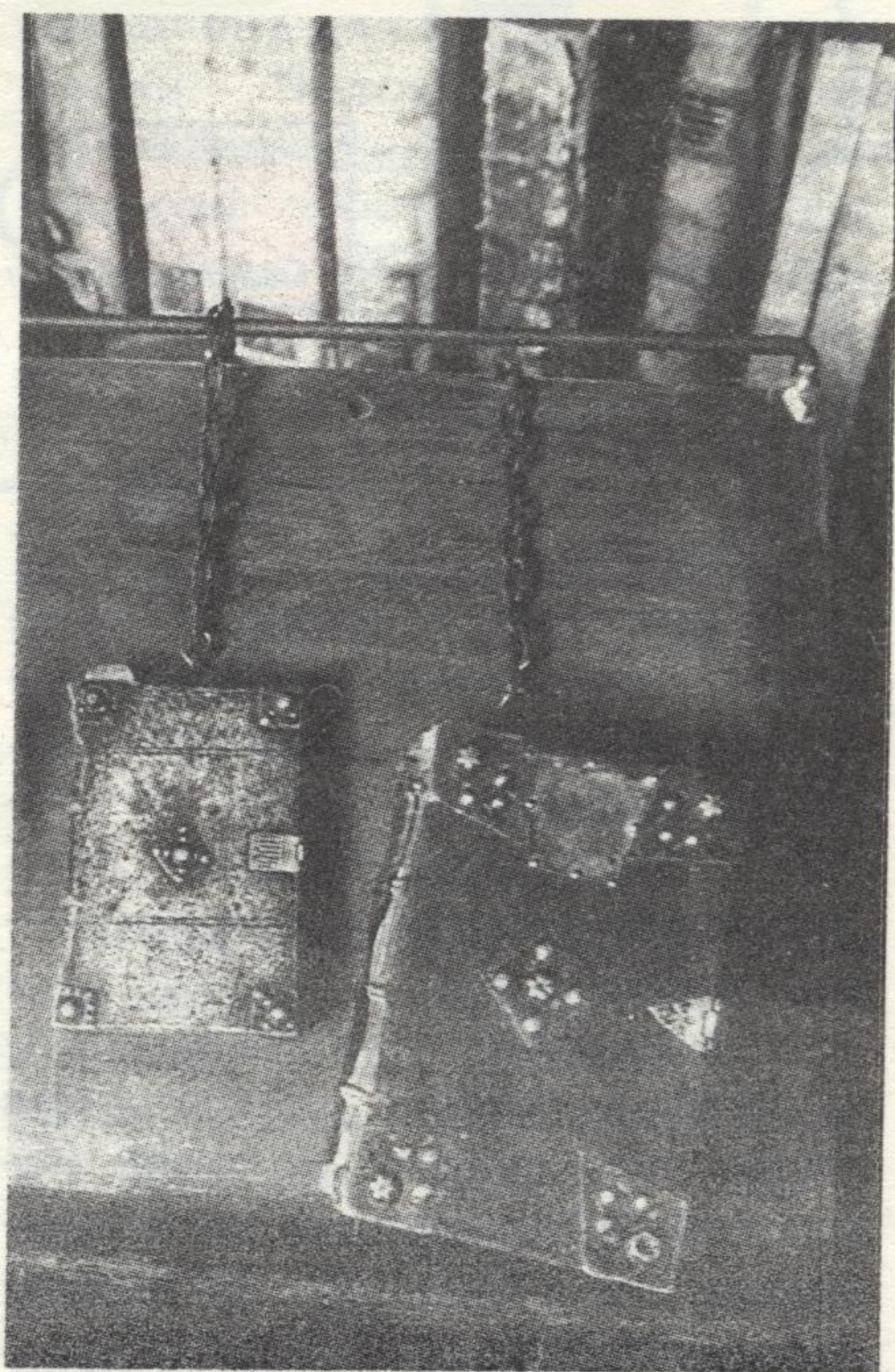
В комнате удивительно тихо. Сквозь цветные стекла витражного окна с улицы сочится мягкий свет. В полумраке едва различимы тяжелые скамьи, кресла с высокими прямыми спинками, стол и пюпитр для письма. В комнату ведет приземистая дубовая дверь. Сквозь дверной проем виден массивный столб, образованный четырьмя колоннами. Столб поддерживает сводчатый потолок. Вокруг, куда ни бросишь взгляд, шкафы с книгами. Книги — в массивных переплетах из досок, обтянутых кожей, с бронзовыми застежками. Переплеты по углам и посередине украшены металлическими накладками — жуковинами. Книги

прикованы к полкам железными цепями. Иные из книг — потертые, обветшалые от времени. Такие книги, верно, мог читать еще сам доктор Фауст, черно-книжник и чародей, заключивший союз с дьяволом ради богатства и знаний. Эта комната так и называется — кабинет Фауста. Находится она в Ленинграде, в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Кабинет Фауста — это музей истории печатной книги. Здесь собраны книги самого раннего периода книгопечатания. Они носят название инкунабулы. Инкунабулы — значит колыбельные, младенческие. К ним относят книги, изданные до 31 декабря 1500 года.

В 1840 году во всем мире торжественно отмечалось 400-летие книгопечатания. Этой

дате в Императорской Публичной библиотеке была посвящена выставка инкунабул. Уже

в то время эти книги были большой редкостью. Выставку решили сделать постоянной, а для инкунабул воссоздать обстановку, которая переносила бы читателей в атмосферу средневековья. В то время в монастырских библиотеках существовал обычай приковывать цепями наиболее ценные книги. Унести книгу никто не мог.

В собрании инкунабул около 5 тысяч книг. Больше всего здесь немецких и итальянских изданий. Большинство из них — религиозного содержания. Это и богослужебные тексты и сборники проповедей, «рабочие инструкции» для священников.

Во время Великой Отечественной войны от разрыва бомбы, упавшей неподалеку от здания библиотеки, рухнули своды кабинета. Погибла часть мебели, старинные часы с кукушкой. К счастью, книги не пострадали. В самом начале войны они были эвакуированы в город Мелекесс на Волге. А после Победы инкунабулы вернулись на прежнее место.

Особым почетом в кабинете Фауста пользуется имя Иоганна Гутенберга. Вот и бронзовая статуя в человеческий рост. На столбе, в центре комнаты надпись: «Иоганна Гутенберга Майнцкого, изобретателя, имя не погибнет», и рядом: «Колыбель типографского искусства».

ПРО СТАРИННУЮ ЛЮТНЮ И КОЛОФОН

Однажды в библиотеку пришел человек. Он принес музыкальный инструмент — старинную лютню. Лютня была при ремонте проклеена листами книги. Посетитель поинтересовался, нельзя ли определить время напечатания книги? Тогда приблизительно можно будет оценить и возраст лютни. По тексту книги сотрудники библиотеки установили, что это фрагменты «Божественной комедии» Данте. А по типографской неточности (при нумерации страниц латинская буква L и римская цифра I оказались

нестандартного размера) удалось определить точную дату напечатания книги: 15 июля 1507 года.

А помогли это сделать специальные международные справочники. В них приведены шрифты, орнаментальное оформление и типографские марки всех первых книгопечатников. С помощью таких справочников и удастся установить, когда и кем была напечатана книга. Вот что рассказывает сегодняшний хранитель кабинета Фауста доктор философских наук Александр Хаимович Горфункель:

— К сожалению, собрание инкунабул изучено еще недостаточно. Трудность в том, что в изданиях XV века, как правило, отсутствует колофон. Колофон — это краткое послесловие с указанием имени печатника, даты и места напечатания книги. Тут без справочников просто не обойдешься.

Работа эта сложная и кропотливая, здесь требуются знания не только типографского дела, но и истории иностранных языков. Бывает так, что имя печатника удастся установить за несколько часов, а бывает, что книгу приходится откладывать в сторону на недели и месяцы. Не так давно Александр Хаимович и другой сотрудник кабинета Фауста Людмила Александровна Колга описали почти двести инкунабул, а всего сейчас описано более тысячи ста книг. Иногда случаются интересные открытия. Так, удалось установить имя печатника учебного пособия по латинскому языку, изданного в Париже 19 ноября 1493 года. Им оказался Ги Маршан. Примечательно, что книга не значилась ни в одной крупной библиотеке мира, хотя уже выпущен международный сводный каталог на букву «М».

Вообще же библиотека хранит еще много неизданного. Иногда инкунабулы находят в основном фонде. Уникальную находку сделали в 1947 году. Был обнаружен лист 36-строчной Библии Иоганна Гутенберга. Оказалось, он служил обложкой одной из книг!

ДЕДУШКА КРЫЛОВ И 30 ТЫСЯЧ КНИГ

Так уж получилось, что 175-летие Публичной библиотеки совпало с другим юбилеем: в этом году исполняется 220 лет со дня рождения великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова. Нередко его любовно именуют дедушкой Крыловым. Все знают басни Ивана Андреевича, но не все знают, что дедушка Крылов был библиотекарем Публичной библиотеки.

С того времени до нас дошло множество разных небылиц и анекдотов об Иване Андреевиче. Рассказывали, например, что Крылов и в жизни изъясняется «эзоповским» языком, что он якобы очень ленив и даже дежурства в библиотеке проводит лежа на диване. А уж если кто из читателей его и побеспокоит, то он, не отрываясь от чтения, только пальцем указывает на приготовленные для них книги.

Разобраться, где правда, а где вымысел, удалось только в наши дни. Оказалось, автором большинства анекдотов был сам... Иван Андреевич. Он умышленно распространял о себе всевозможные слухи. Дело в том, что меткие басни Крылова пришлись не по вкусу царствующим особам. При Екатерине II Крылов подвергся гонениям и вынужден был даже покинуть пределы Петербурга. Скрываясь под личиной «чудака» и «ленивца», Иван Андреевич ограждал себя от излишнего внимания и любопытства.

В действительности Крылов был неутомимым тружеником. Ему обязаны созданием русского фонда Публичной библиотеки. Иван Андреевич задался целью собрать все книги с самого начала русского книгопечатания. Когда Крылов пришел в библиотеку, в русском отделении насчитывалось сотня-другая книг. Когда же в 1841 году он уходил в отставку, их число составляло тридцать тысяч книг!

В. ПАРФЕНОВ

Рисунки К. Почтенной

— Эге, — сказал старый цирковой Медведь, который сидел у дверей своего дома. Он был очень стар и целые дни проводил сидя на скамеечке и разглядывая всякого, кто входил или выходил из железнодорожного вокзала. — Эге, — сказал он, увидев, что оттуда вышел, неся потертый чемодан, Леопард (он нес его за веревочную ручку), — что-то я не припомню, чтобы в нашем городе жили когда-нибудь леопарды. Давно надо было нам завести собственного леопарда!

Переложив чемодан из одной лапы в другую, приезжий направился прямо в центр города. Было самое начало лета, и в деревьях пели мелкие птицы.

К вечеру уже весь город знал, что приезжий побывал на базаре и на почте. На базаре купил кулек пятисантиметровых гвоздей, а на почте отправил шесть телеграмм родственникам в разные страны, где еще сохранились леопарды. В каждой телеграмме было только два слова: «Бросил якорь». Ага! Всем стало ясно, что Леопард в прошлом был моряком и что он собирается надолго остаться в городе.

Купив гвозди и отправив телеграммы, приезжий направился к реке, которая текла на окраине города. За рекой синел лес. В лесу он выбрал самый большой и толстый вяз и на нем, в развилке между двумя сучьями, стал что-то сооружать.

Это продолжалось несколько дней, и весь лес с живейшим интересом наблюдал, что будет.

— Хотел бы я знать, что он там строит? — сказал Медведь, когда до него дошли слухи о том, чем занимается в лесу незнакомец. — Не представляю, что могут сооружать в лесу леопарды?

Он сказал это вслух, а в это время мимо бежал Кролик.

— Я думаю, что он строит дом, — сказал отдуваясь Кролик и остановился передохнуть. — Говорят, некоторые леопарды живут на деревьях.

Так сказал Кролик.

— Странно! — сказал Медведь. — Я тоже в былые времена забирался на деревья. Однако никто не видел, чтобы медведь поселился в дупле или в гнезде. Если бы у меня не болела нога, сходил бы и посмотрел, что он там мастерит.

— Завтра я буду в лесу, — сообщил Кролик, — и если вы мне доверяете...

И он побежал дальше. А на следующий день, когда Медведь снова взгромоздился на свою скамеечку, он увидел Кролика.

— Остановись на минутку, — сказал Медведь. — Не надо даже спрашивать, где ты был, — достаточно увидеть, сколько сосновых иголок прилипло к твоей шкуре. Ну как — видел?

— Видел, — сказал, останавливаясь, Кролик. — О чем это мы? Ах, да — о Леопарде. Он уже построил себе дом.

— Быстро! Так, так... И на что этот дом похож?

— Вылитый скворечник! — сказал Кролик и побежал дальше.

Так в городе появился Леопард и вот почему все стали называть его — Леопард, который живет в скворечнике.

Стоило Леопарду поселиться в лесу, как жители города стали каждый день спрашивать друг друга:

— Ну, что, этот чудака еще не упал со своего дерева?

— Кажется, нет...

Так или иначе, но Леопард стал жить в скворечнике, и только по вечерам да в дождливый день,

когда он сидел один-одинешенек в развилке вяза, ему становилось очень-очень тоскливо.

Но вот однажды пошел такой дождь, какого жители города давно уже не могли припомнить. Это был настоящий ливень: струи воды падали с неба так близко одна к другой, что казалось — вокруг каждого дома кто-то воздвиг белую стену. Река, которая протекала под мостом, вздулась и вышла из берегов. Мало того, она затопила все окрест, и лес превратился в море грязи, под которой скрылась дорога, и из которой торчали одни деревья.

Когда дождь кончился, Леопард выглянул из скворечника и увидел, что внизу под вязом копошится странное существо, похожее на футбольный мяч, которым долго играли по грязи. У этого мяча было четыре, тоже покрытых грязью ноги, и он кружился на одном месте.

— Эй, что ты там делаешь? — крикнул Леопард. — И вообще, кто ты такой? Если у тебя есть голова, подними ее, я хочу посмотреть тебе в лицо.

— Это я! — ответил снизу скрипучий голосок, и над футбольным мячом поднялась узкая длинная голова с парой печальных глаз. — Ливень застал меня в лесу, — объяснила голова.

— Вот как! — сказал Леопард, присматриваясь к своему гостю. — Э-э, да ты, никак, Черепаха! Ни за что бы тебя не узнал. Обычно все черепахи похожи на сковородки с подгоревшей яичницей. Ты сказала что-то про ливень? Как он мог помешать тебе? Все черепахи, которых я знал, а я знал много морских черепах, чувствовали себя в воде, как рыбы.

— Только не я, не сейчас и не тут, — ответствовала Черепаха. — Я стара и даже по твердой земле ковыляю еле-еле, а когда начинаю торопиться, надо мной все смеются... — Она вздохнула. — Эта грязь — ее даже не хочется называть грязью, она хуже, чем грязь, — по ней нельзя плыть и в нее нельзя ставить ноги. Я чуть не захлебнулась.

— Забирайся ко мне, — предложил Леопард. — Вода скоро сойдет, и земля высохнет. Посидим, поболтаем.

С этими словами он опустился по лесенке вниз и помог Черепахе взобраться на дерево.

— Ох, и устала, — сказала Черепаха, усаживаясь в развилке. — Отдохну!

— А почему ты очутилась в лесу одна и отчего никто не хватился тебя и не отправился разыскивать? — спросил Леопард. — В твоём возрасте обычно гуляют с провожатыми.

— Увы, я одинока, — ответила Черепаха и вздохнула.

Они оба долго молчали, а когда Леопард увидел, что лужи уже начали подсыхать, он предложил проводить ее до моста.

Они дошли до реки, и там Черепаха, забравшись в воду, начала отмывать со своего панциря грязь. Она так смешно приседала, плескала себе под мышки воду горстями и взвизгивала, что Леопард покотился со смеху.

— Теперь и ты смеешься надо мной! — грустно сказала Черепаха. — Неужели я действительно такая старая, смешная и неуклюжая?

— Не очень, не очень, — успокоил ее Леопард. — Самое главное, что мы познакомились. Если дождь

снова застанет тебя в лесу, ты сможешь спрятаться в моем доме. Правда, я неважно сколотил крышу, и она вот-вот протечет, но ничего — всегда можно поставить на пол кастрюлю! А я, коли ливень прихватит меня в городе, не откажусь зайти посидеть у тебя.

— Мой дом хорошо видно отсюда, — сказала Черепаха. — Видишь старую фабричную трубу? Рядом красная крыша. Там я живу. Милости просим. Я каждый день гуляю по этой дороге, дохожу до моста и иногда углубляюсь в лес. Конечно, это неплохо, что мы познакомились. Сто пять лет я преподавала в школе и теперь, под конец, на кое-какие вопросы хотела бы получить ответ. У тебя есть какие-нибудь мысли насчет смысла жизни?

— Никогда не задумывался, — признался Леопард. — Рад буду послушать. Признаться, до сих пор я тоже чувствовал себя здесь таким одиноким!

— Что ж, я пошла, — сказала Черепаха. Она вылезла из воды и побрела по мосту, задевая уголком панциря за деревянный настил, отчего бревна его тонко и тихо звенели: донг! донг!

Однажды Леопард отправился гулять по лесной дороге. Был прекрасный, ветреный, летний день; сорванные ветром листья, как зайчики, прыгали по асфальту, а в воздухе летала белая паутина. Не прошел Леопард и сотни шагов, как увидел Черепаху, которая ковыляла ему навстречу.

— Немного дует, а? — сказал, поравнявшись с ней, Леопард.

— О, да... — отозвалась Черепаха. Она остановилась и уставилась куда-то вдаль, мимо Леопарда.

— Ты сегодня такая рассеянная! — сказал Леопард. — Я говорю — день выдался на удивление, но — вот ветер... Да ты не слушаешь. Уж не случилось ли что-нибудь?

— Понимаешь, на дороге появился столб. Обыкновенный дорожный столб с дощечкой. Но он какой-то странный. Вернее, на нем очень странная дощечка. Нет желания сходить к нему?

— Отчего же.

И Черепаха повела Леопарда по дороге в лес. Вскоре они увидели поворот, а перед самым поворотом новенький столб с прибитой к нему дощечкой в виде стрелы. На дощечке было написано: «ТУДА».

Они дошли до столба, Черепаха остановилась и принялась внимательно его рассматривать.

— «ТУДА»... Что бы это могло значить? Как ты думаешь? — спросила она.

— А что тут думать? — ответил Леопард. — Нечего думать. Туда — это значит туда. Как говорил боцман на нашем корабле — не стоит ломать голову!

— Но куда «туда»? — спросила Черепаха. — Туда, куда мы идем? Или туда, куда нам надо идти? Но нам никуда не надо, и мы никуда не идем. Мы просто прогуливаемся. Нет, здесь что-то не так.

— Ерунда! — фыркнул Леопард. — Столб как столб и надпись на нем как надпись. Видишь поворот. Это самое «туда», наверное, за поворотом.

— Что ж, пойдем, посмотрим, — согласилась Черепаха.

Они пошли дальше по дороге и увидели, что дорога кончается. Она обрывалась прямо среди кустов малины и метелок иван-чая.

— Вот этого я не ожидал, — признался Леопард. — Очень нехорошо с ее стороны: шла-шла и вдруг вот тебе на — кончилась. Ни с того ни с сего.

— Я сразу почувствовала, что тут что-то неладно, — сказала Черепаха. — С дорогой все в порядке, значит, надпись на столбе плоха. Может быть, мы ее улучшим?

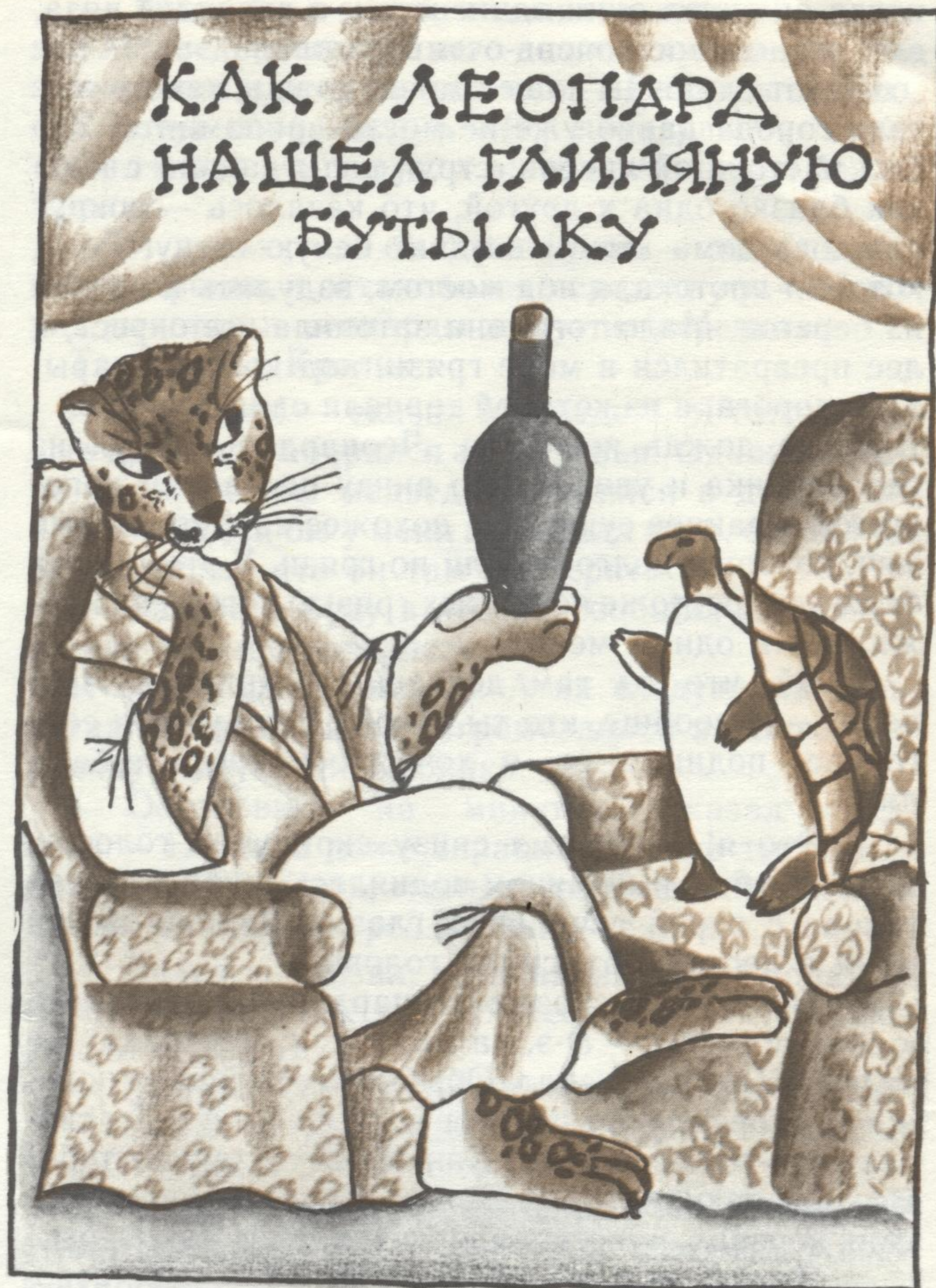
Они вернулись к столбу и стали раздумывать, что бы сделать со столбом и с надписью.

— А что если приделать еще одну дощечку и на ней написать: «ОТТУДА»? — предложил Леопард. — Туда-оттуда, туда-оттуда... Все сразу будет ясно.

— Э-э, нет, — возразила Черепаха. — Ты же сам видел, что за поворотом ничего нет. Вот если бы там стоял твой дом и, встретив тебя, я спросила: «Ты куда идешь, домой?», ты бы ответил: «Туда!» А потом ты шел мне навстречу, и я опять спросила бы: «Ну как — из дому?» и ты сказал: «Оттуда!» — все было бы в порядке. Но раз там, за поворотом, ничего нет, такая табличка не поможет. А что если написать — «СЮДА»... Будь добр, сбегай домой и принеси еще одну деревянную дощечку.

Леопард не стал спорить, сбежал домой и принес дощечку, сделанную в виде стрелы, и толстый карандаш, которым Черепаха написала на дощечке: «СЮДА». После этого они прикрепили дощечку к столбу.

— А ну-ка пройди несколько раз около столба, — сказала Черепаха. — Так... Хорошо идешь... Теперь в обратную сторону... Еще разок. Вот видишь, теперь все отлично: ты ходишь около столба туда-сюда... Не правда ли, надпись на столбе стала не просто лучше. В такой теплый летний день, когда по воздуху летают белые паутинки, для таких, как мы с тобой, она просто необходима!

Однажды Леопард бродил по берегу реки, наблюдая, как рыбаки закидывают в воду удочки и подтягивают к себе поплавки, ожидая, что какая-нибудь растяпа-рыбешка зацепится губой за крючок.

Он прогуливался у самой воды, как вдруг увидел на песке глиняную бутылку. То, что ее принесла и выбросила река, сомнения не было: бутылка была влажная, местами поросшая зелеными ниточками водорослей, а местами оцарапанная о песок и камни, что случилось, конечно, когда вода тащила ее по дну.

— Вот так раз! — сказал Леопард, поднимая бутылку (ямка в песке тотчас наполнилась водой). — Хотел бы я знать, откуда ее принесло!

Он повертел бутылку перед глазами, но не заметил ничего особенного, кроме того, что горлышко заткнуто пробкой, а пробка залита сургучом, на котором отпечатаны какие-то знаки.

— Сейчас мы тебя откроем! — сказал Леопард и уже хотел было обратиться к ближайшему рыбаку, чтобы попросить складной нож (у каждого рыбака в кармане всегда найдется складной нож), но передумал.

«Отнесу-ка я эту бутылку к Черепахе. Отсюда недалеко, а ей будет интересно и посмотреть на бутылку, и, когда мы вытащим пробку, поглядеть, что внутри».

Он перешел через мост и вскоре уже сидел в комнате за столом, а напротив него, в кресле, обитом тканью с розовыми цветочками, сидела Черепаха. Она держала на коленях бутылку и, сдвинув на нос большие роговые очки, внимательно разглядывала ее.

— Посмотрела и хватит, — нетерпеливо сказал Леопард, — ставь на стол, доставай из буфета нож или вилку. Не терпится отковырнуть пробку. Интересно, что там внутри? В бутылках, которые мы вылавливали в океане, обычно было прокисшее вино или записки. Мы отдавали их нашему штурману.

— Нет, — покачала головой Черепаха, — там нет ни вина, ни записки. Видишь на пробке вот эти буквы? Они похожи на рыболовные крючки. Эта надпись сделана по-арабски. Давненько не читала я по-арабски. Но если напрячь память... Вот, что тут написано: «Заключен в эту бутылку в 35 году». Две тысячи лет тому назад! В ней сидит дух. И если ты откроешь бутылку, сперва (как это обычно и происходит с такими бутылками) покажется голубой дымок, потом дым сгустится, примет форму веретена, а затем превратится в джинна. Или беса, или великана, это уж как повезет. Он может быть с усами и в чалме, а может быть почти голый в набедренной повязке. Во всяком случае, каким бы он ни оказался, он станет на колени, преклонит перед тобой голову и скажет: «Слушаю и повинуюсь. Готов исполнять любое твое желание, приказывай».

Леопард слушал ее, открыв рот.

— Нож, немедленно давай нож! — воскликнул он.

— Интересно, а что за желание ты выскажешь? У тебя много желаний?

— О, хватит на целый корабль духов. Во-первых, у меня, как ты знаешь, плохая крыша. И мне вообще надоело, что мой дом все называют скворечником. Во-вторых, у моей куртки утром отлетела пуговица, и я никак не могу ее найти. В-третьих...

— Так, так, известное дело, — пробормотала Черепаха и поставила бутылку на стол. — Новый дом, с этого начинали все.

— Кого ты имеешь в виду? — забеспокоился Леопард.

— Видишь ли, — начала Черепаха, — бутылок с джиннами не так уж мало на свете и не ты первый получаешь возможность выпустить на свободу духа. Ты много читал о джиннах и просьбах, с которыми обращались к ним?

— Н-нет. Детство у меня было суровое: я рано остался без родителей и мало читал, — признался Леопард. — Но в общем-то знаю: одна старуха намудрила — сперва попросила дом, потом дворец...

— В результате она осталась при разбитом корыте, — сказала Черепаха. — Имеющий в услужении духа не может остановиться в своих желаниях. Так как насчет того, чтобы открыть бутылку?

— Пожалуй, я подумаю, — сказал, вздохнув, Леопард. — Заберу-ка ее домой, пусть постоит на полке.

И он направился к дверям.

— Осторожнее в лесу, не отбей горлышко! Не зацепись пробкой за куст! — крикнула ему вслед Черепаха.

Продолжение следует

УГОЛОК ЛЮБОПЫТНЫХ ФАКТОВ

В Нью-Мексико (США) ученые обнаружили кости самого большого животного, которое когда-либо жило на суше. Это динозавр весом в 80 тонн. Его называли «сейсмозавром», то есть «сотрясателем земли».

Роман Конан-Дойла «Затерянный мир» списан с подлинного мира. Это плоские вершины гор с отвесными стенами в южной части Венесуэлы.

Каждая вершина (а их около

ста пятидесяти) недоступна. Когда на них вертолетчики высадили ученых, те никаких доисторических животных не обнаружили, но на каждой вершине оказался свой особый мирок. Ученые нашли сотни неизвестных науке животных и растений. Среди них лягушки с собачьими мордами, гигантские стрекозы, рыбы с головой, напоминающей... метлу.

Многие осы откладывают свои яйца в гусениц садовых вредите-

лей, и те погибают. Голландские ученые серьезно задумываются: не заменить ли химические средства борьбы с вредителями — осами?

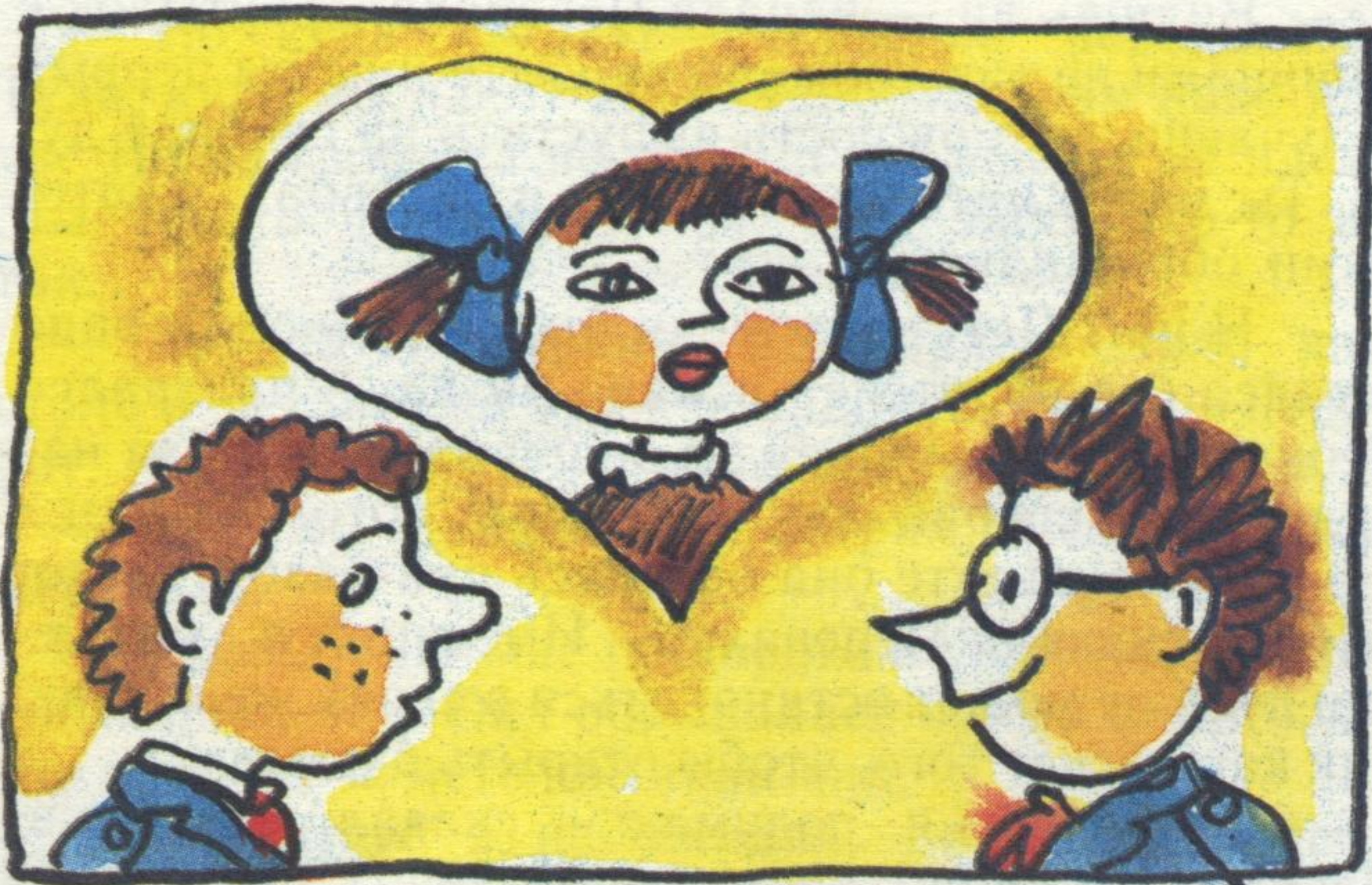

Самым страшным для человека животным является сейчас... комар. Только в Африке южнее Сахары от малярии, разносчиком которой он является, умирает в год около миллиона человек. А от львов и тигров вместе взятых гибнет на всей Земле в год всего несколько десятков.

Веселый звонок

Составил и оформил Л. Каминский

ТОНКОЕ ДЕЛО

А вообще-то тонкое очень это дело — эти вот самые отношения. Помню, спросил я как-то Антона Втулкина, приятеля моего:

— Слушай, Втулкин, а какая девочка из нашего класса тебе больше всего нравится? Скажи фамилию.

— А Балдерис вчера здорово сыграл, да? — Втулкин отвечает.

— Я спрашиваю, какая девочка тебе нравится? — опять говорю я.

— У нас завтра первым уроком пение? — говорит он в ответ.

— Сначала ты на мой вопрос ответь!

Тут Втулкин хитро как-то прищурился и говорит:

— Хорошо, я тебе скажу фамилию. И признаюсь честно: это фамилия моей будущей жены. Я так и ахнул.

— Сообщу, — он подтверждает. — Только ты сначала выполнишь несколько моих поручений.

— Согласен! — я был к любому поручению готов. Только бы узнать!

Первым поручением было написать за него сочинение на тему «Моя квартира». Втулкин валялся на диване, а я ходил по его квартире и заносил свои наблюдения в тетрадь. Антон был придирчив — только третий вариант сочинения его удовлетворил. Потом я сбегал за хлебом и натер в прихожей пол.

Тогда Втулкин написал что-то на листке бумаги и свернув, протянул мне:

— Дома прочтешь.

Наконец-то тайна была у меня в руках! Пусть пришлось потрудиться, но теперь-то я узнаю фамилию! Я, конечно, не утерпел и прямо на лестнице бумажку развернул. Там было написано:

«Фамилия моей будущей жены — Втулкина».

Сначала я чуть было на Втулкина не обиделся, а потом подумал, что это он имел бы право на меня обидеться.

Тонкое очень это дело.

В. ВЕРИЖНИКОВ

Улыбка

У всех — отметки как отметки,
А я один, как чиж на ветке.
У всех стоит по пенью «пять»,
А у меня — тройка опять!

Мне говорят, что нету слуха,
Что наступил медведь на ухо,
Мне говорят, чтоб пел потише,
Что хор из-за меня не слышен.

Что все мои старания —
Фальшивое оранье!

Мой ответ предельно ясен:
На тройку я не согласен!
Буду петь я, как хочу.
«Пять» поставят — замолчу!

Римма АЛДОНИНА

КОНКУРС

„и все
засмеялись!“

Ответ
из
теле-
визора

Вечером у телевизора собралась наша семья, чтобы посмотреть матч по хоккею сборных команд ЧССР и Канады. Только мой старший брат задержался. Когда он пришел, то сразу же спросил:

— Какой счет?
— Четыре — один в пользу ЧССР, — ответил я.
— Не может быть! — удивился брат.

В это время комментатор произнес:

— Да, да, четыре — один! ЧССР впереди!
И все засмеялись!

Кайрат Шабкенов,
Целиноградская обл.

Плохое
время

На уроке Надежда Владимировна сказала:

— Сегодня у нас экскурсия в музей. Сбор у школы в два часа сорок пять минут, или без пятнадцати три. Понятно?

— Понятно, — сказал Щербинин. — Только я лучше приду без пятнадцати три!

И все засмеялись!

Максим Высоких,
5 класс,
Москва

Суровая оценка

На уроке истории мы повторяли пройденный материал. Учительница вызвала Галю и попросила дать оценку феодальному строю.

Галя немного подумала и сказала:

— Я ставлю феодальному строю оценку «три»!
И все засмеялись!

Женя Мячин,
пос. Лысье Горы
Саратовской обл.

Отличница

Однажды во время урока литературы нам рассказали, что до революции в женской гимназии высшая отметка была „двенадцать“.

Тут Марина не выдержала и сказала:

— Ну, тогда я бы училась на одни пятерки!
И все засмеялись!

Артем Минжуренко,
5 класс,
Омск

Важное
качество

Как-то в нашем классе шел разговор о будущих профессиях. Дима заявил, что он хочет стать космонавтом.

— Прекрасно, — сказала учительница. — А знаешь ли ты, какими качествами должен обладать космонавт?

— Невесомостью... — ответил Дима, и все засмеялись!

Ира Маширова,
пос. Реммаш
Московской обл.

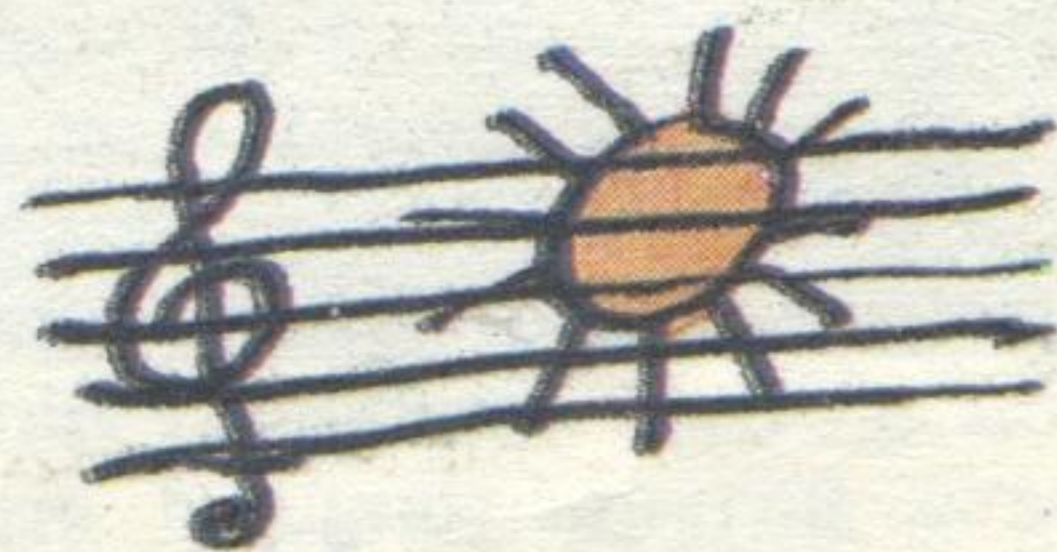
— Ты по утрам делаешь зарядку?
— Нет, с утра есть хочется, а после еды не полагается!

— Что было задано на дом?
— Задом было надано...

— Какое состояние природы напоминает тебе эта музыка?
— Вечерний восход солнца.

— Почему ты опоздал в школу?
— Я встал в восемь часов, смотрю — уже девять!

— Какие явления природы бывают зимой?
— Снежные бабы.

Прислали:
Наташа Кирпичева,
Ленинград,
Нина Сливина,
Баку,
Денис Спиренков,
Краснотурьинск Свердловской обл.,
Наташа Мигюк,
Ленинск-Кузнецкий Кемеровской обл.,
Антон Гриничев,
Москва

Антонио Мачадо

В Испании первую треть нашего столетия называют вторым золотым веком литературы (первый золотой век — это эпоха Сервантеса, Лопе де Веги, Кеведо, Гонгоры, Кальдерона). И одним из самых крупных поэтов в Испании в этот период был Антонио Мачадо (1875—1939).

Мачадо нередко сравнивают с Пушкиным. Как Пушкин для нас, так и Мачадо для испанцев поэт — народный. Поэт, сумевший выразить все самое сокровенное, чем живет народ Испании.

И поэтому, когда в июле 1936 года в Испании началась национально-революционная война против международного фашизма, Антонио Мачадо встал на сторону народа. А когда стало ясно, что испанская республика обречена, Мачадо — в толпе беженцев — уходит из Испании. Но поэт не выдержал разлуки с родиной. 22 февраля 1939 года Антонио Мачадо умирает в маленьком французском городке Кольюре. В кармане его пальто нашли клочок бумаги, на котором была написана всего лишь одна строка: «Дни лазурные, солнце далекого детства...» Поэт перед смертью вспоминал солнце детства. А солнце его поэзии светит ныне и детям, и взрослым всего мира.

ЗАРИСОВКИ

На фоне лазурного неба —
иссиня-черные птицы,
и вот — на озябший тополь
крикливая стайка садится.
Притихли... Птицы на ветках —
среди снега равнины холодной —
словно черные ноты
в февральской тетради нотной.

* * *

Свинцово-серые тучи.
Резкий ветер. Гроза.
Змеи молний... Мальчишка
смотрит во все глаза.
А мать нахмурила брови.
В комнате полутемно...
Белые зерна града
стучат и стучат в окно...

* * *

Пегасы, мои пегасы,
деревянные дивные кони...

В детстве я знал это счастье —
кружить в бесконечной погоне.
И ремешок уздечки,
вспотев, сжимают ладони.

Праздник. Толпы народа,
и ярко сверкают свечи,
и небо от звезд сверкает
в этот волшебный вечер.

Мгновенья ребячьего счастья!
Как сердце сжимается сладко,
когда, заплатив монетку,
идешь к деревянным лошадкам!

* * *
Над опустевшей землею —
легкий бег облаков.
Крупные звонкие слезы
старых колоколов!

Гаснут на горизонте
последние отблески дня.
В ночи зажигают звезды
древние боги огня.

— Откройте балкон! Сновидений
ночная пора пришла...
Вечер уснул спокойно,
и дремлют колокола.

Перевел с испанского
Виктор АНДРЕЕВ

Рисунок А. Ивашенцовой

ШТАБ АРЧЕБЕКА СООБЩАЕТ

1. Чемпионаты Армии Разведчиков Черно-Белых Клеток стартовали успешно! Все писавшие заявку допущены!

2. Главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ поздравляет разведчиков, вступивших в борьбу за спортивный разряд, диплом и приз. А тем, кто еще не послал заявку на участие в шахматном (ШХМ) или шашечных (РШ и МШ) Чемпионатах, разрешает исправить ошибку — срочно написать: «Прошу включить меня...» и т. д. А затем приступить к выполнению боевых заданий второго тура.

ЧЕМПИОНАТ

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крб4, Фд8, Са6, Сб6; черные: Крс6.

Б. Белые: Крh8, Лf5, Cf8, Сg8, пп. g7, h5; черные: Крh6, Фа8.

Цель разведки: и в А (Саша Елонов, Игорь Ионов, Станислав Краев, Виктор Перегатко — все из Кемерово) и в Б (Николай Зиновьев, Усть-Каменогорск) объявить мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки: «объявить мат в 2 хода» означает найти и сделать такой ход, после которого никакой ответ противника не спасает его короля от мата.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: b2, c1, c5, e1, f2, f4, g1; черные: a3, a7, b8, c7, f8, g7, h6.

Б. Белые: a1, a3, c3, e3, f2, f4, g1; черные: a5, b8, c5, c7, g5, g7, h6.

Цель разведки: найти за белых победные комбинации.

Разъяснение обстановки: вот пример — белые: c1, c3, c5, d4, e1, f2, f4, g1; черные: a3, a5, a7, b6, c7, e7, h2, h6; победная комбинация — 1. f4—g5! h6:f4 2. c1—b2! a3:c1 3. e1—d2! c1:e3 4. c3—b4 a5:e5 5. f2:d8 и т. д. с выигрышем (что разведчики РШ записывают кратко так — 1. g5! 2. b2! 3. d2! 4. b4X).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 25, 26, 33, 39, 43, 44; черные: 6, 16, 24, 29, 32, 35.

Б. Белые: 17, 23, 28, 33, 38, 41; черные: 6, 8, 10, 20, 27, 36.

Цель разведки: показать пути к победе белых.

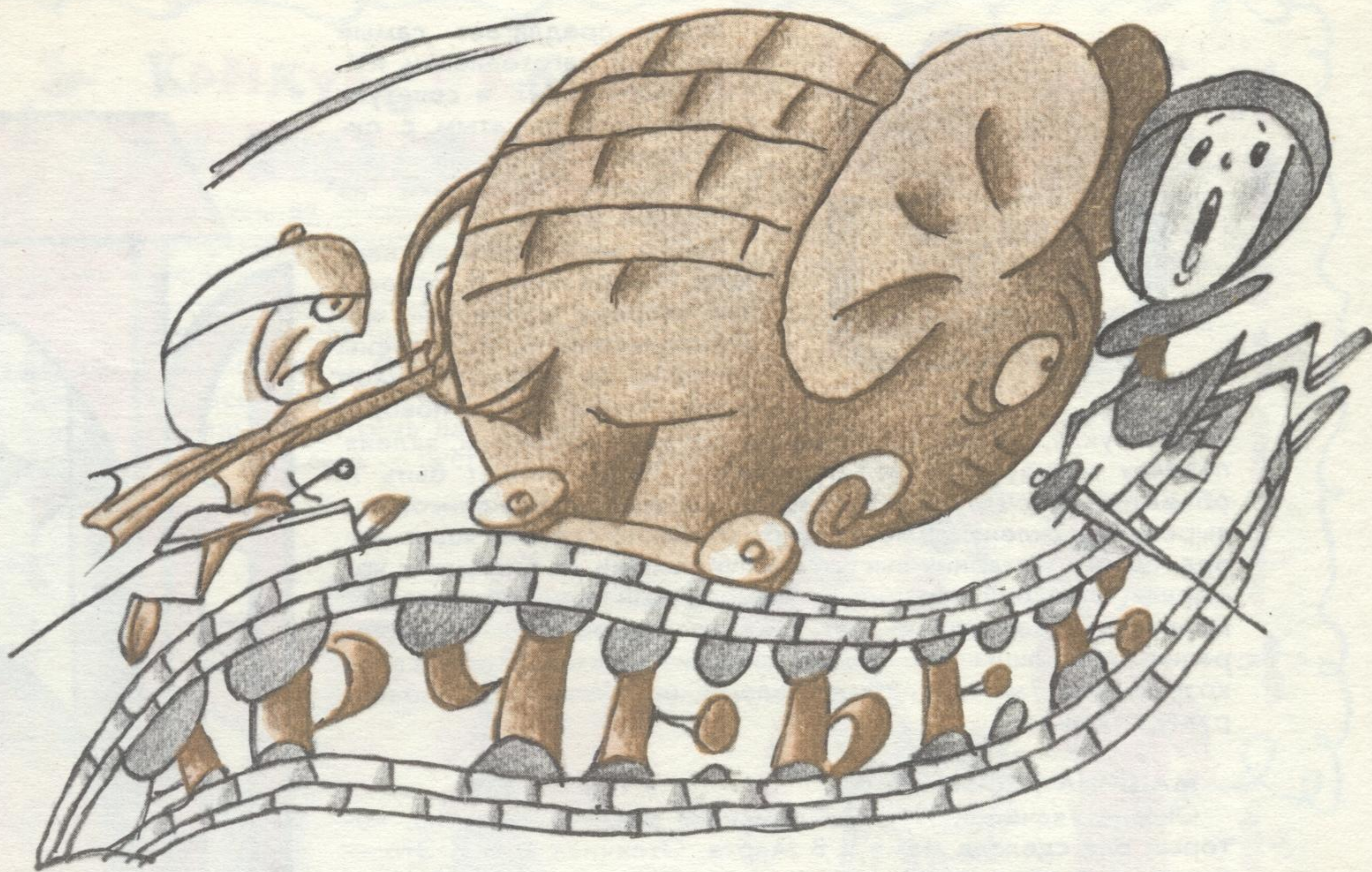
Разъяснение обстановки: чтобы здесь провести комбинации, потребуется воспользоваться отличительными правилами МШ. О них —

РАССКАЗЫВАЕТ ПЕШКОЕДОВ

Международные шашки (МШ) отличаются от русских шашек (РШ) величиной доски (не 64 клетки, а 100), числом шашек (20 белых и 20 черных) и тремя правилами для ходов со взятием.

Первое. При нескольких возможностях удара обязательно бить там, где бьется больше шашек (Б. 22, 28, 31, 32; Ч. 8, 9, 19, 26; Б. играют 1.23!, и Ч. обязаны бить 26:17, а тогда 2.23:21X).

Второе. Если простая с удара попадает на дамочное поле и может еще дальше бить как простая, то она это и

делает без остановки, но в дамку не превращается — остается простой (Б. 35, 41, 44, 45, 48, 49; Ч. 7, 18, 29, 34, 36. Б. играют 1.42! и Ч. должны бить 36:38. Тогда — 2.30 25 3.43 38:40 4.IX).

Третье. Если простая с удара попадает на дамочное поле, а дальше бить как простая не может, то она останавливается и превращается в дамку. Эта дамка получает «дамочные права» только после ответного хода противника (Б. 31, 34, 37, 40, 42; Ч. 8, 19, 25, 26, 33. Б. выигрывают так — 1.38! 42 2.48 37 3.42! 48 (и — стоп!) 4.35 48:30 5.2X).

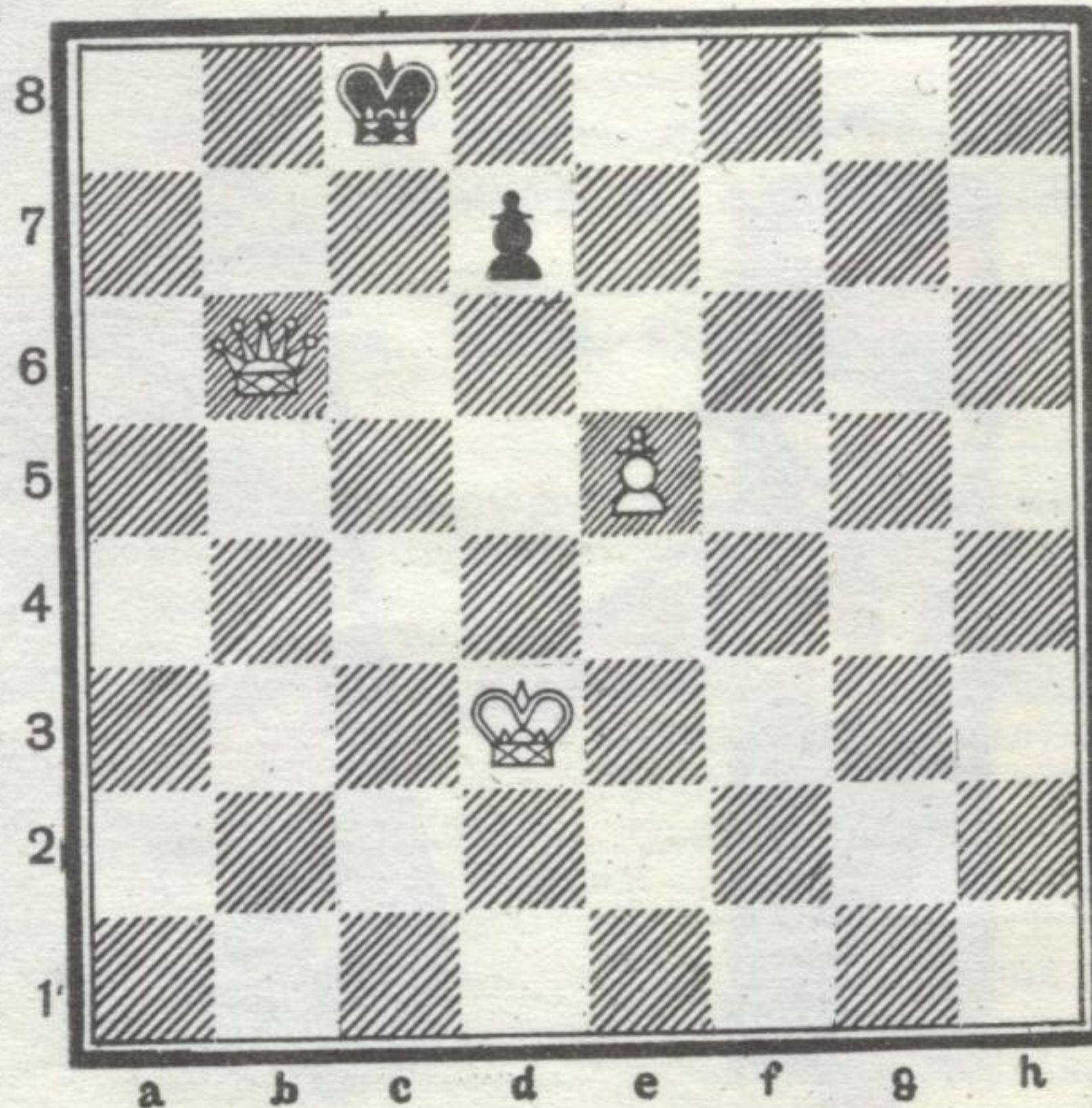
ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Сыграй 25 партий (конечно, не за один раз). И если много проиграешь — не огорчайся: это ведь партии тренировочные.

Напиши рапорт о рокировке: что это такое? когда рокировать нельзя? зачем делают рокировку? (Если не знаешь, пиши: «Не знаю». Получишь объяснение от Ферзьбери.)

ДЛЯ ОПЫТНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

Вячеслав Антипов (Боровичи), победитель прошлых чемпионатов АРЧЕБЕКА, предлагает нынешним разведчикам две свои задачи. И в той и в другой

надо дать мат в 4 хода. Ну-ка, кто разгрызет эти орешки?

а). (См. диаграмму).

б). Белые: Крb1, Лf2, Kg3, Kh1; черные: Крг1, Kh4, п. h2.

КОМИТЕТ

«ВОПРОС — ОТВЕТ!»

— Что значит побить пешку «на проходе»?

— Когда пешка, делая двойной ход, проходит через поле, атакованное вражеской пешкой, то та может ее побить «на проходе». Пример: если на диаграмме черная пешка пойдет d7—d5, то белая получит право побить ее ответным ходом e5:d6 (перейдет с e5 на d6). Но если белые сделают другой ответный ход, то право на взятие «на проходе» ими теряется.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 10. Задание резерву. 1. Са6 a3 2. Крс2 a2 3. Сб7+! (но не 3. Крb2? a1Ф+! с выигрышем) 3... Крf2 4. Крb2 — ничья.

«Костер» № 11. Тренировочная кабин. № 1. 1. Крb4! № 2. 1. Cd8! № 3. 1. Ch2 Сb7 2. Фg3. Стол находок. А. 1. f4! e3 2. hg5 b4 3. dc3!X. Б. 1. e5! 2. c3 3. ed2 b6 4. de3 a5 5. h2 b4 6. d4X. В. 1.31! 2.34!X. Г. 1.24! 2.29X. Д. 1. Кре5! b1Ф 2. Фd4+; 1... b1К 2. Фb4; 1... Кра2 2. Фb4. (1. Крд5? b1К!; 1. Крс5? g2!).

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем разведчикам отправить рапорты в течение двух недель со дня получения журнала.

§ 2. Рапортовать на почтовых карточках.

§ 3. В левом верхнем углу рапорта указать номер тура и свой пароль (придуманное для себя слово или фразу).

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Маша предлагает самый простой в изготовлении КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР и советует сделать его вожатым с октябрятами, чтобы разыгрывать сказки и сценки из школьной жизни.

Куклы нарисованы на картоне и вырезаны. К обратной стороне изолентой или лейкопластырем приклеены палочки, за которые кукол водят. Чтобы в игре поворачивать куклу, можно сделать рисунок двухсторонним, вклеив палочку между двух его половинок. Кукла может быть и объемной. Посмотри на развертки, которые надо нарисовать, вырезать и склеить. Вместо ширмы можно сделать ящик — с подобными в старину выступали кукольники на базарах и ярмарках. Большой картонный упаковочный ящик разрисован, вырезаны и раскрашены «ставни», на задней стенке — декорация. Этот ящик при показе спектакля устанавливается на возвышении /между двумя столами, например/, низ драпируется тканью.

Маша предлагает самый простой в изготовлении КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР и советует сделать его вожатым с октябрятами, чтобы разыгрывать сказки и сценки из школьной жизни.

МАШИНА ПОЧТА.

Оксана Ткаченко /Нарва/ прислала рисунок подарка, который она сделала маме к 8 Марта. Отличная кукла! Это — подушечка для иголок. «А ведь если ее сделать большой, — подумала Маша-искусница, — выйдет очень красивая и оригинальная диванная подушка».

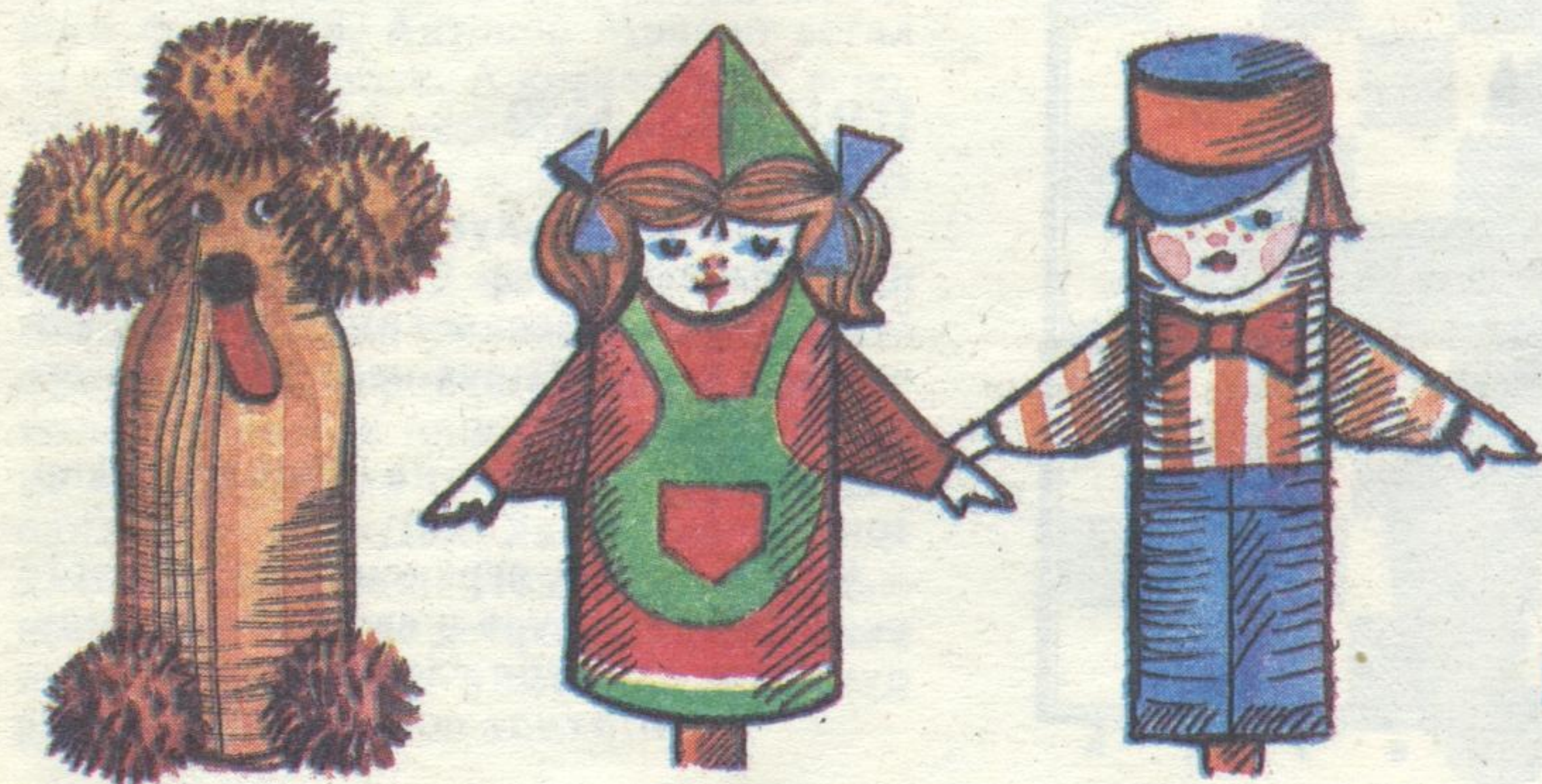
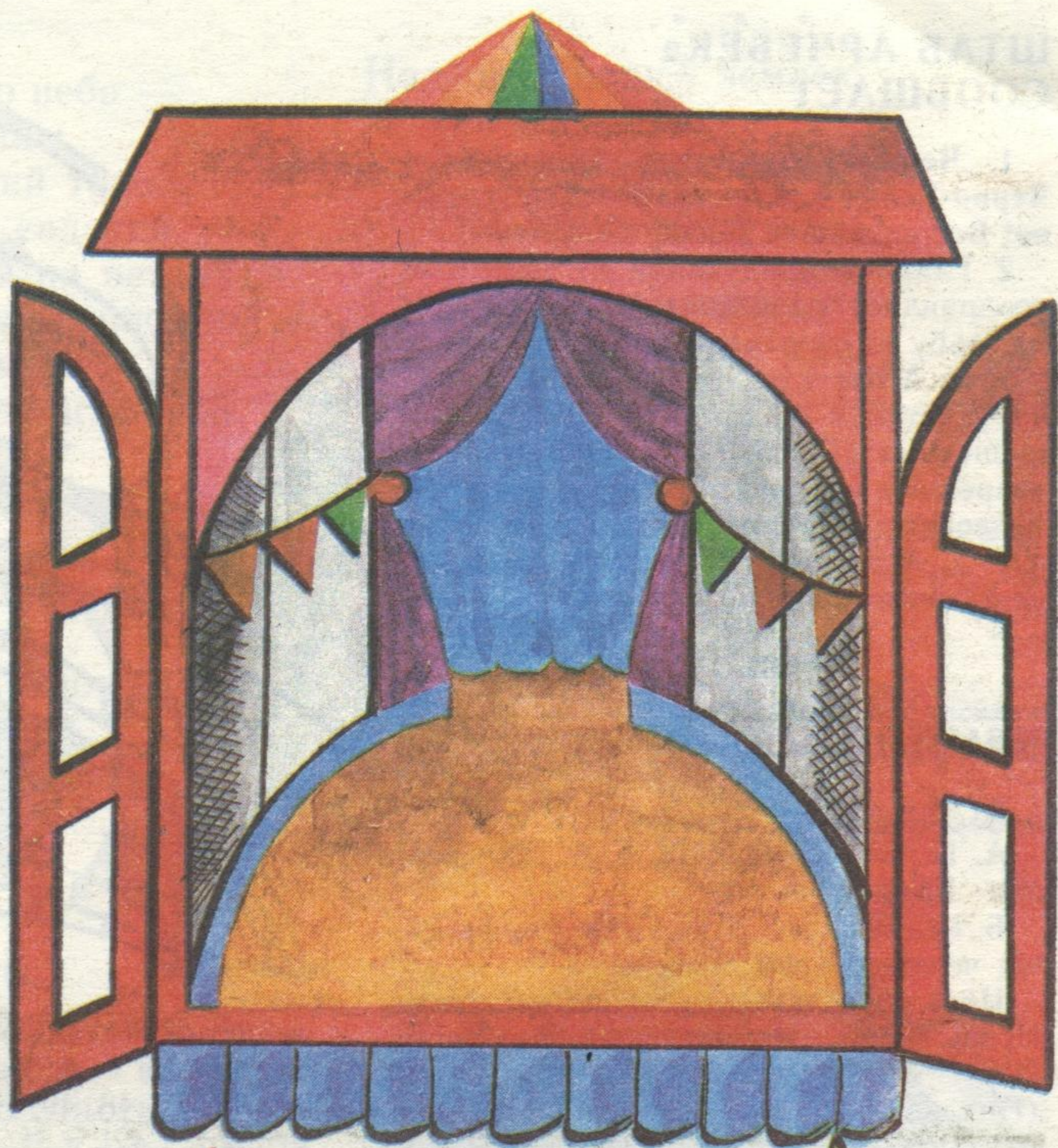
Аня Трофимова /Тольятти/ пишет: «У меня есть пудель Тошка, я его очень люблю. В кафе-мороженице я рассмотрела фигурку пуделя и решила сделать такую же. Тело у пуделя было связано из целлофановой нити. Я не умею вязать, и у меня нет такой нити. Поэтому я обтянула молочную бутылку пушистым коричневым шерстяным чулком. Из жесткой синтетической пряжи бежевого цвета смастерила семь помпонов, как показано в четвертом выпуске «Маши-искусницы» за прошлый год. Помпоны для ушей и ног — средние, для головы — побольше, для мордочки и хвоста — поменьше. Нос и глаза из пуговиц, язык из толстой красной ткани. Теперь у меня два Тошки: один живой, другой — игрушка. Может быть, девочкам понравится мой Тошка, и они захотят сделать такого же?»

Лариса Сальникова /Кировская обл./ спрашивает, что такое пудинг и как его готовят?

Пудинг похож на запеканку. Выпекают его в форме или в глубокой сковороде. Подают как третье блюдо, в горячем или холодном виде со сладким соусом, вареньем, киселем. Попробуй сделать ПУДИНГ ИЗ БЕЛОЙ БУЛКИ.

Взбей ложкой 5 яиц в однородную массу, разбавь полтора стаканами молока и всыпь туда полтора стакана тертой белой булки, добавь $\frac{3}{4}$ стакана сметаны и, если есть, столовую ложку толченой корицы. Хорошо перемешанную массу выливай в форму небольшими порциями, перемежая слой массы со слоем мелко нарезанных яблок, посыпанных сахарным песком /сахарный песок — 1 стакан, яблоки — $\frac{1}{4}$ кг/. Верх пудинга должен быть из массы. Готовя форму для выпечки, смажь ее маслом и посыпь толчеными сухарями /масло — 50 г, сухари — 2 столовые ложки/. Выпекают пудинг при $160-180^\circ$, на стол подают с вареньем.

Рисунки Т. Петуховой

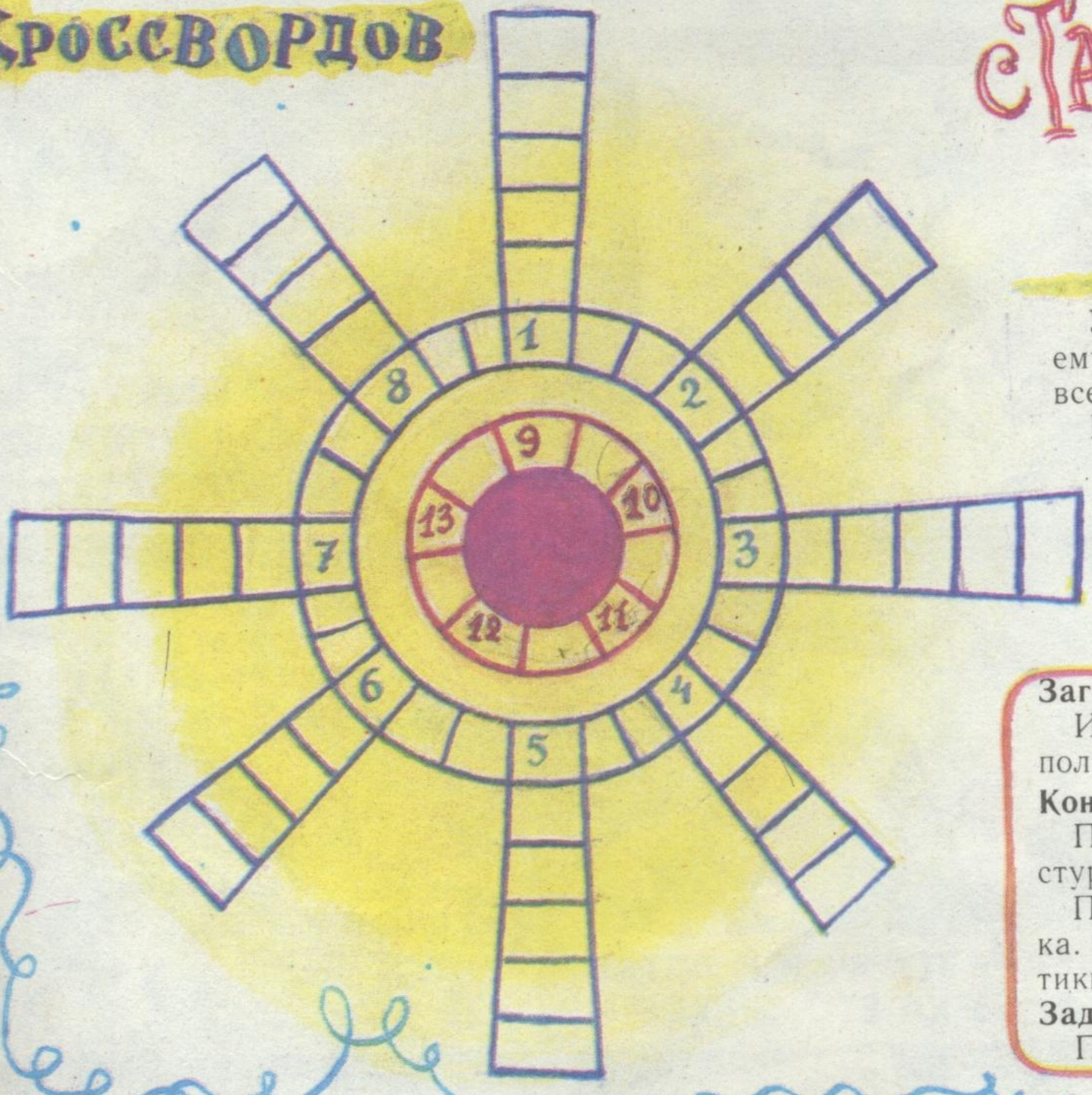

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТАМИ

КОНКУРС

КАТЯ ЧАРИНА из Тулы составила небольшой, но весьма оригинальный кроссворд.
 В кругах по часовой стрелке: 1. Дерево. 2. Часть тела. 3. Женское имя. 4. Южный плод. 5. Драгоценный камень. 6. Пряность. 7. Характер. 8. Лесное хищное животное. 9. Столица европейского государства. 10. Цветок. 11. Повар на судне. 12. Обитатель морей и океанов. 13. Помещение для стрельбы.
 Лучи от круга: 1. Ягода. 2. Огнестрельное оружие. 3. Талисман. 4. Горы в Африке. 5. Женское имя. 6. Зимняя верхняя одежда. 7. Женское имя. 8. Время суток.

Кроссвордов

Конкурс! Конкурс! Конкурс! ТРИ ПЧЕЛОВОДА

Возвратившись из очередного путешествия, профессор Сеницын рассказал такую историю:
 — На пасеке, где я случайно оказался, о чем-то спорили три пчеловода. Они делили между собой 21 бочонок. Трудность оказалась в том, что семь бочонков были полны меда, семь наполнены наполовину, а еще семь — пустые.

— Никак не можем разделить их так,— обратились они ко мне,— чтобы каждый из нас имел одинаковое количество меда и одинаковое количество бочонков, не переливая меда из одного в другой.
 — О, это проще простого,— ответил я,— надо разделить так...
 Те, кто догадаются, что ответил профессор Сеницын, получают в зачет конкурса 20 очков.

Старинная задача

У одного старика спросили, сколько ему лет. Он сказал, что ему сто лет и несколько месяцев, но дней рождения у него было всего 25.
 Как это могло быть?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ

Загадочный день
 Из описания видно, что профессор находился на Северном полюсе. Восход солнца здесь бывает раз в году — 21 марта.

Конкурс кроссвордов
 По вертикали: 1. Банан. 2. Окунь. 4. Амариллис. 6. Настурция. 8. Ара. 9. Боб. 12. Манго. 13. Осока.
 По горизонтали: 3. Казарка. 4. Айва. 5. Неон. 7. Ряска. 9. Батат. 10. Лиана. 11. Бобер. 14. Сова. 15. Семя. 16. Жгуты.

Задача-шутка
 Полюс /пол Ю+С/.

Главный редактор **О. А. ЦАКУНОВ**

Редакционная коллегия: **В. М. ВЕРХОВСКИЙ, О. П. ОРЛОВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ** (отв. секретарь), **Г. М. ЧЕРНЯКОВА**

Художник-редактор **А. Н. АЗЕМША** Технический редактор **В. И. МЕЦАТУНОВА** Корректор **Д. Г. ЛАЗДАН**

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
 Во всех случаях обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться в типографию, печатающую журнал.

М-37261. Сдано в набор 05.10.88. Подписано к печати 14.12.88. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,1. Печать офсетная. Тираж 1 330 000 экз. (2-й завод 50001—1 330 000 экз.). Заказ 1182. Цена 30 к.

Текстовые диапозитивы, диапозитивы иллюстраций изготовлены на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1 Госкомиздата СССР. Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Зак. 9-18 Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

